

Annotation

Возвращение в мир «Трилогии Дэвабада». Бестселлер The New York Times.

«Трилогия Дэвабада» Шеннон А. Чакраборти, снискавшая славу по всему миру, пополнилась новым сборником историй, действия которых происходят до, во время и после событий «Латунного города», «Медного королевства» и «Золотой империи». Мы услышим рассказы с точки зрения как любимых персонажей, так и ненавистных, и даже тех, кто не имел права голоса в романах.

«Серебряная река» включает в себя как уже опубликованные рассказы, так и совершенно новые материалы, в том числе и альтернативный эпилог к «Золотой империи», которую обязан прочитать каждый поклонник Дэвабада.

Собранные под одной обложкой, эти истории о Дэвабаде обогащают и без того наполненный волшебством и чудесами мир. Исследуйте это магическое королевство, скрытое от людских глаз. Место, где джинны живут и процветают, сражаются и любят. Мир, где принцы сомневаются в собственной власти, а могущественные демоны могут протянуть вам руку помощи... или уничтожить вас.

...Принцесса присоединяется к королевскому двору, чья зловещая история наполнена смертями, и ее политической смекалки может быть недостаточно, чтобы справиться с ней...

...Заклученный в тюрьму член королевской семьи из свергнутой династии и молодая женщина, вырванная из своего дома, встречаются в зачарованном саду...

...Пара разведчиков натывается в проклятом зимнем лесу на тайну, которая перевернет их мир...

От первых шагов Манижи к восстанию до приключений, которые происходят после «Золотой империи» – эта коллекция обязательна к прочтению тем, кому не хватает Нари, Али и Дара, а также историй, что разворачиваются вокруг них.

«Множество точек зрения позволяют читателям заглянуть за кулисы мира и понять мотивацию персонажей. Этот сборник станет настоящим праздником для поклонников серии». – Publishers Weekly

«Этот сборник обязан присутствовать в библиотеке рядом с “Трилогией Дэвабада”, поскольку он снова показывает удивительных персонажей Чакраборти и ее великолепный мир». – Library Journal

«Если это последняя книга о невероятно уникальном волшебном мире Чакраборти, то это, безусловно, сияющий и драгоценный подарок». – Paste Magazine

* * *

Шеннон А. Чакраборти

Предисловие автора

Манижа

Дарийя

Хацет

Мунтадир

Джамшид

Дара

Джамшид

Али

Разведчик

Нари

Али

Зейнаб

Мунтадир

Альтернативный эпилог к «Золотой империи»

Нари

Благодарности

Глоссарий

notes1

2

* * *

Шеннон А. Чакраборти

Серебряная река

S. A. Chakraborty

THE RIVER OF SILVER

Copyright © 2022 by Shannon Chakraborty

Published by arrangement with Harper Voyager, an imprint of HarperCollins Publishers

Jacket art by Alan Dingman

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

Перевод Григория Крылова

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Моим читателям

Эта книга никогда бы не появилась на свет без вас

Предисловие автора

Хотя это и случилось более десяти лет назад, я до сих пор помню день, когда я впервые поделилась тем, что позднее стало «Латунным городом», с моими друзьями по пишущей группе в Бруклине. Я была новенькой в группе, в писательстве и совсем новенькой в роли человека, сидящего на диване в чужом доме и представляющего работу, в которую была вложена вся моя душа; я делилась той разновидностью рукописи, какой, по моему мнению, должна быть эпическая фэнтези: содержать не менее дюжины сюжетных линий различных персонажей, множество дорог от одного края страны до другого, десятки разных городов, деревень и волшебных панорамных видов. И все это, страница за страницей, основано на подробной предыстории, на мудреных рассказах и исчерпывающих описаниях.

Вы могли бы сказать, что они не согласились со мной.

Определенно, существуют эпические истории в жанре фэнтези, которые требуют исследования такого рода, возражали они, но «Латунный город» рассказывал о путешествии Нари и Али. О молодой женщине, насильно вырванной из всего, что она знала, вынужденной снова и снова перестраивать свою жизнь, но нашедшей в себе силы обрести в этом выживании яростную решимость сражаться за свой народ и свое счастье. О молодом мужчине, который пытается примирить свою веру и свои идеалы справедливости с тем фактом, что город, его любимый город, построен на подавлении, но отказ от подавления будет означать отказ от правил собственной семьи. И хотя мое желание состояло в том, чтобы поместить их в абсолютно реальный мир среди густого созвездия друзей и семьи, любимых и врагов, чтобы у каждого была своя история, свои комплексы, свои планы, я заранее приняла решение, что в центре этой конкретной истории будут Нари и Али, а позднее – Дара.

Но я очень привязана к моим второстепенным персонажам и твердо верю: для того чтобы история росла и дышала, нужно воспользоваться самым естественным способом – написать ее. И потому в ходе работы над трилогией я параллельно провела опросы некоторых анонимных лиц и описала поведение Мунтадира и Джамшида теми словами, что они подсказали мне, увидела, как Зейнаб стала вождем повстанцев и углубилась в юные годы Дары в гораздо более древнем Дэвабаде. Я написала сцены, которые помогли мне лучше понять трилогию даже в тех случаях, когда я брала из нее только одну строку или эмоциональный настрой. Они представляли собой мою собственную разновидность исследовательских записок, но не из тех, которыми я намеревалась поделиться.

Но тут началась пандемия. Не погружаясь слишком глубоко в мое личное восприятие этого кризиса, который еще не закончился, достаточно будет сказать, что в первые несколько месяцев локдауна я не могла написать ни

строчки. Мир сторал в пожаре, моя семья нуждалась во мне, а я при этом должна была творить? В отчаянной попытке в буквальном смысле выдавить из себя хотя бы строку я вдруг поймала себя на том, что возвращаюсь к моим старым описаниям событий в Дэвабаде. Работа над чем-то знакомым и уже отчасти существующим в черновом виде и в любимом и хорошо знакомом мне мире оказалась не такой устрашающей, как начало с чистой страницы нового проекта. Слова стали медленно возвращаться ко мне, и я начала продвигаться вперед, воображая себе жизнь моих героев по завершении «Золотой империи» и человеческих историй задолго до начала «Латунного города».

И вот теперь я делюсь с вами некоторыми из этих историй. Они расположены в хронологическом порядке с коротким предисловием, которое позволит вам уложить их в контекст трилогии. Надеюсь, вам, как и мне, понравится короткое возвращение в Дэвабад, и хочу, чтобы вы знали: я ваш вечный должник за то, что вы решили дать моей книге шанс.

Пусть огонь ярко горит для вас.

Шэннон Чакраборти

Манижа

Эти события происходят за несколько десятилетий до «Латунного города» и содержат спойлеры к двум первым книгам.

Ее сын был великолепен.

Манижа нащупала одно из крохотных ушек Джамшида, наслаждаясь красотой его идеального личика. Ему всего-то исполнилась неделя, и его темные глаза еще оставались подернутыми огненной дымкой. Его маленькое тело было мягким и теплым, оно лежало в защитном коконе ее рук. Но Манижа, выйдя из палатки, все равно покрепче прижала его к груди. Хотя весна уже наступила, но еще не успела войти в силу, и Зариаспа цеплялась за свои прохладные утра.

Долина перед ней светилась светом восхода, вспышки розового и алого клевера посверкивали каплями росы на фоне высокой травы. Она осторожно перешагивала через разбросанные по земле камни и битый кирпич. Они с Каве разбили свою палатку в развалинах одного из многих заброшенных людьми домов, какими изобиловала эта земля, и уже мало что отличало эти руины от каменистого склона холма, разве что несколько арок и коренастая колонна,

украшенная изображениями алмазов. И тем не менее Манижа на ходу спрашивала себя, а каким могло быть это место прежде. Не было ли здесь замка, королевского дворца, по которому ходили другие новоиспеченные родители в ужасе при мыслях о том, что же это за мир, в который они привели ребенка благородных кровей?

Манижа снова посмотрела на сына. Ее Джамшид. Они называли его королевским именем, позаимствованным давным-давно у людей наряду со множеством других имен – большинство дэвов отрицали, что эти имена заимствованные, но Манижа воспитывалась как Нахид, она знала то, что было запрещено знать остальным представителям ее племени. Имя Джамшид было именем легендарным и королевским. Оптимистическим именем, восходящим к последнему клочку надежды в ее душе.

– Это самое мое любимое место в мире, – тихо сказала она, увидев, как вздрогнули веки Джамшида, сонного малыша, пьяного от молока. Она положила его голову себе на плечо, вдохнула сладкий запах его шейки. – У тебя здесь будет столько приключений. Твой папа купит тебе пони и научит тебя ездить, и ты сможешь исследовать землю, сколько твоей душе угодно. Я хочу, чтобы ты этим занялся, мой дорогой сын, – прошептала она. – Я хочу, чтобы ты исследовал, мечтал и потерялся в каком-нибудь месте, где тебя никто не смог бы найти. Где никто не смог бы запереть тебя в клетку.

Чтобы Гассан не смог дотянуться до тебя. Чтобы он никогда-никогда не узнал о твоём существовании.

И если она в чем и была уверена, так это в одном: Гассан никогда не узнает о существовании Джамшида. При одной только мысли о том, что он может узнать, ей становилось дурно от страха, а она принадлежала к тем женщинам, которых нелегко напугать. Гассан убьет Каве, она в этом не сомневалась, рано или поздно убьет самым изощренным способом, какой сможет изобрести. Он накажет Рустама, уничтожит то, что осталось от сломленного духа ее брата.

А Джамшид... ее разум не позволял ей размышлять над тем, как Гассан использовал бы ее сына. Если бы Джамшиду повезло, Гассан удовольствовался бы тем, что заставил бы его жить в страхе, в каком жила она с Рустамом: заточил бы где-нибудь в дворцовом лазарете и каждый день напоминал ему, что если бы не полезная кровь Нахид, то вся их семейка давным-давно была бы уничтожена.

Но она не думала, что ее сыну повезет. Манижа видела, как год за годом все больше ожесточается Гассан, превращается в зеркальное отображение его тирана-отца. Может быть, Манижа проявила чрезмерную и глупую гордыню, когда отказала Гассану в том, что его сердце жаждало больше всего; может быть, было лучше связать их семьи и племена родством: вымучивать улыбку на лице во время королевской свадьбы, а в темноте на его кровати закрывать глаза. Может быть, ее народу дышалось бы легче, а ее брат не вздрагивал бы при каждом слишком сильном дверном хлопке. Разве для подавляющего большинства женщин такой выбор не был бы наилучшим максимумом, о каком можно было только мечтать?

Но Манижа сделала другой выбор. Она предала Гассана самым обидным для него образом, и теперь она знала: если ее и Каве поймут, то отомстят.

Она поцеловала спутанный пушок на голове Джамшида:

– Я вернусь за тобой, мой маленький, я тебе обещаю. А когда я вернусь... я буду молиться, чтобы ты смог простить меня.

Джамшид шевельнулся во сне, издал какой-то тихий звук, а ее сердце обливалось кровью. Манижа закрыла глаза, стараясь запомнить все в мельчайших подробностях. Его тельце в ее руках, его сладкий запах. Звуки перешептывания ветерка с травой, прохладу воздуха. Она хотела запомнить, как держит его, прежде чем заберет у него все.

– Ману?

Манижа замерла, услышав неуверенный голос Каве, ее эмоции снова перешли в режим свободного падения. Каве. Ее товарищ и сообщник с самого их детства, когда они тайком выбирались из дома, чтобы выкрасть лошадей и скакать без конца по окрестностям. Ее ближайший друг, а потом и любовник, когда любопытство и подростковая истома привели их к робким касаниям, к их драгоценным мгновениям.

Еще один человек, которого она вот-вот потеряет. Манижа и без того задержалась в Зариаспе на три месяца, игнорируя письма Гассана, требовавшие ее возвращения. Она удивилась бы, узнав, что король не снаряжает солдат, чтобы доставить ее во дворец. В одном она не сомневалась: после этого она больше никуда из Дэвабада не уедет. Во всяком случае, пока Гассан остается у власти.

«Кольцо, – попыталась она напомнить себе. – Пока у тебя есть кольцо, есть и надежда». Но ее детские фантазии об освобождении спящего воина-Афшина от рабского кольца, которое они с Рустамом нашли так давно, казались теперь именно тем, чем и были, – фантазиями.

Каве заговорил снова:

– Я приготовил все, что ты просила. Как ты... как ты – в порядке?

Манижа чуть не рассмеялась. Ей хотелось плакать. Она еще крепче прижала к себе ребенка. Казалось невозможным, что вот сейчас она должна будет отпустить его. Ей хотелось накричать на своего творца. Ей хотелось упасть без сознания в руки Каве. Единственный раз, когда ей хотелось, чтобы кто-нибудь утешил ее, сказал, что все будет хорошо. Ей хотелось перестать быть Бану Нахидой, богиней, которой непозволительно слабости.

Но от своей роли она не могла убежать. Даже для Каве она всегда будет прежде всего Нахид, а потом уже любовницей и другом, и она не позволит себе сейчас посеять сомнение в его веру. Она приняла меры, чтобы ее голос звучал ровно, а глаза были сухи, и только тогда повернулась к нему.

Горе искажало ее лицо.

– Как ты красива с ним, – прошептал Каве, в голосе его слышались преклонение и боль. Он подошел поближе, посмотрел на ее спящего сына. – Ты уверена, что по-прежнему хочешь сделать то, что задумала?

Манижа погладила спинку Джамшиду:

– Другого способа скрыть его происхождение нет. Магия Нахид действует сильнее всего, когда мы еще дети. Если мы не сделаем это сейчас, то он будет исцелять своих кормилиц, а потом начнется и исцеление исцарапанных коленок.

Каве неуверенно посмотрел на нее:

– А если ему в один прекрасный день понадобятся такие способности?

У него были все основания для такого вопроса. Джамшид в ее руках казался таким крохотным и хрупким. Он мог подхватить и болезнь, и проклятие. Он мог упасть с лошади и сломать себе шею. Напиться из одного из множества отравленных железом ручьев, пересекавших густые леса Зариаспы.

И все же эти риски были куда как меньше опасности быть пойманным в качестве представителя рода Нахид.

«Удивительно, как в Дэвабаде смерть может быть предпочтительнее жизни».

– Я не знаю, что еще можно сделать, Каве, – призналась она, когда они вернулись в палатку. В восточном углу дымил алтарь огня. – Я надеюсь, настанет день, когда я смогу удалить отметину, но этот день еще далеко. Честно говоря, это такая старая и неизученная магия, что мне остается только надеяться, что у меня получится.

– И как мы узнаем, если получится?

Манижа уставилась на сына, провела пальцем по его сморщенному личику. Она попыталась вообразить, как будет выглядеть Джамшид, когда ему будет три месяца. Три года. Тринадцать лет. Дальше она не хотела заглядывать. Она не хотела думать о том, что полностью пропустит время его взросления.

– Если получится, то я не смогу контролировать его боль, – ответила она.
– И он начнет кричать.

ЧЕРЕЗ ТРИ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ТОГО, КАК МАНИЖА В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ДЕРЖАЛА СВОЕГО РЕБЕНКА, она стояла в тронном зале Дэвабадского дворца.

– В общем, сами понимаете... – сказала она, закончив вымышленное, нескладное объяснение своей задержки на лишний месяц в Зариаспе. – Мои эксперименты со временем были слишком многообещающими, чтобы так вот взять и бросить на половине. Я должна была закончить и увидеть результат.

В течение долгого, напряженного мгновения в зале стояла такая тишина, что и пролетающую муху было бы слышно. Потом Гассан выпрямился на своем троне.

– Твои эксперименты? – повторил он за нею. – Ты оставалась в Зариаспе, игнорируя мои просьбы, моих курьеров, ты продолжала свои эксперименты. Моя жена, твоя королева, умерла из-за твоих экспериментов?

«Саффия никогда не была моей королевой». Но произнести эти слова вслух Манижа не осмелилась. Вместо этого она постаралась не раскачиваться, стоя на одном месте. Будь она проклята, эта магия Нахид, Манижа чувствовала себя так, будто ее выпотрошили. Ее ноги и спина болели от долгой езды, а груди распухли от молока, которое никак не хотело перестать вырабатываться, и стоило ей хотя бы чуть-чуть надавить на прокладки и капустные листья под блузкой для сокрытия ее положения, как жгучие слезы боли выступали у нее на глазах.

Преодолевая все это, она сказала:

– Я не получала ваших посланий. – Манижа слишком устала, была слишком раздавлена горем, чтобы говорить искренним голосом, даже она сама слышала, насколько ее слова были лишены радения об убедительности. – Если бы получила, то вернулась бы раньше.

Гассан недовольно смотрел на нее, он выглядел обманутым и преданным. В выражении его лица была видна подлинная скорбь, эмоция, которой Манижа не видела очень давно. С каждым очередным десятилетием его пребывания на троне Дэвабада его способность к сопереживанию гасла, словно правление городом высасывало тепло из его сердца.

В нем не было сочувствия. Гассан отдал приказ схватить ее – нет, не схватить, потому что даже у короля не хватало власти заставить своих людей прикоснуться к ней, – но солдаты окружили ее, вынудили сойти с коня у ворот Дэвабада, а потом идти по всему главному бульвару, по кварталу ее племени до дворца. И Манижа прошла этот путь, стараясь высоко держать голову и скрывать тот факт, что ее дыхание сбивалось, поскольку дорога петляла, то опускалась, то поднималась по холмам города. Ее соплеменники смотрели на нее, пряча испуганные лица за стеклами окон и потрескавшимися дверями, и Манижа не могла допустить, чтобы дэвы увидели, как она оступится. Она была их Бану Нахида, их свет. И в этом состоял ее долг.

Но когда она подошла к дворцу, построенному ее предками, когда услышала его каменную песнь, адресованную ей, она уже была не она, а настоящая развалина. Одежда на ней превратилась в сплошное непотребство: платье было разодрано и местами покрыто грязью, капюшон чадры соскользнул на плечи, обнажив растрепанные волосы и подведенные сажей брови. И все это еще до того, как ее провели в тронный зал, священное место, где когда-то заседал Совет Нахид.

Что подумали бы ее предки, увидев ее в таком виде, подумала она: волосы растрепанные, грязные, и стоит она у подножия украденного трона, принадлежавшего ее семье, раболепствует перед потомками джинна, который убил их.

Будь она мудрой, она бы извинилась. Манижа знала: именно этого и хотел от нее Гассан. Она унизила его. Двор Дэвабада был жестоким, а придворные, делаясь слухами, не щадили его правителей. Маниже хотелось унижить Гассана, чтобы это видели все и подумали, а так ли уж он всемогущ,

грозный король Дэвабада, если его собственная Нахида может так открыто отказывать ему в повиновении? Притом что это неповиновение привело к смерти его жены? И Манижа искренне переживала ее смерть. Она никогда не испытывала неприязни к Саффие. Скорее уж наоборот: она надеялась, что женитьба Гассана положит конец его домогательствам. Извинение ничего не стоило бы Маниже, кроме уязвленной гордости, и, вероятно, так бы и поступил хороший целитель, к тому же пристыженный смертью, в которой не было ни малейшей необходимости.

Манижа выдержала взгляд Гассана, чувствуя, что весь двор смотрит на нее. Смотрит его кейд по имени Ваджед, еще один джинн гезири. Его великий визирь из Аяанле. Сколько бы Гассан ни трещал о необходимости улучшения отношений между дэвами и племенами джиннов, среди тех, кто смотрел на нее сейчас, не было ни одного лица дэва. А судя по выражениям на лицах джиннов, никто из них не скорбел. Они казались нетерпеливыми. Голодными. Все они радовались, видя, как ставят на место наглую «огнепоклонницу».

«Мы лучше вас. Я лучше вас». В первый раз Манижа чувствовала искушение дать волю ярости, которая кипела в ней. Она, вероятно, вполне могла переломать кости половине из этих мужей, пялившихся на нее сейчас, обрушить потолок и погрести их всех под ним.

Но численное превосходство было на их стороне, а еще Манижа знала, что, поступи она так, и все дэвы, какие есть в городе, умрут. Оружие всех, кто останется живым в этом зале, искромсает ее, потом будет казнен Рустам, как и Низрин, ее самый преданный друг и помощник. За ними последуют священники в храме и дети из школы. Их квартал почернеет от крови невинных.

И потому Манижа опустила взгляд. Но не извинилась. Напротив, спросила безразличным голосом:

– Мы закончили?

В голосе Гассана она услышала ярость.

– Нет. Но ты определенно нужна другим брошенным тобой пациентам в лазарете. Ступай.

«Ступай». Эта команда обожгла ее своей уничижительностью. Манижа развернулась на каблуках.

Но он еще не закончил.

– Ты больше не покинешь этот дворец, – объявил ей в спину Гассан. – Мы не хотим, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Ее ладони горели магией. Щелчка пальцами было бы достаточно, чтобы сломать кости в основании его черепа?

Она распрямила плечи и расслабила руки.

– Ясно.

Перешептывание становилось все громче, пока она шла через толпу к двери. Холодные, как металл, взгляды джиннов обвинительно и враждебно мерили ее. «Бессердечная ведьма», – слышала она. Завистливая и жестокая. Сноб. Сучка.

Огнепоклонница.

Манижа, высоко держа голову, вышла в дверь.

Но легче ей за пределами тронного зала не стало. День был в самом разгаре, и дворец кишел секретарями и министрами, знатью и учеными. Капюшон грязной чадры Манижи все так же ниспадал ей на плечи, и она стала мгновенно узнаваемой. Она даже представить себе не могла, какой убогий у нее вид – вся в грязи и без сопровождения, понесшая наказание от их справедливого, правоверного короля. Шум в коридоре стихал, потому что люди останавливались, чтобы поглазеть на нее.

К ней двинулись два дэва, вид у них взволнованный. Манижа поймала их взгляд и почти незаметно отрицательно покачала головой. Помочь ей они не могли, а она не хотела подвергать своих соплеменников дальнейшему риску. Она по-прежнему в одиночестве встречала презрительный шепот. Это она своими руками убила Саффию, самую прекрасную из всех королев, потому что ей очень хотелось вернуться в постель Гассана.

Жар распространялся по ее рукам, ее шее. Туман плыл перед глазами Манижи. Она чувствовала каждую косточку, каждую каплю крови Нахид. Все ли понимали, какую жертву принесли она и ее народ ради них, ради того, чтобы они стояли здесь, осуждали ее теперь?

Нет, конечно.

Осознавая, что магия дворца просто поглотит ее бешенство, сделает с ним что-то непотребное, если она и дальше будет отказываться подчиниться, Манижа, тяжело дыша, направилась к первому же выходу в сад, который попался ей на пути. Она, казалось, напугала охранника, который подпрыгнул при виде нее, но пришел в себя вовремя, чтобы захлопнуть дверь и запереть замок, когда она оказалась в саду.

Манижа прислонилась спиной к стене и закрыла лицо руками. Все ее тело болело. Ее душа болела. Она чувствовала себя пустой, выгоревшей оболочкой. Джамшид и Каве в том месте, где она их оставила, – вот все, что она видела в темноте ее разума, мужчину, которого она любила, с их запретным ребенком на руках среди руин и весенних цветов. Она все еще слышала крики Джамшида, когда она делала татуировку на его плече, отделяя его таким образом от его наследия. Этот плач до сих пор звучал в ее ушах. Его крики, прерываемые иканием, и снова и снова приглушенные всхлипы.

Потом Манижа замерла. И дело было не только в воспоминании о криках Джамшида; она услышала плач другого ребенка где-то за путаницей зелени.

Она помедлила. Это был самый широкий угол сада, он пребывал в небрежении несколько веков, а теперь превратился в дикие джунгли. Высокие деревья парили за стенами дворца, колючие стебли задушили тропинки, а подлесок был такой густой, что внизу царила темнота, ноги скользили на гниющих

листьях и мхе. Здесь канал, который проходил по дворцу, был безмолвен и непредсказуемо глубок, его черная вода каждый год забирала как минимум одну жизнь. Конечно, по той причине, что это был Дэвабад, а не только потому, что опасность таила в себе сама природа. Магия дворца, текшая по ее жилам, всегда казалась самой безжалостной среди этих безмолвных деревьев. Словно что-то древнее и раненое похоронило себя под землей и кормилось кровью и страданиями тысячелетий.

А потому в эту часть сада не заходили все те, кто имел хоть какое-то чутье. В этих зарослях случались вещи, непонятные даже джиннам. Тощий кот появился оттуда тигром со стеклянными зубами и змеиным хвостом. Говорили, что тени там могут отделяться от земли и проглатывать неосторожных. Смесь слухов с реальной магией, линия раздела между историями, рассказываемыми, чтобы напугать детей, и случаев со слугами, которые и в самом деле уходили и пропадали так, что найти их было довольно затруднительно.

Истории, которые не пугали Манижу. До этого дня. Да, она носила имя Нахид, и магия дворца никогда не вредила ей. Но что могло заманить сюда ребенка, она и представить была не в состоянии, и несколько мгновений даже думала, что этот звук просто трюк, жестокое целенаправленное стрекало.

Плач со слезами под икание не прекращался, был он трюком или нет. Ее озабоченность все росла, и она пошла на звуки, предполагая, что увидит, может быть, чудовищно громадную птицу, подражающую человеческим звукам.

Но увидела она не птицу. Под крупным кедром в корнях, переплетенных настолько, что пролезть в них мог только кто-то очень маленький, запутался мальчик. Он лежал, сложившись, на мху, прижав колени к груди, и все его тело сотрясали рыдания. В полумраке выделялась пышность его одеяний. Его дешдаша из хлопка там, где она не была закидана листьями и не покрыта грязью, поражала своей светящейся белизной. Кушак был из шелка, в насыщенном медном свете выделялся бронзовый и ярко-синий рисунок. На запястьях и в ушах у него блестело золото, на шее висело жемчужное ожерелье. Вся эта роскошь ничуть не походила на финтифлюшки, какие надевают маленькие мальчики, выходя поиграть на улицу, и, уж конечно, не будет надевать такие ее сын, который в холодные зариаспские зимы станет одеваться в вещи из домотканой шерсти и латаные-перелатаные шапочки.

Но, глядя на маленького мальчика перед ней, она понимала, что он не похож на других. Он был наследником престола короля-джинна.

А еще он был очень глупым мальчиком. Потому что, оглядевшись, она поняла, что юный Мунтадир аль-Кахтани вроде бы пришел сюда один и без оружия, одна ошибка накладывалась на другую. Она не могла себе представить, каким образом маленький принц, с которого обычно пылинки сдували, оказался здесь, в этих зарослях, плачущим в одиночестве.

«Не можешь?» В конечном счете в жилах Манижи текла королевская кровь, и она рано научилась скрывать свои эмоции. Во дворце эмоции были слабостью, которую другие использовали, чтобы навредить тебе. И Мунтадир был не просто королевским сыном – он происходил из семьи воинов, людей, которые превыше всего ценили в себе выносливость. Он явно уже достиг того

возраста, когда должен был понимать цену, которую ему придется заплатить за свои слезы в таком месте, где его могли увидеть другие.

А еще, если он и дальше будет здесь оставаться, его может сожрать тень, и тогда в этом, скорее всего, обвинят детей Нахид, а потому Манижа шагнула вперед:

– Мир тебе, маленький принц.

Мунтадир вздрогнул, его голова дернулась. Его глаза сначала широко распахнулись от страха, а потом уже нашли ее. Он с трудом поднялся на ноги, прижался спиной к стволу дерева.

Манижа подняла обе руки.

– Я не желаю тебе зла, – тихо сказала она. – Но это небезопасное место.

Принц на это только моргнул. Он был красивым ребенком с большими яркими серыми глазами в обрамлении длинных темных ресниц. В его черных кудрях, спадавших идеальными локонами ниже подбородка, присутствовал каштановый оттенок. Подойдя поближе, Манижа увидела приколотые к его одежде крохотные амулеты из матированного стекла. Ожерелье из подобных же материалов висело на его шее, бледные стеклянные бусинки перемежались с деревянными бусинками и раковинами с брелоками из чеканной меди. В брелоки, вероятно, были помещены священные стихи, написанные крохотными шрифтами на бумаге. Деревенские суеверия для защиты юного наследника от всевозможного зла. Его мать родилась в маленьком прибрежном поселке, и если Манижа считала Саффию смиренной и тихой, то она не могла не отмечать, как та до сих пор пытается защитить сына известными ей средствами.

Теперь ее не было. Мунтадир замер, как кролик при виде коршуна.

Манижа опустилась на колени в надежде, что так будет казаться менее устрашающей. Несмотря на все сплетни джиннов, она бы никогда и пальцем не тронула ребенка.

– Я знаю про твою маму, маленький, и очень тебе сочувствую.

– Тогда почему вы ее убили? – выкрикнул Мунтадир. Он отер сопливый нос рукавом и снова заплакал. – Она вам ничего плохого не сделала. Она была хорошая и добрая... она была моя амма, – плакал он. – Она мне нужна.

– Я знаю, и я сочувствую тебе. Я тоже потеряла маму, когда была совсем маленькой.

Слово «потеряла» было невероятно точным в своей жестокости, потому что мать Манижи была среди многих других дэвов, которые исчезли во время правления Кадера – отца Гассана. Во время его жестокого правления.

– Я знаю, сейчас это кажется тебе невозможным, но ты будешь жить и дальше. Она бы хотела, чтобы ты жил дальше. У тебя здесь люди, которым ты дорог, они будут присматривать за тобой.

Последние слова были похожи на ложь или, по крайней мере, на полуправду. А правда состояла в том, что маленький осиротевший принц станет для людей центром притяжения, но при этом у них будут в головах свои далеко идущие планы.

Мунтадир смотрел на нее, вид у него был совершенно недоумевающий.

– Зачем вы ее убили? – снова прошептал он.

– Я ее не убивала, – ответила Манижа; она говорила сочувственным, но твердым тоном. – Твоя амма была очень больна. Я получила вызов от твоего отца с опозданием и не успела ее спасти, но я никак не желала ей ничего плохого. Никогда.

Мунтадир подошел к ней поближе. Он сжимал в руке одну из разделявших их поросших мхом веток, сжимал с такой силой, что костяшки его пальцев побелели.

– Меня предупреждали, что вы именно так и будете говорить. Мне говорили, что вы будете лгать. Что все дэвы только и делают, что лгут. Мне сказали, вы убили ее, потому что хотели замуж за моего отца.

Одно дело было слышать эти подлые измышления от взрослых придворных, и совсем другое – из уст горюющего ребенка. Манижа была совершенно ошарашена обвинительным выражением его глаз. Мунтадир стоял теперь во весь рост, и в нем ясно просматривался будущий эмир.

– Настанет день – и я увижу вас мертвой.

Малютку принца так трясло, когда он произносил эти слова, и тем не менее он их произнес, он словно проверял новый навык, который еще не успел освоить полностью. А потом, прежде чем она успела открыть рот, он ушел еще глубже в заросли.

Манижа смотрела на его удаляющуюся спину. Мунтадир казался таким маленьким в подлеске, окутанном туманом. Ей вдруг захотелось, чтобы заросли навсегда поглотили принца, чтобы природа разделалась с угрозой, которая, как она понимала, будет только расти и вызревать. Но эта мысль мгновенно испарилась.

«Вот поэтому-то ты и оставила Джамшида». Пусть разлука с сыном разбила ее сердце, но он, по крайней мере, не будет расти в этом ужасном месте.

Манижа заставила себя двигаться дальше, но вскоре совсем вымоталась, влажная жара лишила ее еще остававшихся сил. Ноги у нее подкашивались, в месте их соединения скапливалась влага. Хотя со дня рождения Джамшида прошло уже немало недель, кровотечения у нее не прекратились. Манижа понятия не имела, считаются ли такие кровотечения нормой, она не знала, реагируют ли на деторождение тела женщин из ее рода иначе, чем тела других женщин. Когда она выросла настолько, что эти вопросы стали приходить ей в голову, из ее рода не осталось ни одной женщины, чтобы ей ответить.

Но ее боль не имела значения. Потому что, чем ближе подходила она к лазарету, тем яснее понимала, что в ней нуждается другой Нахид.

Если Манижу востребовала магия дворца, то Рустаму принадлежали его густые заросли. Ее маленький брат никогда не был таким целителем, как она, но он был настоящим знатоком в том, что касалось растений, и сад был покорен ему, как преданная, любящая собака своему хозяину.

Теперь сад одичал. Повсюду в нем рос плющ и гигантские, воронкообразные цветы, везде проступала яркая зелень свежей растительности. Запах любимой апельсиновой рощи Рустама Манижа ощутила задолго до того, как увидела ее, в воздухе густо висел приторный аромат перезревших плодов и гниения.

Когда она свернула вместе с тропинкой, у нее перехватило дыхание. Сад лазарета выглядел так, будто принял дюжину порций зелья, ускоряющего рост. Кусты серебряной мяты прежде ростом до талии теперь могли соперничать высотой с деревьями, как розовые кусты с бутонами размером с тарелку и шипами, острыми как кинжалы. Фруктовый сад Рустама, его радость и предмет гордости, одичал, он возвышался над остальным садом, как огромный паук. Его фруктовое изобилие оказалось избыточным даже для волонтеров, которые собирали лишние плоды для кладовых Храма, потому что апельсины остались гнить на земле.

Манижа прошла по сорнякам, подгоняя себя, однако быстро у нее все равно не получалось. Капюшон ее исчез – его сорвала с нее ветка дерева, и теперь ее грязные волосы упали ей на плечи. Она даже не успела дойти до павильона, когда резкая боль пронзила ее в области таза. Она сложилась чуть ли не пополам, подавляя крик боли.

– Моя госпожа!

Манижа подняла взгляд и увидела, как Низрин уронила медицинские инструменты, которые она раскладывала на солнце, и бросилась к ней.

– Бану Нахида... – Низрин, не скрывая потрясения, замолчала, ее широко раскрытые, озабоченные глаза уставились на Манижу.

Манижа сжала зубы, потому что боль снова пронзила ее чрево. «Дыши. Просто дыши».

– Где Рустам? – с трудом проговорила она.

– Он как раз проходит процедуру. Он уже начал, когда пришло известие, что вы вернулись.

– Он здоров?

Низрин открыла и закрыла рот, судя по ее виду, она никак не могла найти подходящий ответ, но наконец сказала:

– Он жив.

Ответ был не очень обнадеживающий. Манижа и без того знала, что он живой. Гассан не мог пойти на такой риск – убить его единственного Нахида в ее отсутствие. Но было много чего другого, что он мог сделать с Рустамом.

– Моя госпожа, вам нужна помощь, – настаивала Низрин. – Позвольте я отведу вас в хамам.

Манижа сильнее прижала кулак к животу. В этот момент она не была уверена, что сможет дойти до хамама, уже не говоря о том, чтобы помыть себя, не потеряв сознания. Но главное, все станет понятно, как только она разденется.

Она поймала взгляд Низрин. Ее помощница, самая близкая к тому, кого можно назвать другом. Но еще важнее, что Низрин скорее умерла бы, чем предала бы ее. Она размышляла еще секунду, а потом тяжело оперлась на протянутую руку.

– Никто, кроме тебя, не должен меня видеть, – пробормотала Манижа. – Когда мы придем в хамам, позаботься, чтобы там больше никого не было. И забаррикадируй дверь, когда мы войдем.

– Забаррикадировать дверь?

– Да. Мне понадобится твоя помощь, моя дорогая. Но твое молчание для меня еще важнее.

МАНИЖА НЕ ЛИШИЛАСЬ СОЗНАНИЯ В ВАННЕ, хотя пребывала в таком смятении, что вполне могла. Время тянулось в тумане пара и горячей воды, в запахах мыла и старой крови. Низрин была заботлива и спокойна. Мгновение колебания возникло, когда она сняла с Манижи пыльную одежду, но, начав работать, она снова обрела свою всегдашнюю уверенность. По мере того как она отмывала и скребла Манижу, вода становилась уродливо серой, а Манижа, вероятно, плакала, но слезы вместе с мыльной пеной стекали с ее лица, так что она не была уверена, плачет она или нет. Да и не заботило это ее.

Но, когда она легла в свою постель, тяжелый сон сразу сморил ее, а пробудившись, увидела, что в комнате стояла темнота, свет исходил только от ее алтаря огня и маленькой лампадки, стоявшей у ее кровати.

Она была не одна в комнате; ее нахидское чутье по сердцебиению и дыханию определяли присутствие другого человека с такой точностью, как если бы она видела его своими глазами. Манижа, сбита с толку, попыталась сесть, но только разбудила прежнюю боль в животе.

– Все в порядке, – заверил ее тихий голос. – Это всего лишь я.

– Рустам? – Манижа моргнула. Брат вернулся к ней неясными очертаниями – такими же, как у нее, черными глазами и яркой белизной его вуали.

– В данный момент Бага Нахид, – сказал Рустам. Он подоткнул еще одну подушку ей под голову и поднес дурно пахнущую чашку к ее губам. – Выпей.

Манижа подчинилась. Когда Рустам из Нахид лично заваривал тебе зелье, пить следовало, не задавая вопросов. Облегчение наступило почти мгновенно, и Манижа даже поперхнулась. Ее боли, отеки по всему телу, пульсации в голове – все это тут же прошло.

– Да благословит тебя создатель, – хриплым голосом сказала она.

Она выпила еще одну предложенную им чашку, но отрицательно покачала головой, когда он предложил ей маленькое блюдечко с нарезанным фруктом и простой хлеб.

– Я не голодна.

– Тебе нужно поесть, Ману. Ты ослабела телом. – Рустам потянулся к ее руке.

Манижа отдернула свою руку, прежде чем он успел к ней прикоснуться. Глаза его, как и всегда, были опущены. Рустам теперь редко смотрел в глаза кому-либо, а когда все же смотрел, то изо всех сил старался не отводить взгляда.

– Может быть, у меня нет твоих талантов, сестра, – снова заговорил он, – но я такой же Нахид, как и ты. Мне не нужно прикасаться к твоей руке, чтобы знать, что с тобой случилось.

И снова слезы обожгли ее глаза. Манижа не плакала много лет до рождения Джамшида.

– Ничего со мной не случилось. Я в порядке. Просто путешествие было тяжелым.

– Манижа...

– Путешествие было тяжелым, – повторила она свирепым голосом. – Ты меня понимаешь? И говорить тут не о чем. И знать тут нечего. Тебя никто не сможет обвинить в том, чего ты не знаешь.

– Мы с тобой оба знаем, что это не так. – Рустам щелкнул пальцами, и лампадка загорелась ярче, в комнате стало светлее, а по стенам запрыгали дикие тени. – Не носи это бремя в одиночестве. Это тяжело. Нести такое бремя.

– Мне не о чем тебе рассказать.

– Нет, есть! Ты не можешь исчезнуть на год и вернуться после...

Вся комната вздрогнула. Волна тепла накрыла их, пламя в алтаре огня воспарило ввысь, обожгло потолок, отчего трюки Рустама стали похожи на детские игры.

– Если ты продолжишь это предложение, то больше никогда не заговоришь, – предупредила она его. – Ты меня понимаешь?

Рустам выхватил пустую чашку из ее руки, его трясло. Его руки дрожали, когда ему было страшно – он не мог контролировать этот свой недуг, который год от года только усиливался. В присутствии Гассана он ничего не мог взять в руки, потому что его начинало трясти, а когда им приходилось появляться на каких-то публичных торжествах, он с помощью Манижи обвязывал себе запястья веревками, на свободно болтающихся концах которых было накручено несколько узлов, чтобы он мог ухватить их и таким образом контролировать себя.

А теперь дрожь у него вызвала Манижа. У нее не осталось выбора – глупо было с его стороны говорить открыто, так как у Гассана повсюду были глаза и уши... Но волна раскаяния тут же нахлынула на нее.

– Рустам, прости меня. Я только...

– Я понимаю, – резко сказал он. – Твои угрозы уже и есть ответ. – Он сжал и разжал кулаки, потом положил руки на колени, пытаясь обрести контроль над собой. – Я ненавижу это, – прошептал он. – Я их ненавижу. Ненавижу, что даже спросить у тебя не могу...

– Я знаю. – И теперь она взяла его за руку. – Можно я тебе задам вопрос?

– Конечно.

– Ты можешь добавить в свои молитвы то, о чем я не могу тебе сказать?

Рустам поднял взгляд на нее:

– Каждый день, сестра.

От той искренности, которую Манижа видела в его глазах, ей становилось только хуже. Она хотела сказать ему. Хотелось, чтобы он забрался к ней под одеяло, как это было в детстве, когда им хотелось плакать. Ей хотелось, чтобы кто-то другой из рода Нахид сказал ей, что все будет хорошо. Что Гассан падет, а она снова увидит сына. Что они отменят колдовство, совершенное ею, и вернуться в Дэвабад, где станут править вместе, как того заслуживает их семья.

Но ее младший брат выглядел ужасно. Рустама немного трясло, его бледное лицо приобрело желтоватую окраску. Синяки у него под глазами проявились так ярко, что казалось, будто его побили, к тому же он заметно похудел. Остальных частей его лица она не видела. Рустам так редко снимал свою вуаль, ей даже иногда приходилось напоминать ему, что, когда они вдвоем, он вполне может позволить себе это, и Манижа знала: дело тут вовсе не в благочестии. Он ушел в себя, чтобы спасти их жизни в Дэвабаде, отступал за любую стену, какая попадалась, уходил туда, где никто не мог к нему прикоснуться.

Одних только этих синяков вполне хватило бы, чтобы написать картину о страданиях ее брата в течение того года, пока она отсутствовала. Других свидетельств и не требовалось. Кости Рустама срослись, после того как головорезы Гассана поломали их, как затянулись раны, оставленные кнутом, и кислотные ожоги. Гассан никогда Манижу и пальцем не тронул. В этом не было нужды. Он давно уже понял, что приводить ее к покорности гораздо

продуктивнее избиениями брата. Однако не все невидимые отметины Рустама были оставлены Гассаном. На запястьях Рустама была написана совсем иная история. Ее брат не раз пытался покончить с собой, но успешное самоубийство было трудноисполнимо для Нахида. Его последняя попытка – отравление – была сделана много лет назад, и именно Манижа вернула его к жизни. Он умолял ее позволить ему умереть. Она упала на колени, умоляя его не бросать ее.

Тогда она плакала в последний раз до рождения Джамшида.

Она не стала дальше давить на Рустама. Напротив, Манижа попыталась придать своему лицу более спокойное выражение.

– Ты не можешь попросить кухню приготовить мне немного имбирного чая? – спросила она. – Я думаю, это успокоит мой желудок, и я смогу поесть.

Он вздохнул с облегчением. О да, она знала выражение на лице целителя, радующегося тому, что наконец-то перед ним стоит ясная задача.

– Конечно. – Рустам поднялся на ноги, потом пошарил в карманах своего одеяния. – Я принес тебе кое-что. Я знаю, ты любишь, чтобы оно оставалось невидимым, но я подумал... Я подумал, что это даст тебе некоторое утешение. – Он положил ей в руку маленький твердый предмет, сомкнул ее пальцы вокруг него и только после этого отошел от Манижи. – Пусть пламя ярче горит для тебя, Ману.

Сердце Манижи екнуло. Она знала, что держит в руке.

– И тебе желаю того же, дорогой.

Он ушел, поклонившись ей, а Манижа снова вернулась в кровать. И только когда услышала, как закрылась дверь, она приглушила пламя, погрузив комнату в прежнюю полутьму.

Потом она надела на палец древнее кольцо, которое он положил ей в ладонь. Кольцо это повидало всякое. Манижа помнила все его вмятинки и царапинки, потому что ни одному другому предмету не уделяла столько внимания, сколько этому кольцу, которое хранило единственную надежду на спасение для ее племени.

– Пожалуйста, вернись, – прошептала она. – Пожалуйста, спаси нас.

Дарийя

Эти события происходят год или около того спустя после предыдущей главы и содержат спойлеры ко всем трем книгам.

Женщина-джинн взяла один из только что выстиранных бинтов за самый край, словно собиралась вытрясти из него паука. Улыбка появилась на ее лице.

– Это что – шутка?

Дарийя посмотрела на бинт. Ей он показался вполне пригодным, она его вычищала в такой горячей воде, что у нее кожа на руках потрескалась. Потом она высушивала его на солнце.

– Не понимаю, госпожа, – сказала она, стараясь говорить как можно более испуганным голосом. Она ненавидела такое поведение, но давно уже приучила себя смирять тон, разговаривая с этими демонами. Ничто джинны не любили так, как возможность вернуть «грязную кровь» на ее место.

– Они все еще влажные. Ты знаешь разницу между сухим и влажным? Если я уберу их в таком виде, они заплесневеют. И если ты не хочешь объяснять Бану Маниже, почему в ее кладовке растет плесень, ты сейчас пойдешь и выстираешь их заново.

Женщина бросила бинт Дарийе. Та схватила его и в отчаянии посмотрела на всю принесенную ею партию стираного белья. Предполагалось, что это ее последняя корзина, и теперь ее отпустят домой.

– Может быть, я посушу их еще немного на солнце, – предложила Дарийя. – Я только что сняла их с веревки, клянусь вам. Они не...

Ударом ноги женщина-джинн перевернула корзинку с бинтами, и те разлетелись по полу кладовки. Впрочем, пол был чистый – ни одному из помещений лазарета, как и ее наводящим ужас обитателям, не позволялось быть нечистыми. Маленькая армия слуг-шафитов, в которой состояла и Дарийя, дни и ночи подметала полы, стирала белье, подтирала пролитое. Маги-пациенты внутри – ничего не говоря о белоглазых костоломах, которые их обслуживали, – не могли находиться в антисанитарных условиях ни одну минуту.

Интересно, знают ли они, что слугам, которым они доверяют содержание их комнат в такой чистоте, каждый раз в дождь приходится идти по району шафитов, затопленному сточными водами. Интересно, важно ли им это или нет. Впрочем, ничто из этого не имело значения. Правила лазарета не подлежали обсуждению.

Дарийя поклонилась:

– Да, госпожа.

С этими словами она собрала с полу бинты и вышла.

День стоял мучительно великолепный, небо было ярким и голубым с драгоценными цветными пятнышками певчих птиц, которые сонно щебетали в

кронах деревьев. Но Дарийя, выходя из лазарета, замотала шарфом нижнюю часть лица и пошла по безлюдным тропинкам, которые вели к каналу. Лучше всего было не привлекать к себе внимания, когда ты во дворце одна, сама по себе: немногие из джиннов пришли бы на помощь девушке-шафитке. Такая опасность была одним из рисков, на которые приходилось идти, соглашаясь на работу во дворце, на сделку, которую ты была вынуждена заключать, если хотела получить сравнительно неплохое жалованье, предлагаемое дворцом.

Риски, которые тревожили Дарийю, становились все более многочисленными. В начале своей работы во дворце она прислуживала королеве Саффие и ее маленькому сыну, наследнику трона джиннов. Королева была любезной и доброй, она принадлежала к тем редким джиннам, которые давали себе труд запоминать имена и заботиться о безбедном существовании их прислуги из шафитов. Дарийя чувствовала себя тогда в безопасности – никто не смел прикоснуться к девушке, которая носила цвета королевы.

Но королева умерла, и Дарийя сомневалась, что ее новые хозяева, Нахиды, хотя бы заметили новое лицо среди их прачек из шафитов, уже не говоря о том, чтобы позаботиться о ее безопасности. Или даже о ее жизни. Шафиты знали о разных опасностях, грозивших тем, кого влек Дэвабад, но одна из них была сильнее всех остальных.

Избегай черноглазых джиннов, тех, которые называют себя дэвами.

Страшные истории рассказывали про этих дэвов, которые будто бы жили отдельно от других джиннов и почитали огонь, а не бога. Дарийю предупреждали, чтобы она никогда не встречалась взглядом с дэвами, никогда не говорила в их присутствии, если к ней не обратились, и никогда, ни при каких обстоятельствах не прикасалась к ним – шафиты теряли руку и за меньший грех. А ее новые хозяева Нахиды не только были дэвами – они были еще и главными из дэвов. Последними из древней династии, которая, как говорилось, вела войну на уничтожение шафитов, сражалась армией воинов, сила которых была умножена колдовством, воинов, которые могли одновременно выпускать по шестьдесят стрел и хоронить заживо целые города.

Дарийя не была уверена, что верит всем слухам, в конечном счете этот город был городом лжецов. Но постоянного присутствия вооруженных солдат в лазарете – солдат, которые не отрывали враждебных взглядов от брата и сестры Нахид, пока те работали с пациентами-джиннами, – было достаточно, чтобы она задумалась: не пришло ли время подыскивать другую работу.

Берег канала, на котором они стирали белье, был пуст. Дарийя погрузила корзину в воду, а потом принялась вытаскивать из нее мокрые бинты и вешать на бечеву, натянутую между двумя деревьями, куда свободно приходили солнечные лучи. Несмотря на ее показное подобострастие, она не собиралась во второй раз отскребать эти проклятые тряпки. Может быть, заплесневелые бинты помогают джиннам в их грязных намерениях.

Работала она быстро. Канал стал мрачным напоминанием о том, насколько она не принадлежит себе в Дэвабаде, о том, что она не желает здесь задерживаться. Когда Дарийя только начала работать во дворце, она чуть ли не плакала, видя быстрые темные воды, которые мчались по саду. В районе шафитов не было ни рек, ни ручьев, но здесь она наконец имела шанс.

В противоположность тому, что она позволяла думать о ней большинству людей, Дарийя сталкивалась с магией еще до того, как попала в Дэвабад с его джиннами.

Первое столкновение состоялось гораздо раньше – на берегах Нила, где одинокая маленькая девочка обзавелась самым необычным другом на всю жизнь. А потому, как только у нее появилась возможность, Дарийя помчалась к каналу. Она звала этого друга единственным известным ей способом, способом, который никогда ее не подводил: она кусала палец, пока тот не начинал кровоточить, а потом опускала его в холодную воду.

– Собек! – упрасивала она. – Пожалуйста... пожалуйста, услышь меня, старый друг. Ты нужен мне.

Но если Собек и слышал ее крики из этих далеких вод, то никак не откликался на них. Впрочем, не появлялся он и во всех остальных случаях, когда она звала его. Вероятно, он не мог. Он ведь все же был повелителем Нила, а она находилась в другом конце света от их Египта. И все же спасение такого рода по-прежнему посещало ее мечты. Мечты об озере, которое превращает бурные воды Нила в поток, поглощающий город джинов. Мечты, в которых она стоит рядом с Собеком, и тот разрывает на части охотника за головами, который похитил ее, а с его крокодилий зубов капает кровь.

– А есть такие джины, которые могут превращаться в животных? – спросила как-то раз Дарийя у сестры Фатумы. Она и ее отец познакомились с Гуи Фатумой в первую неделю их пребывания в шафитском районе, куда их выкинул похитивший их охотник за головами. Эта женщина, урожденная дэва, была организатором среди шафитов и в особенности много внимания уделяла помощи новоприбывшим. Именно сестра Фатума рассказала им про обычаи города магов и предоставила их заботам небольшого египетского сообщества, которое приняло их двоих в свои дома.

Но когда разговор заходил о Собеке и магах, тут сестра Фатума ничем особым не могла их порадовать.

– Я слышала истории, которые рассказывают о джинах ваши соплеменники, – отвечала она. – О том, что они поселяются в котах и крылатых змеях. Или о горячих ветрах, которые пролетают через кроны деревьев, и навязчивых криках, заманивающих потенциальных жертв на берега рек. Это другие джины. Эти джины больше похожи на нас, они считают себя потомками великого джина, которого однажды наказал пророк Сулейман, мир ему. Предположительно они самые слабые из существ огня.

Дарийя запомнила, как охотник за головами быстро перенес их в Дэвабад на лодке, которая летела по песку и морю, она хорошо помнила свое первое впечатление о наводящем страх городе с его воспаряющими вверх стеклянными минаретами, рынками, где продавались мерцающие одежды и драконьи украшения.

– Эти джины – слабейшие? – переспросила она.

– Это расставляет все на свои места, верно? – заметила тогда сестра Фатума. – О других существах я мало что могу рассказать. Много остается тайной даже для так называемых чистокровных ученых этого города. Может быть, в этом нет тайны для одного только бога.

В этих словах слышалось подспудное предостережение, дипломатическая попытка сменить тему. Но Дарийя, которой было необходимо найти выход из ее ситуации, не оставляла попыток.

– Я пересекалась с одним из них.

Сестра Фатума, разбиравшая корзинку с едой, уронила все на пол:

– Ты... что?

– Я пересекалась с одним из них у себя на родине, – гнула свое Дарийя. – У меня с самого детства был товарищ, дух в обличье одного из нильских крокодилов. Если бы я смогла вызвать его, то он наверняка вернул бы меня и моего отца домой. Он передо мной в дол...

Сестра Фатума выбросила вперед руку, чтобы накрыть рот Дарийи, ее карие глаза широко распахнулись в страхе.

– Дочка, если ты хочешь выжить в этих местах, ты должна забыть о том, что сейчас сказала. Бога ради... если какой-нибудь джинн узнает, что ты хочешь вызвать речного духа, тебя и твоего отца казнят на следующее же утро, если тебе повезет и удастся до этого утра дожить. Ты меня поняла?

Дарийя все прекрасно понимала. Она просто не слушала. Она все еще пыталась вызвать Собека. Но шли годы, а она все оставалась на земле этого убогого города, и ее надежды умирали медленной, мучительной смертью.

На прошлой неделе ее отец сказал ей, прикоснувшись ладонью к ее щеке:

– Твое лицо ничуть не изменилось с того дня, как мы оказались здесь. – Он теперь всегда говорил тихим голосом, поскольку то, что происходило с ними долгими ночами на их пути в Дэвабад, оставило шрамы на них обоих. – Может быть, ты будешь стареть, как стареют джинны. Может быть, бог подарит тебе долгую жизнь, как у них.

«Только этого мне не хватало – еще несколько веков отстирывать их окровавленное тряпье в канале». Дарийя знала, что шафиты сами устраивают свою жизнь здесь. Другого выбора у них не было. Они создавали семьи, рожали детей и делали, что положено делать, веря в справедливость, которая наступит для них в другом мире.

Но Дарийя хотела не этого.

Она подошла к влажному песку близ канала и опустилась на колени. Увидела свое отражение в водной ряби. Услышит ли ее Собек, если она отдаст больше крови? Если она сделает более глубокий надрез, достаточно глубокий, чтобы окрасить багровым цветом воды канала? Не уснет ли она на дне канала и не окажется ли дома, когда проснется?

«Ты имеешь в виду тот сон, который разобьет сердце твоего отца?»

Дрожь пробрала Дарийю. Нет, это был не выход. Она отступила от берега на несколько шагов, пытаясь отринуть охватившее ее отчаяние, которое, казалось, с каждым днем все сильнее давило на ее плечи. Постиранные бинты еще будут сохнуть какое-то время, но она должна уйти подальше от канала.

И потому она направилась к одному из немногих мест, которые доставляли ей удовольствие.

СЕМЕНА МЛУХИИ ОБОШЛИСЬ ДАРИЙИ В ДВА ЕЕ МЕСЯЧНЫХ ЖАЛОВАНЬЯ, эту сумму она аккуратно копила, откладывая понемногу каждую неделю, пока не набралось достаточно, чтобы отправиться на рынок к хитрому торговцу овощами, который контрабандой привозил семена из мира людей и продавал их втридорога своим ностальгирующим клиентам-шафитам. Услышав ее акцент, он попытался заполучить с нее больше обычного, но отказался от этой затеи, когда она показала ему острый как бритва кривой нож, который она купила, чтобы сечь листья, когда придет время собирать урожай.

Но вообще-то она была готова заплатить и больше. Она и ее отец столько потеряли: шутки, ходившие по их деревне, дом, в котором выросло не одно поколение их предков, шали и ковры, связанные ее матерью, шумную музыку на праздниках святых. Ничто из этого Дарийя не могла вернуть, но она могла приготовить отцу его любимую еду. Отец у нее был поваром получше, чем она – он был таким талантливым, что даже заслужил место на дворцовой кухне, – но любимый отцовский суп был настолько прост, что, имея все ингредиенты, Дарийя и сама могла его без труда приготовить. И хотя еда из родного дома могла показаться мелочью, она знала, как много это будет значить для него.

Потратив целое состояние на семена, Дарийя со всем возможным тщанием отнеслась к выбору места, где их посадить. Глаз у нее был внимательный – она выросла в фермерской деревне под присмотром самого повелителя Нила. И она нашла великолепное место... ну, вернее, типа того. В саду было одно место, которого все остальные, казалось, избегали: расположенная на внешней границе земли, отведенной для лазарета, цитрусовая роща из чудовищно больших апельсиновых деревьев. Роща была настолько густой, что ветки, отягощенные грузом плодов и громадных бутонов в фазу цветения, образовывали непреодолимую стену. Но на восточной границе канал подходил к роще почти вплотную, образуя невидимый снаружи узкий треугольник близ угрожающих зарослей, и этот треугольник предлагал ей идеальные условия: изобилие солнечных лучей, влагу в достатке и недоступность для чужих глаз. Треугольник этот находился неподалеку от лазарета, и Дарийя без проблем могла ускользнуть в сад, чтобы подкормить свои посадки, даже если при этом ей и приходилось прятаться от садовников дэвов; только им и позволялось прикасаться к посаженным неподалеку лечебным растениям Нахид.

Поглощенная своими мыслями и ослепленная на миг после выхода из-под кроны могучего кедра ярким солнцем, Дарийя уже была почти у своих тайных растений, когда поняла, что она здесь не одна. На тучной почве, только что служившей домом для млухии, кусты которой уже доходили ей до талии, стоял на четвереньках садовник, облаченный в грязную робу с закатанными

рукавами, обнажившими его золотистую кожу. На том месте, где росла млухия, которая стоила ей не одну неделю ее жалования и которую она так заботливо выращивала с первых нежных росточков, чей запах, напоминавший ей о доме, она жадно вдыхала в надежде, что подарок, который она сделает отцу, заставит его снова улыбнуться.

Кусты были безжалостно, с корнем выдраны из земли. Все ее труды и потраченные деньги лежали теперь на куче сорняков. Только один кустик оставался еще в земле, и на ее глазах руки садовника, который все еще не видел ее, потянулись к этому, последнему.

И тут здравомыслие – мудрость, которая заставляла ее опускать голову перед госпожой, одержимой сухостью выстиранных бинтов, и помалкивать о Собеке, – покинуло ее.

– Не трогайте это! – Она бросилась на руку садовника. Он подпрыгнул и удивленно развернулся к ней лицом... а потому рука Дарийи вовсе не ухватила его запястья, а с силой ударила по зубам. Он вскрикнул и отпрянул от нее, отчего приземлился на задницу в грязь.

Широко открытые черные глаза вперились в нее. Удар был настолько сильный, что сорвал вуаль с лица садовника и до крови рассек ему губу. Он смотрел на нее, полностью лишившись дара речи.

Рассеченная губа тут же стала зарастать на нем. Кожа сошлась над рассечением, зарубцевалась, и ранка на ее глазах исчезла, лишь несколько капелек белой крови осталось на его порванной вуали.

Вуаль... о господи. Во всем дворце был лишь один человек, который носил белую вуаль на лице и чьи раны моментально заживали.

Дарийя ударила по зубам самого Багу Нахида. Из-за млухии.

Ее рука в ужасе взлетела ко рту. Господи боже, что же она наделала? Что ей теперь – бежать? Для этих людей все шафиты были на одно лицо, и, если она убежит, Бага Рустам никогда не сможет ее опознать в толпе полулюдей, которые обслуживают его.

А если все же опознает. Если они придут за ее отцом?

Дарийя упала перед ним на колени.

– Простите меня, мой господин! – вскрикнула она на своем хромающем джиннском. Этот язык так плохо давался ей, а в особенности, когда она волновалась. – Если бы я... – о боже, как ей сказать «знала»? – Я вас не ударил, вы Нахид.

Недоумение свело его брови над переносицей. Дарийя явно говорила неправильно.

Она попробовала еще раз.

– Я не... видеть? «То ли слово?» – Не знать...

– Говорите на своем языке. – Джиннский Баги Нахида был четкий, неторопливый. – На вашем родном.

– На моем? – повторила она, разрываемая между неуверенностью и страхом. Но когда он кивнул, она переключилась на арабский, решив, что если есть хоть малейший шанс избежать наказания, то им стоит воспользоваться. – Простите меня, – повторила она куда как увереннее. – Я не понимала, кто вы. Если бы я знала, я бы никогда не осмелилась прикоснуться к вам. Или помешать вам, – поспешно добавила Дарийя, вспомнив, что этот клочок земли, на котором она самовольно решила выращивать свои кусты, фактически принадлежал ему.

Бага Нахид наблюдал за ней, пока она говорила, переводил взгляд с ее рта на ее глаза, словно оценивая ее ответ.

– Значит, другого человека вы бы ударили?

Он задал этот вопрос на таком безупречном египетском арабском, что Дарийя подпрыгнула.

– Откуда вы... да нет, я не хотела, – быстро сказала она. Не время сейчас спрашивать, откуда доктор-солнцеклонник из другого царства знает египетский арабский. – Просто... эти кусты так драгоценны для меня. И когда я увидела, что вы хотите вырвать последний, я отреагировала, не отдавая себе отчета в том, что делаю.

Он прищурился. Господи милостивый, его глаза пугали ее, они были чернее угля, слишком черные, чтобы можно было считать их глазами человека. Ее пробрала дрожь, которую, если уж она началась, остановить было невозможно. Она попалась. Он убьет ее. Щелчком пальцев сломает ей шею, а то и того хуже – отдаст своей сестре. Люди говорили, что Бану Манижа любит ставить эксперименты на шафитах, что если она уж кого поймает, то будет заливать тому в горло яд, который расплавляет органы изнутри и истирает кости в порошок для ее снадобий.

– Простите меня, – снова прошептала Дарийя. Она по-прежнему стояла на коленях, опустив взгляд в землю. Как того требовали от шафитов джинны. – Пожалуйста, не убивайте меня.

– Убивать вас? Господи, откуда такие мысли? – Теперь в голосе Баги Нахида прозвучала нотка растерянности. – Просто вы застали меня врасплох. Я забываюсь, когда работаю в саду, и уж никак не ожидал нападения таинственной женщины, выпрыгнувшей из зарослей. – Краем глаза она видела, как он поднялся и принялся стряхивать землю с одежды. – Дайте я вам помогу.

Бага Рустам потянулся к ее руке, и Дарийя настолько удивилась этому его жесту, что позволила ему помочь ей подняться на ноги. Но когда она встала, то мгновенно сделала шаг назад и вырвала руку из его.

Целитель дэв казалось, не обратил на это внимания... или, может быть, если и обратил, то был привычен к подобным реакциям.

– Почему вы сказали, что они драгоценны? – спросил он.

Дарийя уставилась на него.

– Что? – Она все еще толком не осознавала того факта, что напала на одного из самых опасных людей в Дэвабаде. А вести с ним разговор о млухии – это вообще казалось ей за гранью добра и зла.

– Я говорю о растениях, которые я выпалывал. – Его арабский изменился, теперь он говорил на чистейшем диалекте и с акцентом ее деревни, и на нее это действовало абсолютно угнетающе. Она теперь вспомнила – кто-то говорил, что Нахиды владеют какой-то языковой магией, но то, что она слышала, теперь превосходило все ее самые невероятные предположения. – Почему вы сказали, что они драгоценны? – настаивал он.

Она решила, что не будет вреда, если она даст честный ответ.

– Это не сорняки. Это называется млухия. Я купила семена на рынке.

– И вы решили вырастить это в моем саду?

Дарийя вспыхнула:

– У вас здесь хорошая земля. Но я прошу у вас прощения. Я знаю, что не должна была это делать. Просто... мой отец тоскует по дому. И я подумала, что, если приготовлю ему его любимое блюдо...

Выражение его лица мгновенно смягчилось.

– Я понял. Что ж, не хочу губить нелегкий труд добросердечной дочери.

Рустам снова опустился на колени, запустил пальцы в темную землю, и она ожила.

Саженцы выстроились вокруг его рук, обвинили их бледно-зелеными щупальцами. Они стали расти так быстро, будто само время ускорилось, раскрывались листья, а стебли скоро уже высились над сидящим на корточках Багой Нахидом. Рот Дарийи распахнулся от удивления, когда вокруг них возникла клумба млухии, еще более сочной и высокой, чем прежде. Изумрудные листья щекотали ее руки.

– Ну, вот, – сказал Бага Нахид. Ему пришлось отбиваться от части стеблей, чтобы уйти. Листья цеплялись, клеились к его рукам и ногам, словно надоедливые дети. – Я надеюсь, это искупает мою неразборчивую прополку.

– Как вы... почему вы? – выдохнула она.

– У них оставалось достаточно корней. – Рустам отер руки о колени, потом пожал плечами, словно и не был только что творцом чуда. – Я чувствую, что это я должен спросить у вас «как». Чтобы посадить новое растение в моем саду, нужно быть чем-то гораздо большим, чем средним человеком.

Она испытала прилив гордости:

– Ну, как я сказала, у вас тут хорошая почва. Ничего, кроме обычных методов, и не требовалось.

– Обычных методов?

Неужели она и в самом деле разговаривает о садоводстве с Багой Нахидом? Дарийе уже пришла мысль, что она, может быть, ударила голову во время их потасовки, а теперь видит сон.

– Дома мы используем смесь пепла и лилий из застойных вод – это стимулирует рост растений. И, конечно, к земле мы примешиваем навоз.

Рустам нахмурился:

– Навоз?

Такой опытный садовод, как он, наверняка должен был знать, что такое навоз. Может быть, его языковые навыки все же не были такими совершенными, как ей показалось вначале.

– Помет животных.

Его глаза широко раскрылись.

– «Помет животных»? – повторил он. – Вы использовали помет животных рядом с моей апельсиновой рощей, чтобы выращивать свои семена?

– Так мы всегда делаем у меня дома, – возразила она. – Клянусь вам, у меня и в мыслях не было ничего неуважительного. Это повсеместно распространенный метод, о нем даже дети знают. Я бы никогда...

Рустам рассмеялся. Его смех был какой-то сдавленный, словно смеялся он редко, но этот смех совпадал с яркими искорками, загоревшимися в его слишком темных глазах. По его лицу расплылась улыбка, и Дарийя почувствовала, что краснеет еще сильнее.

– Помет животных... – не переставал дивиться Рустам. – Должно быть, у творца припасено для меня еще немало тайн. – Он снова поймал ее взгляд. – Кто вы?

Она медлила, размышляя, не назваться ли вымышленным именем. Наверное, лучше было бы остаться анонимом, но она поймала себя на том, что хочет сказать ему правду.

– Меня зовут Дарийя.

– Дарийя. А меня – Рустам, хотя, подозреваю, что вам это известно. – Его искривленные губы свидетельствовали о некоторой доле самоуничижения. – А где ваша земля, на которой из этого навоза растет млухия?

Дарийя не могла не ответить ему улыбкой:

– В Египте.

– Дарийя из Египта. – Рустам назвал ее имя так, словно оно было титулом, и, хотя такое произнесение каким-нибудь другим джином прозвучало бы иронично, в его голосе она не услышала ничего, кроме тепла. – Я видел вас раньше. Вы прачка из лазарета, верно?

– Да. Но я удивлюсь, если вы скажете, что обращали на меня внимание раньше. Мы стараемся никому не попадаться на глаза.

– Я видел, как вы стираете белье в канале вместе с другими женщинами. У вас... у вас довольно запоминающаяся улыбка. – Он слегка зарделся, сказав это, а начав следующий вопрос, запнулся: – Вам... м-м-м... вам нравится ваша работа?

Нравится ли ей стирать тряпки для злобного джинна? Он у нее серьезно это спрашивает?

– Жалованье приемлемое, – ровным голосом сказала она.

Он хмыкнул:

– Дипломатический ответ. – Он помедлил, опустил глаза. – А не хотели бы вы работать лучше здесь, а не прачкой? Я имею в виду в саду. Для меня.

– Вы хотите, чтобы я работала в вашем саду?

– Что я могу сказать? Я заинтересовался этими методами, которые используют люди, я о них в полном неведении, а дитя человеческое так хорошо информировано. Кто знает, чему еще вы сможете меня научить.

Дарийя насторожилась. Бага Нахид казался довольно дружелюбным – он был гораздо добрее, чем в тех историях, которые она слышала, – но Дарийя на собственной шкуре узнала, что такое довериться джину.

– Вы часто делаете такие предложения женщинам, которые пускают вам кровь?

Рустам поймал ее взгляд:

– Такого предложения я не делал никому.

Так. Сердце Дарийи забилось чуточку быстрее. Она даже подумала, что он слышит, как оно стучит. Люди говорили, что Нахиды способны на такое.

Люди говорили, что Нахиды способны на кое-что и похуже. Ее категорически предупреждали держаться подальше от священников мужского и женского пола из черноглазых дэвов. От тех, что под надзором ночью и днем, потому что они считаются очень опасными. А она теперь флиртowała с самим Багой Нахидом в его саду.

Люди столько всего говорили, и она часто думала – а сколько из них и в самом деле встречали кого-нибудь из Нахид?

Храбрость вернулась к ней.

– Я слышала, что ваш народ не любит таких, как я, – без экивоков сказала она. – И вы хотите, чтобы кто-то с человеческой кровью работал у вас в саду? А это позволяется?

– Решать, кто работает в моем саду, – одна из немногих свобод, что у меня еще остались. – Его рот на мгновение исказила гримаса горечи, а сам он словно занервничал. Он взял свою вуаль, принялся возиться с бечевками. – Но только если вас интересует такая работа. Правда. Я не поставлю вам в вину, если вы откажетесь.

Отказ, видимо, был мудрым выбором. Дарийя не была ни молода, ни глупа, и, хотя он надел свою вуаль, она успела отметить румянец на его щеках. Стирать тряпки для злобного джинна было занятием отвратительным, но встречаться взглядом с Багой Нахидом казалось делом опасным на совершенно другом уровне.

«И ты собираешься вот так провести свои оставшиеся десятилетия? Века». Почувствовав себя немного смелее, Дарийя посмотрела на его руки, его длинные пальцы, испачканные землей, в которой он возродил млухию, а потом заглянула в черноту его мягких глаз.

Она глубоко вздохнула:

– Хотите супа, Бага Рустам?

Он моргнул:

– Что?

Дарийя провела рукой по кустам млухии.

– Вы довели их до стадии зрелости. Может быть, я смогу приготовить суп, из-за которого я и набросилась на вас, и мы сможем обсудить справедливое жалование?

В уголках глаз Рустама появились морщинки – он улыбался.

– Это будет восхитительно.

Хацет

Эти события происходят за два десятилетия до «Латунного города» и не содержат спойлеров.

Сеиф Шефали, казалось, исполнился решимости покончить с браком дочери еще до того, как он начнется.

– Выглядит он старовато, – сказал ее отец довольно громко, чтобы все слышали. – Старее, чем они говорили.

– Баба, да его и не видать совсем, – возразила Хацет. Их корабль еще не пришвартовался у призрачной набережной за пределами стен Дэвабада, и ее будущий муж был всего лишь крохотной фигуркой в черных одеяниях. – О его внешности отсюда невозможно судить.

– У меня превосходное зрение. Благодарь, никому не нужная в этом несчастном логове туманов. – Сеиф шмыгнул носом. – Они хотя бы могли привести в порядок пристань к твоему прибытию.

Хацет и хотелось бы что-нибудь возразить, но город, с которым она связала свою судьбу, не встречал ее с приветливым лицом этим утром. Прежде она лишь один раз была в Дэвабаде, еще маленькой девочкой, и до сих пор с трепетом вспоминала туман, скрывавший остров. Его латунные стены сверкали на ярком солнце, зеленеющие горы служили задником для этого поразительного города с его тысячью башен и храмов. В тот раз Дэвабад показался ей самой сущностью магии.

Теперь Дэвабад был окутан таким саваном тумана, что Хацет даже не видела города, только слабый намек на его стены. Пустые пристани выступали из мглы, разломанные сваи торчали из воды или лежали, переломанные, на берегу, как брошенные мертвые тела. Не очень гостеприимный вид. Их песчаный корабль беззвучно прошел по неподвижной воде озера, и Хацет могла только представлять себе, насколько чуждым это цветастое судно должно было выглядеть на фоне невыразительной серости. Перед отплытием его разукрасили для торжества, для гордого провозглашения богатства и силы Аяанле. Поверхности корабля были позолочены, эта краска могла бы сверкать, будь на небе солнце, но теперь обрела желтый цвет опавших листьев. До нелепости дорогие шелковые паруса безвольно висели в безветрии, и герб ее народа и Аяанле не был виден.

Все казалось не таким, каким должно было выглядеть. Хацет крепче ухватилась за корабельные поручни.

– Ты ничего не хочешь сделать, чтобы мне стало полегче.

– Я и не пытаюсь сделать тебе полегче. Я пытаюсь сделать так, чтобы ты отказалась от этой нелепой схемы. – Ее отец повернулся к ней лицом, озорство в его глазах сменилось озабоченностью. – Ты чужая в этом месте, дочка, и меня убивает мысль о том, что я должен оставить тебя здесь. Ты должна править Шефалой, а не этой голой дэвской скалой.

«Мне нужно нечто большее, чем Шефала». Но вслух Хацет этого не сказала.

– Повернуть назад невозможно, и ты это знаешь. Если я переменю свое решение сейчас, это станет таким ужасным оскорблением для гезири, что три века пройдет, прежде чем наш народ снова обретет здесь какое-либо

влияние. – Хацет сжала его руку, пытаясь придать своему лицу выражение уверенности. – И ты, вероятно, помнишь, что этот выбор сделала я сама.

– Детям нельзя позволять делать выбор.

– Баба, мне уже сто лет.

Они оба замолчали, а сахрейнский экипаж уже приближался к берегу и начал готовиться к причаливанию. В животе у Хацет забурлило, когда корабль стукнулся о берег, и ей пришлось приложить усилие, чтобы не подпрыгнуть. Новый город и новый муж. Новое будущее на совершенно иной политической шахматной доске. С того мгновения, когда ноги Хацет коснутся этой земли, она перестанет представлять только себя. Она станет самой Та-Нтри, первой женщиной не гезири за тысячу лет, которая выходит замуж за короля Кахтани, и теперь судьба ее народа будет зависеть от ее возвышений и падений.

И теперь этот король был достаточно близко, чтобы его разглядеть. В месяцы перед отъездом из дома она потратила немало сил, чтобы как можно больше узнать о Гассане аль-Кахтани, и обнаружила, что его жизнь полна противоречий. Юность он провел в суровых горах Ам-Гезиры в качестве воина-кочевника, а потом участвовал генералом в кровавой войне его отца Кадера, подавлявшего восстания в Карт-Сахаре, после чего волею судьбы стал дэвабадским королем, чья жизнь проходила в несказанном великолепии, в роскошном дворце, который он покидал крайне редко. От жестокой войны к жестокой политике: сектантство Кадера было притчей во языцех, он возвышал только представителей племени гезири и запрещал религиозные праздники дэвов.

Насколько удалось узнать Хацет, Гассан прежде безропотно соглашался с отцовской политикой, но, став королем, многое изменил. Он говорил о необходимости соединения двух племен и подкрепил эту мысль действием, когда принял решение жениться на иностранке. О нем и в самом деле говорили, что он сблизился с дэвами в большей степени, чем это устраивало большинство джиннов. Он сидел на троне с изображениями шеду, как сидели уже несколько поколений королей Кахтани, но при этом запретил шафитам вступать в гильдии и запретил им ремесленнический труд, он по традиции нахидских королей держал своих женщин и семью в затворничестве. Ходили даже слухи, что Гассан собирается назначить своего следующего главного визиря из дэвов, пост которого с начала войны занимали аяанле, правда, сначала должна была состояться отставка нынешнего визиря.

«Это мы еще посмотрим». Но Хацет отложила планирование будущего на потом, чтобы лучше разобраться с королем, который стоял перед нею. Хотя седина уже посеребрила его бороду, Гассан вовсе не выглядел старым или, по меньшей мере, гораздо старше ее. Он был широкоплеч, производил впечатление человека, который хоть сейчас запрыгнет в седло и поскачет разгонять бунтовщиков, невзирая на свою изящную черную накидку и богатые одеяния. Выглядел он... уверенно, настолько уверенно, что, как подозревала Хацет, эта уверенность могла легко перерасти в ярость. Она обратила внимание, что большинство придворных, окружающих его – исключая его улыбающегося каида в малиновом тюрбане, – держались в нескольких шагах от него и опускали глаза в землю.

Но когда Гассан встретился с ней глазами, поймав ее на том, что она разглядывает его, хотя Хацет и принимала меры, чтобы он не заметил ее пристального взгляда, улыбка, появившаяся на его лице, удивила ее. Улыбка эта была доброй, хотя и слегка озорной, словно они были не чужими людьми, а сообщниками, и от этого ее сердце екнуло, что было до смущения неподобающе для женщины ее опыта и положения. Хацет чуть не одолело искушение натянуть на лицо шейлу.

– Мир и благодать вам, – сказал Гассан аль-Кахтани, подойдя к ним, он потянулся к рукам ее отца и поцеловал его в обе щеки, словно они были старыми друзьями, а не королем и крайне озлобленным подданным. – Добро пожаловать в Дэвабад. Пусть ваш свет озарит мой дом, пусть вы найдете благодать в его стенах.

– Этой проклятой дэвской скале не помешает немного света, – мрачно сказал Сеиф по-нтарански.

Хацет незаметно под платьем пнула отца по ноге.

– Мир вам, мой король, – тепло сказала она на джиннском. – Замечательно, что я наконец здесь.

– Надеюсь, ваше путешествие не было слишком изнурительным. – Гассан восторженным взглядом посмотрел на их песочный корабль. – Да он у вас просто настоящий замок.

– Мы чуть не столкнулись с кораблем людей-пилигримов, они пересекали Тростниковое море, но для нас это было занятным приключением, а для них предположительно страшной историей.

– Не сомневаюсь, – с улыбкой сказал Гассан. Он повернулся к группе официальных лиц.

– Мунтадир, подойди. Присоединяйся к нам, – позвал он.

Группа мужчин расступилась, и Хацет впервые увидела этого мальчика. Она знала, что многие из ее родни надеялись, что когда-нибудь ее дети заменят его. Мунтадир был красивым мальчиком. Внешне он был зеркальным отражением отца, вплоть до переливающегося всеми красками тюбана и до накидки с золотой каймой. Отсутствовали только обереги, а Хацет знала, что дети гезири часто носят обереги на шее. Мунтадир же носил воротник принца с жемчужными и рубиновыми украшениями. Ему было не больше одиннадцати-двенадцати – совсем еще маленький, вполне возможно, что он подчеркивал свою детскость, подойдя к ней в роли будущего пасынка, ребенка, которому нужна мать.

Но этот выбор не казался в нем преднамеренным или, по крайней мере, сделанным им самим – он представлялся ей слишком юным для подобных махинаций.

– Госпожа Хацет, господин Сеиф. – Мунтадир перевел взгляд на отца. Теперь, глядя на него вблизи, Хацет видела, что мальчик худ и довольно бледен, словно он редко выходит из дворца.

– Мир вам обоим.

– И мир тебе, эмир Мунтадир, – ответила Хацет. – Я рада с тобой познакомиться.

Взгляд Сеифа остановился на мальчике – этот взгляд вмещал и отцовскую тревогу, и печаль, и то вызывающее осуждение, которое, как хорошо знала Хацет, означало, что он собирается сказать что-то такое, чего лучше не говорить.

– Похоже, вашему сыну лучше было бы поиграть где-нибудь на солнышке, чем знакомиться на холоде с заезжими персонами.

В этих словах было нарушение протокола и помимо этого прямая критика родительского решения короля Дэвабада. Хацет закрыла глаза, и в этот миг ей захотелось, чтобы земля разверзлась под ногами ее отца и забрала его назад в Шефалу.

Но вместо этого разверзлись небеса, дождь перестал моросить, а полился потоками.

– Увы, солнце больше не светит, – сказал Гассан ровным голосом. Хацет открыла глаза и увидела, что Гассан держит Мунтадира за плечо. – Прошу, входите. Мой эмир и я не хотим, чтобы наши гости находились под дождем хоть на миг дольше, чем это необходимо.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ КОГДА ОНИ ДОБРАЛИСЬ ДО ДВОРЦА, дождь хлестал с силой, соперничающей с силой муссонов Та-Нтри, и Хацет испытала чувство благодарности за то, что у нее есть предлог сразу же отправиться в хамам, даже если это даст ее отцу дополнительное время, чтобы добавить к прежним новым оскорбительным замечаниям в надежде, что их обоих вышвырнут из Дэвабада. Прислуга в бане была предупредительна и гораздо спокойнее, чем женщины у них дома, которые непременно стали бы поддразнивать ее в связи с приближающимся бракосочетанием. Хацет не забыла отблагодарить их теплом и золотом. Она не собиралась быть королевой, которая не приемлет власти, не секшей страх.

Только-только успела она одеться, как раздался стук в дверь, и вошла прислужница.

– Моя госпожа, король просит вашего присутствия.

Это удивило Хацет:

– Уже? Я думала, мы встретимся только за обедом.

Женщина чуть склонила голову:

– Он ждет вас за дверью.

Ждет? Прямо здесь? Она занервничала. Не связано ли это каким-то образом с грубоватыми манерами ее отца? Хацет вдруг поняла, что слуги смотрят на

нее, их взгляды – лишь малость из того множества, которое будет отслеживать каждый ее шаг до самой смерти. Может быть, такие вызовы имели какой-то смысл для них.

«Мне нужно будет обзавестись здесь союзниками. И в самом скором времени». Хацет придется разобраться, кому из слуг она может доверять. Кому из придворных, кому из секретарей. Кому из охранников, кому из министров. Любой политический успех, на какой она могла бы надеяться в Дэвабаде, будет зависеть от того, насколько широкую информационную сеть ей удастся сплести.

Она милостиво улыбнулась прислужнице, накинула шейлу на голову:

– Конечно.

Король ждал в маленькой крытой беседке. Его королевская накидка исчезла, но богато украшенный золотой кушак у него на поясе и дешдаша цвета полуночи с опалами на воротнике были не менее роскошны.

– Госпожа Хацет... – Гассан прикоснулся к груди с левой стороны. – Я надеюсь, хамам немного освежил вас? Я могу прийти и попозже, если вы все еще утомлены после путешествия.

– Я, слава всевышнему, вполне пришла в себя, – ответила она. – Ваш дом очень гостеприимен, мой король. И я должна добавить, что кофе, который варят у вас на кухне, поставит на ноги любого.

– Я рад услышать, что моя «проклятая скала» имеет некоторые приятные свойства.

Он повторил слова ее отца на безупречном нтаранском с почти незаметным акцентом, недостаточным для того, чтобы Хацет поморщилась.

– Я приношу извинения за дерзость моего отца. Он не очень рад расставанию с его единственным ребенком, но то, что он сказал о вашем сыне, было грубым и несправедливым.

В его серых глазах промелькнула какая-то эмоция, которую она не смогла определить.

– Это был рассчитанный ход, нужно отдать должное вашему отцу. Я могу многое дать Мунтадиру, но уж никак не беззаботное детство под солнцем. – Гассан встретился с ней взглядом. – Ни одному моему ребенку я не могу сделать такой подарок.

Это было предупреждение, и Хацет не могла спокойно пройти мимо него.

– Я так это себе и представляла. Хотя я в то же время считаю, что сердечный дом можно создать где угодно, было бы желание.

– Возможно, госпожа Хацет. – Он по-прежнему говорил по-нтарански, и Хацет находила в этом утешение. Она хорошо говорила по-джиннски, но для нее этот язык был языком бизнеса. Языком коммерции, управления и общения с иностранцами. Нтаранский был языком для дома, что явно знал и король. Но

Хацет достаточно долго была в политике и потому могла только приветствовать королевский жест, не забывая, однако, причин, стоящих за ним.

Гассан показал на широкую закругляющуюся и теряющуюся из вида лестницу, которую затеняли решетки со свисающими с них желтыми цветами.

– Я вообще-то надеялся поговорить с вами как раз об этом и без вашего отца, если вы позволите. Так вы в состоянии прогуляться?

Она, с одной стороны, насторожилась, а с другой – была заинтригована. Откровенно говоря, у них было очень мало оснований разговаривать до свадьбы – целая команда дипломатов, политических советников, финансистов, юристов и клериков от обоих их племен обговорила в мельчайших подробностях условия их брака, начиная от церемонии до контракта, который свяжет два их народа. Что такое хочет узнать король, чтобы это осталось только между ними двумя?

– Конечно, – вежливо сказала Хацет, стараясь, чтобы в ее голосе не прозвучала нотка озабоченности.

Они двинулись к лестнице. Король кивнул охраннику, но тот и без того не пошел следом, и через несколько мгновений они уже были одни. Хацет на ходу восторгалась дворцом. Замок их семьи был построен несколько веков назад на руинах, оставшихся после людей, но, когда основали Шефалу, Дэвабад уже считался древним городом, и все во дворце, казалось, свидетельствовало о его волшебном прошлом. Но когда они проходили мимо настенных картин, шли по следам первых Кахтани (не говоря уже о ее собственных предках), которые бродили этими коридорами и перестроили мир, Хацет казалось, что стоит ей закрыть глаза, и она услышит шепот легендарных Нахид.

То, что она увидела за лестницей, тоже ее не разочаровало. Со стен дворца Хацет могла видеть Дэвабад, раскинувшийся внизу и казавшийся отсюда таким маленьким. Племенные границы словно паутиной искромсали город на части, опутали жизни десятков тысяч.

– Дух захватывает, – сказала она.

– Это да, – согласился Гассан. – Я стараюсь хотя бы раз в день полюбоваться этим зрелищем. Впрочем, когда вы понимаете, что несете ответственность за все это, дух захватывает уже с меньшим удовольствием.

Она посмотрела на него украдкой. Гассан, на ее вкус, был далеко не красавцем, впрочем, Хацет подозревала, что несколько десятилетий назад от его подмигивания румянец проступал на лицах знатных дам. Теперь же его лицо говорило о стойкости и некоем классическом изяществе. Она оценила его сильный профиль, руки в тяжелых, усыпанных драгоценными камнями перстнях, покрытые мозолями, напоминавшими о десятилетиях его военной службы.

Он заговорил снова:

– Я слышал множество историй о вашей Шефале. Один архитектор принес мне чертежи, и я, вероятно, вызывал раздражение у множества путешественников из Аяанле в последние несколько месяцев, прося их рассказать мне о вашем доме и вашей персоне.

Хацет не осуждала его любопытство – она делала то же самое.

– И вы узнали что-нибудь интересное?

– Много чего. Но я пытаюсь осмыслить то, что узнал. Потому что из всего сказанного у меня складывается портрет умной, рассудительной благородной женщины с многообещающим будущим в стабильной идиллической земле. – Гассан махнул рукой в сторону города внизу. – Может, мы и выглядим красиво, но, несмотря на все мои усилия, для описания Дэвабада я никогда не пользуюсь словами «идиллический» и «стабильный». А потому я думаю, госпожа Хацет... – Он повернулся к ней, заглянул в ее глаза. – Я спрашиваю себя, почему вы здесь.

Хацет прислонилась к низкой стене:

– Может быть, меня очаровали истории о вас, которые мне удалось найти.

Гассан рассмеялся сочным смехом:

– Старый вдовец с ребенком, беспокойный город и политическая жизнь, которая не даст вам ни секунды покоя... неужели об этом теперь мечтают молодые женщины?

– Меня трудно назвать молодой женщиной, и вы наверняка знаете, что до вас у меня были мужья. – «Мужья», вероятно, было не лучшим словом. «Консорты», наверное, прозвучало бы лучше – мужчины, с которыми она обменивалась простыми уверениями во взаимопонимании, были временными и незаметными. Многие женщины ее положения делали то же самое. Настоящий муж, человек с правильными политическими убеждениями, с которым она могла бы провести век своей жизни, был выбором не очень-то и привлекательным для джиннов. Приятельские отношения и желания могли быть мимолетными, и, хотя ей и нравились ее мужчины, расставания неизменно приветствовались.

– Да, я знаю, – задумчиво сказал он. – Хотя это не объясняет, почему вы приняли мое предложение. Я думал, что на вас, возможно, оказывают давление ваше племя или ваш отец, но теперь я вижу – это не так; он, кажется, готов чуть ли не выкрасть вас и увезти домой, а вы не кажетесь мне женщиной, поддающейся чьему-то давлению. Тогда почему?

Хацет разглядывала его. Среди сотни сценариев, к которым она приготовилась – враждебный пасынок, докучливый политик, отец, который и в самом деле похищает ее, – не было вопроса, поставленного напрямую самим королем, который хочет знать, почему она избрала этот путь. Зачем ему это? Он был влиятельным, уверенным в себе человеком, а Хацет из собственного опыта знала, что большинство таких мужчин считает: любая женщина будет счастлива их заполучить. Почему король джиннов сомневается в ее желании стать королевой?

Ведь этого хотят все женщины, разве нет?

Так или иначе, но он задал ей вопрос... И Хацет почувствовала желание ответить ему чем-нибудь не слишком банальным. Ей нравились его умные слова гораздо больше, чем следовало бы, потому что она еще на причале могла сказать, что это человек, который умеет завернуть истину в такую словесную обертку, что сам господь бог с небес не сможет разобрать ее истинного цвета.

И именно так дела и обстояли, разве нет? Потому что Хацет нравилось держать ухо востро во время этого разговора. Гассан не походил на ее консORTов, которые были благодушными и так горели желанием угодить ей, что ей не удавалось поговорить с ними по-хорошему, не говоря уже о том, чтобы пооткровенничать. Ее жизнь в Шефале прошла бы, как и у всех остальных, в улаживании семейных дрызг и ведении дел с теми же коммерсантами и знатью, с которыми вел дела ее отец, а до него ее бабушка и прабабушка с прадедушкой. Это был тяжелый труд – достойный труд, – благодаря ему рынок работал, а ее народ не голодал, если муссоны приходили позже обычного. Но Шефала была малым городом.

Дэвабад же был ДЭВАБАДОМ. Другого такого города в мире не было. Здесь Хацет могла принимать решения, которые изменяли бы жизни десятков тысяч. И не только в городе, но и по всей земле. Решения, которые укрепляли власть и безопасность ее народа, как, например, продление пребывания аяанлеского джинна на посту великого визиря. Решения, которые были справедливыми, как, например, восстановление покровительства над шафитами, что когда-то и было главной причиной завоевания города их предками.

– Амбиции, – сказала она наконец.

Выражение удивления на его лице доставило ей удовольствие.

– Амбиции? – повторил он.

– Да. Истории о вас точны, мой король. Та-Нтри – идиллическая земля, а я подозреваю, что была бы счастлива властвовать здесь. Ни о чем другом я и не мечтала. А тут как раз совет коммерсантов принес мне ваше предложение, и я целую неделю ни о чем другом не думала. Я люблю Шефалу, но она несравнима с... этим, – сказала она, кивая в сторону огромного города, лежащего внизу перед ними. – Она не сердце нашего мира, невзирая на все развлечения и ужасы, которые она предлагает. У меня здесь будет масса возможностей изменить мир к лучшему, встречаться с людьми и получать жизненный опыт, какой я и представить себе не могла у себя дома. Мне это показалось приключением, вызовом, мимо которого я не могу пройти.

Гассан, казалось, обдумывал услышанное.

– И, может быть, возможность, усилить влияние Аяанле?

Хацет обаятельно улыбнулась:

– Сделать предложение – это была ваша идея. Вы должны были знать, как мы примем его.

Он ответил ей улыбкой:

– Вы мне нравитесь. Я сказал моему каиду, что, по слухам, ваши речи умны, а он мне ответил, что для меня это будет даром божьим – иметь жену, которая не побоится ловить меня на моих глупостях. Я рад, что вы все же решили приехать, несмотря на желание вашего батюшки быть у меня шипом в боку.

– Он будет острым шипом. Но да... – осторожно добавила она. – Я тоже рада, что я здесь.

Гассан помолчал, а когда заговорил снова, всякие намеки на заигрывание исчезли из его голоса:

– Есть и еще кое-что – вы должны принять это, прежде чем дадите согласие на брак. И это вопрос гораздо более личный.

– И что же это?

– Для меня благополучие Дэвабада всегда на первом месте. Прежде всего я – король, а потом уже все остальное. А после этого? Я в первую очередь отец, а потом уже муж. Мунтадир – мой эмир, и это не может измениться. Даже если у нас родится сын. – В его глазах снова появился блеск эмоций, и, когда он заговорил, голос его смягчился. – Это мой долг перед ним за ту жизнь, которой он живет здесь.

Хацет обуздала свои реакции – мимо ее глаз не прошло жесткое выражение его губ. Начиналось сражение, к которому она подготовилась – она знала, что впереди ее ждет долгая, сложная война, хотя другие вряд ли будут знать о ней. Ведь ее соплеменники такие тугодумы. У нее, конечно, были надежды, но пока о них придется забыть.

Она выкинула из головы печальные глаза мальчика-эмира на причале:

– Я понимаю. Но я должна быть уверена, что все рожденные нами в браке женщины получают в равной степени защиту, богатство и безопасное будущее.

– Конечно. Они будут Кахтани.

«Они будут Кахтани».

Казалось, что такая судьба несет в себе столько же проклятий, сколько и преимуществ. Но она огляделась, и проклятия – такие, какими они были, – показались ей мизерными рядом с благами и возможностями. Она распрямила плечи.

– Тогда я согласна, мой король. – Сердце ее при этих словах екнуло, но согласие она дала. Хацет не покинула бы Та-Нтри, если бы не была уверена. То, что Гассан поговорил с ней об этом и предложил альтернативу, только укрепило ее убеждение.

– Я искренне удовлетворен. И, если позволите... – Гассан потянулся к ней, и она позволила ему взять ее за руку. – Я бы хотел показать вам кое-что получше.

Хацет удивленно вскинула брови.

Он издал сдавленный смешок, его щеки на миг потемнели:

– Клянусь вам, эти слова в моей голове звучали гораздо невиннее.

– Возможно, мой отец не так уж не прав в своем недоверии к вам, – подначила она его. Но позволила себе почувствовать благодать его тепла.

– Королевские апартаменты находятся на верхних уровнях зиккурата, – объяснил Гассан, когда они направились еще выше. – Подъем туда – либо отличный способ сохранить форму, либо акт покаяния, в зависимости от вашего настроения.

Хацет посмотрела вниз на зеленое пространство зарослей в самом сердце дворца:

– Неужели этот сад никому не нравится? Он так красив и, мне кажется, занимает самый центр дворцового комплекса.

– Я не знаю ни одного Кахтани, который чувствовал бы себя там комфортно, – сказал, пожав плечами, Гассан. – Вам еще предстоит узнать, что магия дворца может существовать сама по себе... и она не всегда в ладу с джиннами. Днем сад завораживает, он прекрасен, но я бы не отважился заходить в него по ночам, даже если рядом со мной Ваджед. И я уж не говорю о глупых историях, которыми обмениваются слуги. Это истории о том, что канал якобы является местом сбора маридов.

Хацет напряглась. У нее дома рассказываемые людьми истории о маридах вовсе не были глупыми, в них говорилось о безутешных семьях, которые, проснувшись, узнавали, что кого-то из их близких заманили в реку и утопили, на их телах с мертвыми глазами оставались кровавые отметины. Слава богу, такие трагедии случались редко, но все же достаточно часто, чтобы Аяанле имел совершенно, совершенно иное понимание маридов. Для них мариды были больше, чем исчезнувший миф.

И они держали при себе это понимание – никто не хотел, чтобы какие-то чужаки начали вынюхивать всякие подробности о Та-Нтри.

– Это и в самом деле верхний уровень зиккурата, – просто сказала она.

Когда они поднялись на широкий простор вершины склона, расчерченного террасами, солнце наконец стало пробиваться сквозь тучи. У нее создалось впечатление, что когда-то – много веков назад – здесь были королевские апартаменты. Руины стен и разрушенные арки загромождали поросшую сорняками площадку, словно торчащие из земли каменные пальцы. Нет, скорее не каменные, поняла Хацет. Это были кораллы, как человеческие замки у нее дома.

– Теперь нужно подождать, – прошептал ей в ухо Гассан, и она почувствовала тепло его дыхания.

В воздухе появился вихрь дымка, словно сверкающий черный песок заплясал в туманных стволах солнечных лучей. Запах обожженного дерева, аромат магии.

Площадка перестроилась. Коралловые стены окружили изящный комплекс зданий, возникший вокруг беседки, из которой открывался вид на город. Она мгновенно узнала эти здания, архитектуру приземистых башен с зубчатыми стенами наверху, не говоря уже о головокружительном чуде арок и маленьких куполов, идеально точно повторяющих человеческие руины в Шефали, волшебной силой преобразованные в дома джиннов. Сорняки и гниющие листья, забивавшие уличные вазоны, исчезли, вместо них появились зеленая трава и изящные нильские лилии, плавающие на поверхности воспроизведенных с зеркальной точностью прудов. Гостей приветствовал огромный баобаб над висячим садом, словно перенесенным сюда из Эдема... если только в Эдеме были растения и цветы характерные для Та-Нтри.

Мысли Хацет метались, она вдруг поняла, что сделала шаг. Мерцающая хлопковая материя багряного и золотистого цветов драпировала входы за жаровнями, на которых испускала свой аромат мирра. Это была дань уважения ее дому, измышленная художником, и она не знала, то ли дело было в долгом путешествии, то ли в ее неуверенности относительно избранного пути, но, повернувшись к Гассану, она почувствовала, что слезы просятся ей на глаза.

– Это было необязательно, – поспешила сказать она.

Ее реакция, вероятно, прозвучала грубо в сравнении с ее прежними выверенными словами, но Гассан казался скорее изумленным.

– Я хотел, чтобы у вас было здесь место, которое вы считали бы своим собственным, место, которое напоминало бы вам дом. – Он замолчал, но вскоре добавил более спокойным тоном: – Я жалею, что не додумался до этого для моей первой жены. Саффия всегда казалась такой потерянной, и, только когда она умерла, я понял, что она тосковала по берегам Ам-Гезиры, а драгоценности и парфюмы Дэвабада ее мало интересовали.

Хацет знала, что Гассан талантливый политик, но раскаяние, горчившее в его голосе, показалось ей искренним, зеркалом его эмоционального убеждения в том, что его наследником останется Мунтадир. И хотя такая преданность первой жене и сыну необязательно была многообещающим знаком для тех политических махинаций, на воплощение которых надеялись ее соплеменники, она хорошо говорила о человеке, женой которого Хацет вскоре собиралась стать, чью жизнь соглашалась разделить.

Он не обязан был делать это. Хацет происходила из семьи благородных коммерсантов, ее воспитывали в вере, что если для власти важны два фактора: золото и семейное имя, то купить эту власть может кто-то один. Ей одного взгляда хватило, чтобы оценить непомерность богатства, необходимого для сотворения такого прекрасного места, но она знала также, что Дэвабад и финансовая стабильность не есть синонимы – на самом деле она была богаче ее мужа. Гассан мог легко оснастить крыло дворца накопленными королевскими сокровищами, которые уже лежали в его хранилищах, но он предпочел заплатить за что-то новое. За дом уникальной архитектуры, предназначенный для нее.

И он показал ей этот дом уже после того, как она дала согласие. Хацет посмотрела на него с кривой улыбкой.

– И что бы вы стали делать, если бы после нашего разговора я вернулась на корабль отца?

– Встал бы на колени перед министерством финансов и молил о прощении?

– Тогда я избавлю вас от такого унижения. Это прекрасно, – сказала она, снова беря его под руку. – Правда, для меня это значит больше, чем я могу выразить словами.

Он накрыл ее пальцы своими.

– Тогда игра стоила свеч. Я надеюсь видеть вас здесь счастливой, госпожа Хацет. Я не сомневаюсь, что двор, знатные семьи, которые находятся здесь со времен Анахид, будут оказывать на вас давление, – сказал он с демонстративным дивастийским акцентом. – Но я благословляю вас придерживаться тех традиций, которые вам по душе. Я надеюсь, настанет время, и мы услышим детский смех из этих покоев, а потом они станут для нас обоих утешением.

«Они будут Кахтани». Его слова – его предупреждение? – снова мелькнули в ее мозгу. Она попыталась прогнать их.

– Могу я показать это место отцу? – спросила она. – Я думаю, ему будет приятно.

– Пожалуйста. Но сначала... У меня есть еще один аттракцион Дэвабада. – Гассан заговорщически подмигнул ей. – Вы встречались когда-нибудь с Нахидом?

КОГДА ОНИ СДЕЛАЛИ ПОВОРОТ К ЛАЗАРЕТУ ПО ПЕТЛЯЮЩЕЙ ТРОПИНКЕ, их встретил негромкий смех, вызвавший усиливающееся тепло в груди Хацет. Пока они шли по извилистым тропинкам сада, Гассан смешил Хацет, он был настолько агрессивно обаятелен в своих комплиментах в ее адрес и в непритязательных детских анекдотах, что она принялась дразнить его за это. Небо теперь полностью очистилось от туч, и сад гарема казался теперь безобидным в своей красоте. Да, конечно, обезьяны, которые раскачивались на ветках, имели клыки и когти, острые, как бриллианты, и да... какой-то торчащий из земли корень чуть не ухватил Гассана за ноги, когда тот аккуратно обходил его, но Хацет была джинном, и, чтобы напугать ее, требовалось что-то посерьезнее.

Когда они проходили мимо цитрусовой рощи с громадными апельсиновыми деревьями, смех стал громче, он сопровождался разговором на языке, который показался Хацет с ее ограниченным слухом диалектом арабского; она так толком никогда и не освоила этого священного языка людей – только в той мере, какая ей требовалась для молитв. Видимо, поблизости разговаривали садовники-шафиты... хотя чрезмерно игривые нотки голосов – нотки, которые не нуждались в переводе, – наводили на мысль, что работа сегодня далеко не продвинется. Хацет собралась было предложить Гассану

деликатно пойти по другой тропинке, но тут они вышли на купающуюся в солнечных лучах полянку, на которой увидели парад всех красок мироздания. Поляна была покрыта цветами: колонны серебряных и светло-красных розовых кустов были выше ее ростом, шафрановая рудбекия росла ухоженными купами чуть в стороне от фиолетовых ирисов, желтых нарциссов и ярко-красных маков.

Полянка не была безлюдной. Но человек, которого первым увидела Хацет, удобно сидел с этюдником на коленях и вовсе не был арабоязычным садовником, как предполагала она. Покрой его брюк и черные большие глаза на бледном лице свидетельствовали о том, что перед нею дэв. Увидев их, он вскочил на ноги, уронил альбом, чтобы прикрыть лицо белой шелковой вуалью, которая до этого висела у него на одном ухе.

Хацет удивленно моргнула. Белая вуаль – но не может же быть... Она посмотрела на его хихикающую собеседницу. Эта женщина явно была шафиткой, ее закругленные уши и пепельно-серая кожа определенно свидетельствовали о человеческом происхождении. Молодая женщина улыбалась, когда они появились на полянке, но при виде королевской пары улыбка сошла с ее губ.

– Бага Рустам... – раздался удивленный голос Гассана. – Отдыхаем?

– Мой король. – Бага Рустам быстро встал между Гассаном и шафиткой. – Простите меня, я не слышал, что вы идете.

– Тут нечего извиняться, – великодушно ответил Гассан. Он наклонился поднять альбом, оброненный Рустамом. – Довольно хорошенькая, – заметил он, едва взглянув на женщину, наполовину скрытую фигурой Баги Нахида. – Я рад, что ты в такой прекрасный день проводишь время на природе, а не прячешься в своих комнатах.

Он вроде бы по-дружески похлопал Рустама по плечу, и Хацет отметила, как дэва покорило от этого жеста.

– Д-да, – ответил Рустам с дрожью в голосе.

– Познакомься с нашей следующей королевой, – сказал Гассан, подталкивая его к Хацет, которая улыбнулась дрожащему Нахиду, чтобы он раскрепостился. – Госпожа Хацет, это Бага Рустам из Нахид.

Рустам стоял, не отрывая глаз от земли:

– Пусть огни горят ярко для вас.

Хацет вопросительно посмотрела на Гассана, который в ответ только пожал плечами.

– Вот такой уж он, – сказал Гассан по-нтарански.

– Рада познакомиться с вами, Бага Рустам, – любезно ответила она. – Я надеюсь, мы не оторвали вас и вашу... – Хацет повела глазами, но шафитка исчезла. – Компаньонку.

Рустам стрельнул в нее взглядом, и она увидела глаза такой темноты, что чуть не сделала шаг назад.

– Она мне не компаньонка.

– Верно, – непочтительно проговорил Гассан, явно хорошо знакомый с эксцентричностью характера Баги Нахида. Он слегка подтолкнул Рустама в плечо. – У тебя скальпель с собой?

Лицо Рустама перекосило.

– Нет, – сказал он охрипшим голосом.

Гассан вытащил ханджар из ножен на поясе.

– Тогда используй это. Покажи ей свои способности. – Гассан улыбнулся Хацет. – Посмотри-посмотри. Ты такого еще не видела.

Хацет переводила взгляд с одного на другого, ей было неловко и любопытно одновременно. Пальцы Рустама сомкнулись на рукояти. Он несколько долгих мгновений смотрел на оружие, а потом одним резким движением вскрыл вену на запястье.

Хацет вскрикнула и тут же бросилась ему на помощь. Черная кровь хлестала из раны, просачивалась через пальцы Рустама на цветы. Но пока Хацет искала что-нибудь, чтобы перевязать рану, та на ее глазах стала затягиваться. Кожа сошлась, сшилась через секунду, не оставив даже шрама.

– Правда, невероятно? – не сдержался Гассан.

– Что здесь происходит? – раздался женский голос за их спинами.

Потерявшая дар речи после увиденного, Хацет вздрогнула, увидев другую женщину, быстрыми шагами входящую на полянку. Она была дэва приблизительно возраста Хацет, но гораздо более миниатюрная, с преждевременной сединой в кудрявых волосах и усталыми морщинами в уголках вокруг хищных глаз. Ее помятая одежда была испачкана сажей и кровью.

Во внешности растрепанной женщины-дэвы не было ничего устрашающего, но когда она посмотрела на Багу Рустама, который все еще держал в руках ханджар с его кровью, даже воздух в саду, казалось, замер, словно в призрачном предштормовом затишье, часто встречающемся в тропиках.

– Бану Манижа, – приветствовал женщину Гассан, в его голосе послышался холодок. – Каким удивительным бывает твой выбор времени, когда ты этого хочешь.

Манижа проигнорировала саркастическое замечание короля, она смотрела только на брата.

– Рустам, лихорадка у Сайида Куслови не реагирует на лечение. Мне нужно, чтобы ты изготовил более сильный тоник.

Рустам стрельнул глазами в Гассана, и король махнул рукой:

– Иди.

Бага Нахид исчез с такой скоростью, будто растаял в воздухе. Оценивающий взгляд его сестры переместился на Хацет, и Хацет заставила себя выдержать его.

«Значит, вот она какая – легендарная Бану Манижа». Бану Нахида, о которой Хацет выслушала столько историй, столько предупреждений. Предупреждений, на которые можно было легко закрыть глаза, отнестись к ним как к сплетням или нагнетанию страхов, пока Хацет не оказалась перед этой женщиной, излучавшей волю, как никто другой из тех, кого она знала. Она видела мертвых акул, в глазах которых было больше эмоций, чем сейчас у Манижи.

Но Хацет была дипломатом.

– Мир вам, Бану Нахида, – вежливо сказала она. – Для меня большая честь...

Другая женщина оборвала ее:

– Вы чем-то больны?

Такой неожиданный вопрос застал Хацет врасплох.

– Нет.

– Хорошо. Если заболите или забеременеете, пожалуйста, сразу же ко мне. Я не хочу рисковать: если вы вдруг умрете – обвинят меня. Опять. – Манижа презрительно посмотрела на Гассана – на королевском лице расцвела ярость. – Я получила ваше приглашение на сегодняшнее... торжество.

– На мой обручальный обед, – поправил он. – Пир в честь вашей будущей королевы.

– Да, верно, – проговорила Манижа. – Только меня не будет. У меня с братом пациенты.

Не сказав больше ни слова, Манижа развернулась на каблуках и исчезла.

У Хацет пересохло во рту. Так. Ходили слухи, что между этими двумя был роман. Или ревность. Или Бану Нахида вынашивала романтические планы касательно Гассана. Она знала, что такое любовь, сменившаяся разочарованием. Тут дело в чем-то другом. Вино может превратиться в уксус.

Здесь она слышала остроту. Видела ненависть, чистую и беспримесную. И Хацет вовсе не была уверена, что у нее есть основания в чем-то винить Манижу после тех дьявольских дел, уж что это были за дела, когда Гассан подначивал Рустама разрезать запястье ножом.

– Мои досточтимые Нахиды, – ехидно сказал Гассан, не обращая ни к кому конкретно. – Не пугайтесь. Если понадобятся их услуги, уверяю вас, их манеры сиделок сильно улучшатся.

Хацет попыталась представить, что эта злобная женщина сидит у ее кровати, когда ей пришло время рожать, и быстро исключила такую возможность. Если она забеременеет, она напишет в Шефалу и попросит прислать ей какую-нибудь повивальную бабку из дома.

Вот только опасность для ее детей не сойдет на нет после их рождения. Рождение будет только началом. Хацет внезапно вспомнила слова, сказанные ей отцом в Та-Нтри, когда он начал по-новому видеть предложение Гассана:

«Не ввязывайся в чужую войну, дочка. Ты не знаешь о том насилии, свидетелем которого был Дэвабад. Ты не понимаешь вражду, которая существует между Кахтани и Нахидами».

И, как обещал Гассан, как он предупреждал...

Их дети будут Кахтани. И Хацет уже ответила согласием.

Мунтадир

Эти события происходят приблизительно за семь лет до событий, произошедших в «Латунном городе», и содержат спойлеры только к этой книге.

– Диру. – Чья-то рука потрясла его за плечо. – Диру.

Мунтадир аль-Кахтани застонал, зарылся лицом в подушку:

– Уйди, Зейнаб.

Миниатюрное тело его сестры рухнуло рядом с ним, кровать сотрясло, и боль с новой силой запульсировала в его голове.

– Вид у тебя ужасный, – весело проговорила она, убирая прилипшие к его щеке волосы. – Почему ты так потеешь? – Она вскрикнула шокированно и довольно испуганно. – Неужели ты пил?

Мунтадир прижал шелковую подушку к ушам.

– Ухти[1], для твоих игр еще слишком рано. Почему ты в моей спальне?

– Ничуть не рано, – возразила она, проигнорировав более важный – по крайней мере для него – вопрос. Руки Зейнаб прошлись по телу Мунтадира,

шекоча его. Она рассмеялась, когда он попытался вывернуться. Но потом ее пальцы резко замерли, сомкнулись на чем-то, лежащем рядом с его головой.

– Это что – сережка? Диру, почему в твоей кровати женская сережка? – В ее голосе зазвучала взволнованная нотка. – Слушай, а эта сережка уж не той ли новенькой из Бабили – той, которая поет?

В мгновение неожиданной паники Мунтадир выпростал руку и провел ею по пространству матраса. Он вздохнул с облегчением, когда убедился, что там пусто. Владелица сережки, вероятно, ушла. И слава богу. Ему вовсе не хотелось, чтобы ее увидела его тринадцатилетняя сестра, любительница посплетничать.

Он перекатился на другую сторону, прищурился в темноте. Слуги Мунтадира знали, что до пробуждения эмира, пока он не проснется после одного из своих «вечеров», занавеси на его окнах должны быть закрыты, а потому он видел Зейнаб смутными пятнами: ее серо-золотистые глаза на маленьком темном лице, ее озорную улыбку... затейливую сережку-джумку в ее пальцах.

– Дай-ка это мне. – Мунтадир выхватил сережку из руки Зейнаб, что вызвало ее новый смешок. – Ну, чтобы хоть какая-то польза от тебя была, – принеси мне воды.

Продолжая посмеиваться, Зейнаб спрыгнула с кровати, взяла графин голубого стекла, перелила часть его содержимого в белую нефритовую чашку, скорчила гримаску.

– Почему у нее такой забавный запах?

– Это лекарство для моей головы.

Она вернулась к кровати, протянула ему чашку.

– Ты не должен пить вино, ахи[2]. Это запрещено.

– Много чего запрещено, пташка.

Мунтадир осушил чашку. Он был плохим примером для сестры, но вчерашняя попойка, по крайней мере технически, шла на пользу его королевству.

Зейнаб закатила глаза:

– Ты знаешь, что я ненавижу, когда ты меня так называешь. Я уже больше не ребенок.

– Да, но ты по-прежнему порхаешь повсюду, слышишь и видишь то, что не имеет к тебе никакого отношения. – Мунтадир погладил ее по затылку. – Высокая пташка, – поддразнил он ее. – Если вы с Али и дальше так будете расти, то оставите меня далеко позади.

Она снова рухнула на его кровать.

– Я пыталась его увидеть, – посетовала она мрачным голосом. – Ваджед привел кадетов из королевской гвардии на тренировку. Я пошла на арену, но

абба заставил меня уйти. Он сказал, что это «неподобающе», – последние слова она добавила после паузы, обреченно махнув рукой.

Мунтадир заговорил сочувственным голосом:

– Ты взрослеешь, Зейнаб. Ты не должна находиться среди всех этих мужчин.

Зейнаб сердито посмотрела на него:

– От тебя несет вином. У тебя в постели сережка какой-то дамы. Почему это ты делаешь, что твоей душе угодно, а я больше и носа не могу высунуть из гарема? Если бы мы вернулись в Ам-Гезиру, я бы могла гулять, где хочу. Наша родня так все время делает!

– Но мы не в Ам-Гезире, – сказал Мунтадир. Он во многом был согласен с Зейнаб, но сейчас не хотел обсуждать с ней архаичные традиции Дэвабада. – Здесь все устроено иначе. Люди начнут говорить.

– Ну и пусть говорят! – Зейнаб сжала пальцы в кулаки и принялась молотить по стеганому одеялу под ней. – Это несправедливо! Мне скучно. Мне даже больше не допускается сходить в базарный парк в Квартале Аяанле. Этот парк был моим любимым местом. Амма каждую пятницу водила меня туда посмотреть на животных. – Ее нижняя губа задрожала, отчего она теперь стала казаться младше своих тринадцати лет. – И Али тоже.

Мунтадир вздохнул:

– Я знаю, ухти. Мне жаль... – Зейнаб отвернулась, пряча слезы от брата, а Мунтадир тяжело вздохнул. – Хочешь, я тебя возьму с собой? – предложил он. – Меня никто не остановит. Мы по пути можем зайти в Цитадель и прихватить Ализейда.

Лицо Зейнаб мгновенно посветлело.

– Правда?

Он кивнул:

– Я прикажу, чтобы нас сопровождал особо малый отряд зульфикари для обеспечения нашей безопасности. Если только ты пообещаешь разобраться с болтовней Али. Иначе он, вероятно, весь день будет мучить нас рассказами об истории парка. Или о том, где они находили животных. Или еще бог знает о чем.

– Договорились. – Она снова улыбнулась, и все ее лицо засияло. – Ты хороший брат, Диру.

– Стараюсь. – Он кивнул на дверь. – А пока ты дашь мне еще поспать?

– Это невозможно. Абба хочет тебя видеть.

Настроение Мунтадира мигом испортилось.

– По какому поводу?

– Я не стала спрашивать. Он выглядит раздраженным. – Она наклонила голову. – Тебе лучше поторопиться.

– Понятно. Спасибо, что сразу же мне об этом сообщила. – Его сестра только рассмеялась, услышав его саркастическое замечание, и он вздохнул, выпроваживая ее. – Давай, гуляй отсюда, смутьянка. Дай мне одеться.

Зейнаб исчезла, и Мунтадир поднялся с кровати, ругаясь себе под нос. Он не собирался встречаться с отцом до вечера – если бы он знал, что отец позовет его в такую рань, то не напился бы вчера.

Он плеснул себе в лицо розовой воды, потом отер рот и провел руками по волосам, по бороде, пытаясь привести их в божеский вид. Он сменил свою помятую изару на крахмальную дишдашу с рисунком голубых бриллиантов и поспешил прочь, на ходу наматывая тюрбан на голову. Руки и ноги казались ему тяжелее обычного, его измученное тело противилось той скорости, с которой его вынуждали двигаться.

Добравшись в конечном счете до дворцовой арены, Мунтадир принялся подниматься по лестнице, ведущей на платформу обозрения, делал он это с большой осторожностью, ставил одну ногу впереди другой, стараясь скрывать свое похмельное состояние. Гассан был бы недоволен, если бы увидел, как его покачивает, словно новорожденного каркаданна.

Беседка, из которой открывался вид на дворцовую арену, стояла в тени под ярким тентом из золотисто-черного шелка и густо посаженных высоких папоротников в вазонах для защиты дэвабадской королевской семьи и их преданных вассалов от безжалостного послеполуденного солнца. С полдюжины слуг размахивали пальмовыми веерами, смоченными водой. Они окунали веера в фонтан с заколдованным льдом, а потом принимались обмахивать затененное пространство.

Мунтадир, тяжело дыша, остановился перед тканой аркой, он втягивал в себя воздух с привкусом дымка благовоний, пытался уgomонить колотящееся сердце. Вязкая горечь наполняла его рот – вино, выпитое вчера вечером, давало о себе знать. Впрочем, это не имело значения. Как бы идеально он ни выглядел, Гассан видел его насквозь. Его отец взглядом мог вскрывать человека, анатомировать его, пока тот корчился, словно червяк. И этот взгляд он довел до совершенства, обращая его на старшего сына.

По крайней мере, сегодня Мунтадир сможет нейтрализовать его некоторой полезной информацией. Он взял себя в руки и откинул в сторону тонкую ткань на входе.

Свет, заставивший его поморщиться, проникал сюда через шелковый тент пятнистыми лучами. Голоса в беседке, лязг и шипение зульфикаров внизу и изысканная музыка, издаваемая двумя лютнями, – все эти звуки соревновались между собой: какому лучше удастся усилить пульсации в его голове. Он увидел впереди отца, сидевшего на парчовой подушке, взгляд его был устремлен на арену внизу.

Мунтадир двинулся было к нему, но не прошел и половины расстояния, отделявшего его от отца, как на его пути неожиданно возник молодой дэв. Мунтадир от неожиданности отскочил назад и едва сохранил равновесие.

– Эмир Мунтадир! Мир вам! Я надеюсь, вы прекрасно проводите утро!

На дэве было священническое одеяние... или, может быть, одеяние начинающего священника на практике – Мунтадир в данный момент не был готов к расшифровке тонкостей дэвской веры. Короткая, малинового цвета роба доходила дэву до колен, под робой на нем были брюки в полоску небесного голубого и огненно-желтого цветов. На его курчавых волосах сидела шапочка такой же окраски.

А результатом всего этого становилась яркость. Сильная яркость. Слишком сильная для этого конкретного утра, впрочем, в этом дэве было что-то особенное – черные глаза с длинными ресницами, чрезмерный энтузиазм, сельский акцент дивасти, который что-то напомнил Мунтадиру.

Части медленно складывались в целое в его плохо соображающей голове.

– Мир вам, – настороженно ответил он. – Прамух, да? Сын Каве?

Дэв кивнул, улыбаясь. Его просто покачивало на каблуках вперед-назад от возбуждения, и Мунтадир вдруг подумал, что, возможно, не он один перебрал вчера.

– Джамшид! Это... Я хочу сказать... так меня зовут, – ответил ему дэв, слегка коверкая джинские слова. Он зарделся, и Мунтадир даже в своем рассеянном состоянии не мог не отметить, что ситуация довольно захватывающая. – Не могу вам передать, в каком я восторге от того, что поступаю к вам на службу, эмир. – Он сложил ладони обеих рук жестом дэвского благословения, потом, для вящей убедительности, добавил четкий гезирийский салют, сопроводив его словами: – Вы не найдете никого, более преданного, чем я.

«Поступает ко мне на службу?» Мунтадир в полном недоумении уставился на Джамшида, смотрел на него несколько мгновений, потом перевел взгляд на отца. Гассан не смотрел на него, а это для Мунтадира было подтверждением того, что он просто стал пешкой в какой-то игре.

Он снова посмотрел на покачивающегося, звездоглазого священника. Его ресницы были подозрительно длинными, они так и притягивали к себе внимание.

Мунтадир откашлялся, обрывая поток мыслей. Никакого объяснения, почему этот дэв поступает к нему на службу, не было. Он изобразил улыбку, наклонил голову, давая понять Джамшиду, что тот должен уйти с его пути.

– Если вы не возражаете...

– Конечно же! – Джамшид отпрыгнул в сторону. – Подождать вас снаружи?

– Бога ради. – Мунтадир аккуратно прошел мимо, даже не кинув на него взгляда.

Гассан не посмотрел в сторону приближающегося Мунтадира, его восхищенный взгляд был направлен в сторону арены.

– Ты посмотри, как он сражается, – сказал ему отец вместо приветствия. Одобрение и гордость – два чувства, которыми он редко удостаивал Мунтадира, – были отчетливо слышны в его голосе. – В первый раз вижу такого молодого человека, который столь мастерски владеет зульфикаром.

Только один джинн мог удостоиться такой похвалы от Гассана аль-Кахтани, и, когда Мунтадир перевел взгляд на песчаную арену, чувствуя, как опасение зреет в его груди, он увидел Ализейда. Его младший брат сражался с солдатом, который был чуть не в два раза выше его и в три раза шире в груди. У обоих противников мечи горели пламенем, а группа молодых кадетов стояла широким кольцом вокруг них, подбадривая королевского сына.

Мунтадир нахмурился, подался вперед, поймав взглядом зеленоватую дымку в сердце бушующего пламени.

– Это не тренировочный меч.

– Он готов к переводу в следующую лигу.

Мунтадир повернулся к отцу.

– Ему одиннадцать лет. Кадеты Цитадели только с пятнадцати, а то и больше лет начинают сражаться живыми мечами. – Он напрягся, слыша скрежет стали. – Его могут убить!

Гассан отмахнулся от него:

– Он бы не вышел на этот бой, если бы Ваджед и его инструкторы не считали, что он готов. К тому же я лично поговорил с Ализейдом. Он сам горит желанием.

Мунтадир прикусил губу. Он достаточно хорошо знал своего младшего брата – подобным желанием тот никак не мог гореть. Для него этот бой был всего лишь шансом показать, на что он способен. Показать однокашникам-кадетам – мальчикам из нищих деревень в Ам-Гезире, тем, которые теперь подбадривали его криками, – что наполовину аяанлеский принц ничуть не хуже их в бою. Что он лучше. И пусть он был еще ребенком, у Али в глазах сверкала убийственная нацеленность, когда он отражал удар, когда, используя преимущество своего малого роста, нырял под руку противника.

«Мой будущий каид». Молодой человек, который, если обстоятельства и судьба будут благоприятствовать ему, может занять очень высокое положение при старшем брате.

Мунтадир, встревоженный, заставил себя отвернуться.

– Я могу сесть, абба? – Гассан кивнул в сторону подушки, и Мунтадир опустился на нее. – Прости мое опоздание, – продолжил он. – Я не думал, что ты захочешь поговорить со мной в такую рань.

– Уже полдень, Мунтадир. Если бы ты не пил до рассвета, полдень не показался бы тебе такой ранью. – Гассан посмотрел на него недовольным взглядом. – Ты слишком молод еще, чтобы попадать в зависимость от вина. Если оно не приведет тебя к преждевременной смерти, то сделает слабым королем.

У Мунтадира не возникло сомнений относительно того, какая из этих вероятностей волнует его отца сильнее.

– Я постараюсь обуздать свои желания, – дипломатично сказал он. – Но вчерашний вечер был довольно полезен.

Он замолчал при виде слуги, который приближался, чтобы налить ему горячий дымящийся кофе из медного карафе. Мунтадир поблагодарил слугу, сделал большой глоток, чтобы прогнать пульсации из головы.

– И что за польза? – поторопил его с ответом Гассан.

– Я думаю, твои подозрения относительно аль-Данафа справедливы, – ответил он, называя имя одного губернатора гезири на севере. – Я вчера провел вечер с его родственником, и он давал довольно интересные обещания одной из моих спутниц. Я бы сказал, что они либо научились добывать золото из камней, либо прибирают к рукам причитающиеся казне налоги с караванов.

– Доказательства?

Мунтадир отрицательно покачал головой.

– Но его жена происходит из влиятельного клана. Подозреваю, что они будут не очень довольны узнать про обещания, которые он давал другой женщине. – Он отхлебнул еще кофе. – Я подумал, что нужно сообщить это тебе.

Так у них было заведено: Мунтадир добывал то, что удавалось добыть обаянием, а его отец вступал в дело, когда приходило время прибегнуть к другим – более насильственным – методам.

Гассан покачал головой, его губы сошлись в жесткую линию.

– Вот ублюдок. Подумать только – я ведь рассматривал его как возможного претендента на руку твоей сестры.

У Мунтадира сердце похолодело, несмотря на горячий кофе.

– Что?

– Было бы неплохо укрепить наши отношения с севером. Снять некоторое напряжение, которое появилось за несколько последних десятилетий.

– И ты бы отдал свою дочь змее, которая на полвека старше ее, только для того, чтобы снять напряжение? – резко сказал Мунтадир. – Она даже не говорит на гезирийском. Ты понимаешь, как бы ей было там одиноко? Как несчастна была бы она?

Гассан отмахнулся от его слов так же, как отмахнулся от его беспокойства по поводу Али. Это был бесконечно раздраженный жест.

– Кроме размышлений, ничего и не было. Я бы ни на что такое не пошел, не поговорив с ней. И уж определенно ничего такого теперь я не сделаю.

Будто ее мнение имело какое-то значение для него. Мунтадир знал, что его отец был человеком добрым... но Зейнаб – принцесса, мощный козырь в убийственной игре, которая называлась политикой Дэвабада. Ее будущее определено тем политическим курсом, который будет сочтен Гассаном наиболее выгодным для их властвования.

– А что за причина, по которой ты захотел меня видеть – это как-то связано с громкоголосым сыном Каве, который считает, что он поступил ко мне на службу?

– Он таки поступил к тебе на службу. Он предложил себя для Бригады дэвов. Он будет проходить подготовку в Цитадели с целью стать твоим личным охранником, а пока он может войти в твой круг. Он явно довольно талантливый лучник.

«Лучник?» Мунтадир застонал.

– Нет, не вынуждай меня принять какого-то провинциального аристократа, который хочет стать Афшином под моим крылом. Я тебя прошу.

– Не будь таким снобом. – Гассан снова уставился на арену, где Али нанес еще один удар. – Джамшид получил образование в храме, он образованный аристократ дэв. Я уверен, он хорошо впишется в твою маленькую свиту поэтов и певцов. Что говорить, я хочу, чтобы ты постарался в этом направлении.

Мунтадир нахмурился, услышав непреклонность в голосе отца.

– Что-то случилось?

– Нет. – Линия губ Гассана стала еще строже. – Но я считаю важным иметь Джамшида в твоем окружении, быть уверенным в его преданности, подлинной преданности. Нам не повредит, если надежный дэв займет столь высокое положение. – Он пожал плечами. – А если этот надежный дэв будет среди твоих домашних... то еще лучше.

Хотя они разговаривали тихо и на гезирийском, Мунтадир время от времени поглядывал через плечо отца на собравшихся, чтобы удостовериться, что никто из них не подслушивает.

– Ты в чем-то подозреваешь Каве?

Мунтадир помедлил. Ему пришлось не по душе решение отца назначить несколько лет назад Каве э-Прамуха великим визирем, но он тогда был слишком молод (и слишком боялся высказывать свое мнение, если оно не совпадало с королевским), чтобы возразить. Это решение было принято вскоре после убийства Манижи и Рустама руками ифритов, когда сам Дэвабад

был на грани хаоса и никто не желал слушать недобрые предсказания недоросля королевских кровей из рода Кахтани.

Гассан, вероятно, прочел его мысли.

– Говори, что у тебя на уме, эмир.

– Я ему не верю, абба.

– Потому что он дэв?

– Нет, – ответил Мунтадир уверенным голосом. – Ты знаешь – я не из таких. Многим дэвам я доверяю. Но среди них есть такие, которые никогда не перейдут на нашу сторону. Я могу это чувствовать. Ты можешь это видеть. За душевными улыбками в их глазах недовольство.

Выражение лица Гассана ничуть не изменилось.

– И ты считаешь, что Каве – один из них. Он прекрасно себя зарекомендовал в роли великого визиря.

– Конечно, зарекомендовал. Он пока в таком положении, что не может предпринять никаких шагов. – Мунтадир покрутил серебряное кольцо на пальце. – Но я думаю, что мы должны опасаться человека, который был так близок, как он, к Маниже и Рустаму. Абба, иногда Каве смотрит на меня... как на насекомое. Он никогда не позволяет этому проявиться в его действиях, но я готов биться об заклад, что в своем доме он называет нас песочными мухами, которых нужно прихлопнуть.

– Тем важнее иметь своего человека в его доме.

– И ты считаешь, что его сын – наилучший выбор для такой роли? Внедрить настоящего шпиона в его дом можно гораздо более простым способом.

Гассан отрицательно покачал головой:

– Я не хочу никаких шпионов. Мне нужен его сын. Мне нужен кто-то, кого я могу использовать, кто-то, про кого Каве знает, что я могу его использовать, но кем он не осмелится рисковать.

Мунтадир знал, что на самом деле говорит его отец. Он уже видел, как такие схемы разыгрывались раньше: сыновья политических оппонентов брались в Цитадель, предположительно для последующей достойной карьеры, но еще и для того, чтобы у горла их родителей, если они надумают пересечь черту, постоянно был клинок. Жены приглашались компаньонками к королеве, а потом, если на их мужей падало подозрение, их задерживали в гаремах.

Его отцу требовался заложник.

При воспоминании о веселой улыбке Джамшида мурашки вины побежали по коже Мунтадира.

– Ты хочешь испортить ему жизнь? – спросил он наконец.

– Надеюсь, что ничего такого не потребуется. У тебя талант очаровывать людей. Есть придворные, которые кровь готовы пролить, чтобы втереться к тебе доверие. – Гассан прищурился. – А потому прими яркоглазого честолубивого Афшина и сделай его своим ближайшим другом. Покажи сыну Каве обаяние, богатство, женщин... рай, которым могла бы стать его жизнь. И убеди его в том, что его счастливая судьба зависит от твоей. И нашей. Это не должно вызвать затруднений.

Мунтадир взвесил услышанное. Он хорошо знал отца, а потому порадовался, что тот просит его только о том, чтобы он подружился с Джемшидом, а не отравил его, не втянул в какую-нибудь скандальную историю.

– Значит, подружиться? Сделать его одним из моих сподвижников?

В глазах его отца мелькнуло выражение, которое Мунтадир не смог истолковать.

– Я не стал бы возражать, если бы ты смог развязать его язык и разузнал о его жизни в Зариаспе. О том, что ему известно об отношениях его отца с братом и сестрой Нахид.

Мунтадир провел пальцем по кромке чашки. То ли от вина, которое все еще бурлило в его животе, то ли от слов отца, но его желание пить кофе пропало.

– Ясно. Если это все...

Крик Али привлек его внимание. Мунтадир успел повернуться вовремя, чтобы увидеть, как зульфикар вылетел из руки его брата.

Чувство облегчения расслабило его тело. Он сомневался, что Али хотел потерпеть поражение, но если пламенный, ядовитый меч выбит из руки его младшего брата, то и слава богу.

Вот только противник Али не остановился. Он продолжил атаку, ударил брата ногой в грудь. Али упал, распростерся на песке.

Мунтадир в ярости вскочил на ноги.

– Сядь, – ровным голосом сказал Гассан.

– Но, абба...

– Сядь, я сказал.

Мунтадир сел, его кожа горела: он видел, как противник Али бросился за ним. Остальные кадеты замерли. Ему вдруг показалось, что его брат совсем ребенок, что он такой маленький: испуганный мальчонка пятился, его оторопелые серые глаза метались между надвигающейся на него крупной фигурой противника и тем местом, где упал его зульфикар.

Люди погибали, пытаясь освоить зульфикар. Подготовка была безжалостной, она имела целью выявить тех, кто мог овладеть таким губительным оружием и

контролировать его. Но уж никак не здесь. Не для королевского же сына устраивать испытание, не на глазах же короля.

– Абба, – попробовал еще раз Мунтадир, он напрягся, видя, как Али едва увернулся от следующего удара. – Абба, прекрати это. Скажи ему, чтобы сдался! – Его голос перехватывало от страха.

Его отец не проронил ни слова.

Выражение лица Али внезапно переменилось, оно исполнилось решимости. Он схватил горсть песка и бросил в лицо противника.

Солдат сделал шаг назад. Его свободная рука метнулась к лицу. И Алихватило этого времени, чтобы зацепить противника ногой за щиколотку и с силой дернуть, отчего тот рухнул на землю. Еще мгновение, и Али схватил свой ханджар и ударил им по руке солдата, держащей зульфикар. Ударил еще раз и еще, и еще. От этих жестоких ударов из руки воина хлынула кровь, и он выронил свой зульфикар.

Мунтадир облегченно вздохнул. Невзирая на приказ отца, он поднялся на ноги, подошел к краю платформы. Али, вероятно, заметил его, потому что поднял глаза и встретился с ним взглядом.

За то короткое время, что его младший брат неуверенно улыбался Мунтадиру, его оппонент достал собственный ханджар и ударил его рукояткой по лицу Али.

Мальчик вскрикнул от боли, из его носа потекла кровь. Свист, извещавший о конце боя, заглушил недовольный крик Мунтадира.

«Сейчас кое-кто умрет». Мунтадир развернулся на каблуках, потянулся к собственному кинжалу. Его ханджар был не столько оружием, сколько эмирским украшением, драгоценным символом власти, но Мунтадир чувствовал, что ему хватит сил вонзить кинжал в горло того, кто только что ударил его брата.

Гассан ухватил его запястье, дернул, притягивая к себе.

– Перестань.

– Я не перестану! Ты видел, что он сейчас сделал?

– Видел. – Голос его отца звучал твердо, но Мунтадир заметил, что Гассан стрельнул глазами в сторону Али, после чего перевел взгляд на старшего сына.

– Схватка еще не была остановлена. Ализейд не должен был расслабляться.

Мунтадир вывернул запястье из хватки отца.

– «Не должен был расслабляться?» Они оба были без оружия! Кто-то поступает так с твоим сыном, а ты молчишь?

Ярость исказила лицо Гассана, но это была усталая ярость.

– Я предпочту, чтобы ему сломали нос у меня на глазах, чем узнаю о его смерти в сражении далеко от дома. Он учится, Мунтадир. Он станет кайдом. Это опасная жизнь, полная насилия. И ни ты, ни я не окажем ему хорошей услуги, если будем создавать ему привилегированные условия во время тренировок.

Мунтадир посмотрел на младшего брата. Его белая униформа для тренировочных боев покрылась грязью, подпалинами, кровавыми пятнами и нечистым песком арены. Али поднес изгвазданный рукав к носу, чтобы остановить кровотечение, и одновременно, прихрамывая, направился к своему зульфикару.

Это зрелище разбило сердце Мунтадира.

– Тогда я не хочу, чтобы он стал моим кайдом, – вспыхнул он. – Отчисли его из Цитадели. Пусть он проведет последние годы детства в радости, поживет нормальной жизнью.

– Он никогда не будет жить нормальной жизнью, – тихо сказал Гассан. – Он принц, он наследник двух влиятельных семей. Такие люди не живут нормальной жизнью в нашем мире. В особенности теперь. После того...

Его отец не договорил предложения. Это и не требовалось. Все знали о том непоправимом ущербе, который был нанесен их миру убийством последних Нахид. Если политика Дэвабада была убийственной во времена младенчества Мунтадира, а стабильность в городе балансировала на острие ножа, то те благодатные времена не шли ни в какое сравнение с нынешними.

Нет. У Али никогда не будет нормальной жизни. Ни у кого из них не будет. Мунтадир с болью в сердце смотрел, как Али засовывает в ножны свой зульфикар. Клинок казался слишком большим в сравнении с его телом.

– Я делаю это не для одного Ализейда, – проговорил не без горечи его отец. – У тебя хорошие политические инстинкты, Мунтадир. Ты обаятельный. Ты отличный дипломат... Но ты не посол и не визирь. Ты мой преемник. Ты должен ужесточить сердце. Иначе Дэвабад сокрушит тебя. А ты не имеешь права рисковать этим, сын мой. Этот город поднимается и падает со своими королями. – Отец задержал на нем взгляд, в его глазах теперь чувствовалась какая-то уязвимость, отзвук тех забот и страхов, а также простая привязанность, которую прежде Гассан так свободно демонстрировал своей семье. Через мгновение это выражение исчезло. – Ты меня понимаешь?

«Прежде всего Дэвабад». Эти слова были мантрой его отца. Он произносил их, когда хотел жестко поставить на место тех, кто осмеливался возражать ему. Когда губил жизни своих юных детей.

И Мунтадиру когда-нибудь придется делать то же самое.

Тошнота подступала к его горлу.

– Я... я должен отвести Джамшида в Цитадель.

Другого повода, чтобы уйти, он придумать не смог.

Гассан поднял руку:

– Ступай с миром.

– Твоими молитвами.

Мунтадир, пятась к выходу, прикоснулся к сердцу, потом ко лбу.

Джамшид все еще ждал его и демонстрировал прежнюю восторженность. Он вскочил на ноги, словно кто-то прикоснулся к нему горячим углем.

– Эмир!

– Пожалуйста, прекрати это. – Мунтадир потер голову. У него не было ни малейшего желания идти в Цитадель. Несмотря на обещание, данное отцу, единственное, чего ему хотелось, это залить вином их разговор и воспоминание о крике боли Али и печальных глазах Зейнаб. Но его обычные компаньоны по чаше, скорее всего, еще мучились похмельем в своих кроватях, а Мунтадир достаточно хорошо знал собственные слабости, в том числе и ту, которая не позволяла ему пить в одиночестве.

Он скосил глаза на Джамшида:

– Твой сан не запрещает тебе пить вино?

Джамид недоуменно посмотрел на него:

– Нет.

Тогда ты идешь со мной.

ДЖАМШИД ПРОШЕЛ ПО ВСЕЙ ДЛИНЕ РЕЗНОГО ДЕРЕВЯННОГО БАЛКОНА.

– Вид просто удивительный, – восхищенно сказал он. – Отсюда виден весь Дэвабад.

Мунтадир застонал, делая попытку подняться с подушки, но так и остался на ней. Какой бы прекрасной ни была столица внизу, у него не было ни малейшего желания смотреть на город, тираном которого он должен был стать.

Джамшид повернулся к нему, встав спиной к перилам:

– Что-то случилось, эмир?

– Почему ты спрашиваешь?

– У вас печальный вид. А я слышал, что вы разговорчивый.

Мунтадир посмотрел на него в полном недоумении. Люди никогда не спрашивали у эмира Дэвабада о причинах, если видели его печальным. Даже

его ближайшие сподвижники не разговаривали с ним так свободно. Нет, они бы, конечно, обратили внимание на его замкнутость, но не осмелились бы задавать вопросы. Они бы предпочли сочинить стихи, восхваляющие его, или попытались бы его отвлечь, а в это время стали бы незаметно разбавлять его виной водой.

Но Мунтадир не находил в себе раздражения. В конечном счете дворцовый этикет не изучали в Большом храме дэвов.

– Расскажи мне о себе, – сказал он, игнорируя вопрос. – Почему ты хочешь отказаться от сана? Ты перестал быть верующим?

Джамшид отрицательно покачал головой:

– Нет, я по-прежнему верующий. Но я подумал, что стать затворником и изучать пыльные тексты – не лучший способ послужить моему народу.

– И твой отец согласился? Каве казался мне таким ортодоксом.

– Мой отец уехал в Зариаспу по семейным делам. – Джамшид так сжал чашу с вином, что костяшки пальцев у него побелели. – Он еще не знает.

– Но ты уже оставил Большой храм и поступил в Королевскую гвардию, не получив разрешения отца? – Мунтадир был удивлен... и весьма заинтригован. В благородных и влиятельных семьях Дэвабада дела обычно так не делались, а джинн перед ним не казался разрушителем устоев. Ничуть не казался.

Его реакция, казалось, изумила Джамшида.

– Разве ваш отец знает о вас все?

В глазах Джамшида сверкали искорки, и от этого в сочетании с вопросом, который он задал, какое-то странное чувство охватило Мунтадира. Он распрямился, обвел Джамшида взглядом. В других обстоятельствах он, может быть, задался бы вопросом: а нет ли в этих словах какого-то подспудного смысла. У него, может быть, возникло бы искушение выяснить это, и тогда он улыбнулся бы той улыбкой, которая, как он знал, разбила не одно сердце в Дэвабаде, пригласил бы сесть.

Но в Дэвабаде лишь немногие – по пальцам можно пересчитать – смотрели в глаза Мунтадира аль-Кахтани с такой прямоотой... и еще меньшее число говорили с ним с таким искренним теплом, какое излучал Джамшид. Но еще меньше было таких, кто держался бы с такой политической деликатностью, как этот сын Каве. А потому Мунтадиру приходилось вести свою игру с осторожностью.

Он откашлялся, пытаясь игнорировать приток крови ему под кожу.

– Мой отец знает все, – услышал он собственный голос.

Джамшид рассмеялся, сочный звук, от которого желудок Мунтадира снова заволновался.

– Так оно, наверное, и есть. – Он оставил балкон, подошел поближе. – Видимо, это нелегко.

– Это ужасно, – согласился Мунтадир, который вдруг почувствовал, что не может не смотреть на Джамшида. Тот был не ахти какой красавец, но в его похожих на крылья бровях и немного старомодных усах чувствовалась какая-то привлекательность. Не говоря уже о его черных глазах с длинными ресницами. В облачении Храма Джамшид выглядел так, будто сошел с одной из висящих на древних стенах дворца потрескавшихся картин Нахидского совета.

Джамшид сел без приглашения, но тут же поднялся со смущенным видом:

– Простите... можно мне сесть? Я знаю, тут действуют всякие протоколы.

– Садись, – разрешил Мунтадир. – Прошу тебя. Иногда не мешает забыть о протоколе.

Джамшид снова улыбнулся. Казалось, это дается ему легко, и Мунтадир подумал, что такое свойственно людям, на которых в детстве не давили заботы соблюдать дурацкие правила двора и участвовать в политических интригах, связанных с этими правилами.

– Мой отец не согласился бы с этим. Его всегда беспокоило, что мы отличаемся от всех нашими «ужасными» провинциальными манерами. – Джамшид скорчил гримасу. – Ведь, прожив в Дэвабаде десяток лет, я уже должен был отделаться от своего акцента.

– Мне нравится твой акцент. – Он отхлебнул вина. – Почему вы уехали из Зариаспы?

– Мой отец хотел, чтобы я учился в Большом храме. Так, по крайней мере, он говорит. – Джамшид сделал глоток из своей чаши, устремив взгляд в небеса. – Я подозреваю, что ему было легче начать здесь все заново.

– Ты что имеешь в виду? – спросил Мунтадир, его любопытство брало верх над инстинктом немедленно последовать приказу отца.

Джамшид посмотрел на него удивленным взглядом:

– Моя мать... я думал, вы знаете.

Мунтадир поморщился. Он знал, а потому говорил неловкими, неуклюжими словами.

– Прости. Твоя мать умерла, когда ты был маленьким, верно? Я не хотел поднимать эту тему.

– Я не возражаю. Правда. Я ни с кем не говорю о ней. И отец отказывается говорить. – Его лицо потемнело. – Она умерла, когда я родился, и они не были женаты. Я думаю, она была служанкой, но никто не говорит мне про нее. Стыдятся.

Мунтадир нахмурился:

– Почему? Ты носишь имя отца. Неужели этого недостаточно?

– Для дэва недостаточно. Мой народ одержим своими корнями. – Он допил все, что оставалось в его чаше. – Это определяет то, чем мы занимаемся в жизни, с кем заключаем браки... все-все, – говорил он легко, но Мунтадир отметил мимолетную гримасу боли на его лице. – А у меня половина моих корней отсутствует.

– Может быть, это означает, что у тебя развязаны руки и ты можешь сам творить свою судьбу. Может быть, это дар, – тихим голосом сказал Мунтадир, думая об Али и Зейнаб.

Джамшид замер, выражение его лица посерьезнело. А в его голосе, когда он заговорил, зазвучала торжественная нота.

– Я слышал... что вы становитесь чрезвычайно поэтичны, когда выпьете.

Глаза Мунтадира широко раскрылись, кровь прилила к его щекам. Неужели Джамшид только что... оскорбил его? Он был потрясен. За пределами семьи никто не осмеливался говорить с эмиром Дэвабада в таком тоне. Вероятно, они опасались, что король казнит их за это.

Но, поскольку глаза Джамшида шутливо сверкали и с его губ сорвался смех, Мунтадир ощутил вовсе не ярость. Он сам не знал, что ощутил. Он чувствовал странную легкость в груди – чувство, незнакомое ему прежде.

Он не сомневался, что ему понравилось услышанное.

Но при этом он все же попытался изобразить негодующий взгляд.

– Твой отец все же прав, что переживает из-за твоих манер, – отбрил его Мунтадир. – И это еще мягко сказано, засранец ты гребаный.

– Тогда мне крупно повезло, что я поступил к вам на службу. – Джамшид ухмыльнулся, и Мунтадир начал по-настоящему опасаться, что задача, поставленная перед ним отцом, будет куда как труднее, чем он опасался вначале. – У вас будет много времени обучить меня.

Джамшид

Эти события происходят менее чем через год после тех, что описаны в предыдущей главе о Мунтадире. Глава содержит спойлеры к первой книге.

Звуки из-за закрытой двери доносились самые нелепые. Джемшид э-Прамук переступал с ноги на ногу, его предчувствия чего-то нехорошего только усилились, когда он оглядел увешанную церемониальным оружием стену в длинном мраморном коридоре, где он стоял охранником. Коллекция была впечатляющая. Копье такое громадное, что поднять его мог только гигант, булава, усаженная зубами заххака. Вогнутые щиты, сабли и... ух ты – топор с зазубринами, на которых еще остались следы крови и хрящей.

Возможно, в этом арсенале не было ничего удивительного, если вспомнить репутацию грозного военного вождя из тохаристанского пограничья, ныне обитающего в этих стенах. Этот вождь, судя по слухам, собирал солдат и деньги и был полон решимости защищать свое маленькое владение. Вождь, про которого говорили, что он изготовил золотую чашу из черепа одного из своих врагов и варил плененных ифритов заживо. Вождь, который приветствовал эмира Дэвабада хвастливым рассказом о том, что когда-то его предки пили кровь гезири.

Этот вождь, теперь уютно устроившийся в спальне с Мунтадиром и вроде бы – впрочем, Джемшид в этом практически не сомневался – еще не менее чем четырьмя людьми, включая и женщину, которая была женой вождя и начисто лишенной слуха певицей.

Из-за двери доносился легкий смех Мунтадира, дразнящий звук, от которого начинал беситься желудок Джемшида. Он не мог разобрать слов эмира, но в шутовском тоне не слышалось ни испуга, ни подавленности. Правда, Мунтадир никогда и не был подавленным или испуганным. Напротив, эмир Дэвабада, казалось, плывет по жизни абсолютно довольным и уверенным в себе, ничуть не беспокоясь о таких понятиях, как безопасность. Да и зачем ему это? У него были другие люди, которые за него думали об этих проблемах.

Например, такие люди, как Джемшид, который ловил себя на том, что хватается за кинжал каждый раз, когда военный вождь выпускает кудахчущий рев. Маленький кинжал был единственным оружием, разрешенным Джемшиду. Мунтадир говорил, что они не должны казаться грубыми или не вызывающими доверие. Ни в коем случае. Гораздо лучше, если эмира убьют, а потом Джемшида и остальных дэвов казнят за то, что допустили это.

«Может быть, тебе стоило подумать об этом прежде, чем ты покинул Храм и вступил в королевскую гвардию». И да, представляясь Гассану, Джемшид предполагал, что поступит в Дэвскую бригаду в качестве лучника, в каком качестве будет с гордостью защищать квартал его племени, а не персонально охранять старшего сына Гассана, проходя при этом краткий курс крайне специфичной политики, проводимой Мунтадиром.

Дверь с громким стуком распахнулась. Джемшид замер по стойке «смирно», услышав громкий смех и увидев лучи свечей, проникающие в коридор. Он запаниковал было, но это длилось одно мгновение, потому что тут же в проеме дверей появился Мунтадир аль-Кахтани. Несмотря на шум и предполагаемую активность, с ним связанную, Мунтадир был жив-здоров и, на удивление, трезв. Шелк его светлого серебристо-голубого изара по-прежнему плотно сидел на его теле, пуговицы из лунного камня были застегнуты до самого воротника его блузы, крашенной и скроенной по самой последней моде. Его серебристый тюрбан, увенчанный сапфиром и украшением из

сердолика, возможно, чуть сместился набок, но это только придавало ему еще более разгульный вид.

«Будто ему нужно казаться еще более разгульным», – подумал Джамшид, радуясь тому, что румянец, который ударил ему в лицо, трудно заметить в полутьме коридора.

Мунтадир улыбнулся, когда его серые глаза нашли Джамшида. У Мунтадира была неторопливая, остающаяся надолго улыбка, освещавшая все его лицо, – улыбка, которая начисто обезоруживала Джамшида, что, как он подозревал, не шло ему на пользу в профессиональном плане. В глазах эмира появились искорки, когда он наклонился, чтобы прошептать несколько слов в ухо Джамшиду. Вид у него был довольный и блаженный, он словно открыл дверь, чтобы просто попросить еще вина или пригласить другого участника, и Джамшид ощутил его теплое дыхание у себя на шее.

– Мы должны убираться отсюда. – Мунтадир говорил на дивасти, тон у него по-прежнему был легкий и веселый, словно все шло распрекрасно. – Немедленно.

Джамшид отпрянул от эмира, посмотрел за его плечо. Одного взгляда было достаточно, чтобы не то что покрыться румянцем – побагроветь. Вечеринка, казалось, достигла своего апогея, военный вождь и его собутыльники даже не заметили спешного отступления Мунтадира к двери. А может быть, их просто больше привлекали довольно-таки акробатические движения перед ними.

Джамшид инстинктивно беззвучно вытащил Мунтадира из дверного проема и тихонько закрыл дверь. Он повел Мунтадира по коридору, держа руку на поясице эмира, словно они были вполне обычными людьми, отправившимися за добавкой хмельного.

– К выходной двери сюда, – прошептал Джамшид.

Мунтадир остановился:

– Нам не выйти через главную дверь. Можешь мне поверить.

– Хорошо... – Джамшид проглотил слюну. – Тут высокогато, но есть окно пониже, если пойти в обратную сторону.

– Идеально.

Мунтадир уже начал разворачиваться. Джамшид бросился за ним, понимая, что его обувь слишком громко стучит по каменному полу. Мунтадир, выходя из комнаты, успел надеть свои сандалии, но его шаги были беззвучны. У него явно был более богатый опыт хождения тайком по темным коридорам, чем у человека, который упрямо пришел сюда вместе с ним для его защиты.

Стекло в окне казалось матовым – плотным и мутным. Сквозь вытравленные на нем цветы и карабкающиеся вверх лозы плюща улица все же была видна, но тремя этажами ниже.

Мунтадир нахмурился:

– Как, по-твоему, мы сможем разбить это стекло?

– В этом нет нужды. – Джемшид приложил ладони к прохладному стеклу, и оно принялось закипать и таять, оседая мерцающими жидкими волнами, пока не образовалось достаточно большое пространство, через которое они могли пробраться.

Мунтадир восхищенно присвистнул:

– Когда эта история закончится, ты должен научить меня делать такие вещи.

С этими словами он шагнул в окно.

– Постойте! – Джемшид ухватил его за запястье. – Это третий этаж, а вы выпивши. Вы уверены, что сможете спуститься?

– Все лучше, чем оставаться здесь. К тому же я ничуть не теряю равновесия, вот смотри. – Мунтадир вытянул руку. – И я не настолько глуп, чтобы напиваться перед здоровенными, злобными вояками, у которых оружия больше, чем мозгов.

«Господи, помоги». Джемшид ни на что такое не подписывался. Но когда он полез следом за Мунтадиром, ощущение восторга переполняло его. Вот на такое стоило подписываться, потому что оно было куда как веселее, чем заучивание пыльных текстов в Храме.

Они проползли на четвереньках по черепичной крыше, потом спрыгнули на садовый балкон, на котором стояли пышные пальмы в вазонах и висели корзинки с папоротниками. Когда они проползли через цветы, Джемшид хлопнул Мунтадира по плечу и кивнул в направлении сточной трубы.

– Вы сможете спуститься по ней? – спросил он.

Эмир немного побледнел, но тут над ними раздался взбешенный рев.

– Да, – согласился Мунтадир. Он уцепился за сточную трубу и спустился по ней, как школьник. Джемшид дождался, когда эмир, бранясь и прихрамывая, отойдет в сторону, и тогда последовал за ним.

Приземлился он гораздо грациознее эмира, хотя и в лужу, грязная вода которой забрызгала дорогую одежду Мунтадира. Джемшид замер, уверенный в том, что он сейчас нарушил какое-нибудь сокровенное правило дворцового этикета, предписывающее изгнание тех, кто испачкал особу королевских кровей, но потом он вспомнил, что многое из того, что они делают, и есть нарушение этикета. К тому же Мунтадир схватил его за руку и потащил за собой.

– Идем!

Они спешили по сумеречным проулкам того, что вроде было довольно захолустной частью Тохаристанского квартала, гораздо более мрачной, чем то, к чему привык Джемшид. Мунтадир, казалось, знает, куда идет, он сворачивал с одной из петляющих узких улочек на другую так, будто ходил

по ним всю жизнь. Когда они приблизились к одной из главных улиц, Мунтадир распустил свой турбан и одним концом прикрыл рот и нос.

Джамшид не удержался и спросил:

– И вы часто так делаете?

– Как? Хожу тайком по моему городу? – Мунтадир подмигнул ему, его стальные глаза посверкивали в свете ламп цветного стекла, стоящих в ряд вдоль улицы. – Обычно меня сопровождает куда как больше спутников. И оружия у них гораздо больше, а это затрудняет хождение тайком. – Он взял Джамшида под руку, притянул к себе. – Но хотя бы раз забавно прогуляться инкогнито. Ведь никто и представить себе не может, что эмир Кахтани будет шляться по улицам в сопровождении одного дэва, правда?

В животе Джамшида снова возникло напряжение.

– Я должен напомнить вам, что мое боевое обучение продолжалось меньше года. «А напоминать тебе, что единственное оружие при мне в настоящий момент – крохотный нож, я не буду».

Мунтадир похлопал его по руке:

– Тем круче испытание для нас обоих.

Джамшида эти слова должны были бы встревожить, но, когда они вдвоем под ручку, словно обычные граждане на вечерней прогулке, перешли в многолюдное торговое сердце Тохаристанского квартала, поводов для огорчений у них больше не было. Джамшид прожил в Дэвабаде больше десяти лет, но его знакомство с городом было довольно ограниченным. Смесь оправданных страхов и предрассудков держали большинство дэвов в пределах их квартала, не позволяли им смешиваться с другими племенами джиннов, не говоря уже о шафитах. И мир Джамшида вращался вокруг Храма, а большинство его связей были с другими представителями благородных кровей. Вечера в сверкающем районе Тохаристан – в обществе еще более космополитичного принца – были новым бодрящим опытом.

– Не могу поверить, что никогда прежде не был здесь, – заметил Джамшид, вдыхая запах жженого сахара от нанизанных на шампур огненно-красных кондитерских изделий, продаваемых в палатке, видневшейся впереди.

– Ты никогда не был в районе Тохаристан? – спросил Мунтадир и рассмеялся, увидев кивок Джамшида. – Значит, ты не шутил, когда сказал, что твой отец проявлял чрезмерную заботу о тебе.

– Меня удивляет, что ваш отец не проявляет о вас еще большую забо... – Но, не успев еще произнести эти слова, Джамшид пожалел о сказанном. Он чувствовал, что не умеет сдерживаться в присутствии Мунтадира, словно эмир не мог в один миг убить его самого и уничтожить его семью. Он поспешил извиниться: – Простите меня. Я не...

Мунтадир, слегка пошатнувшись, отмахнулся от него:

– Не за что тебя прощать. Мой отец придерживается другого представления о заботах.

– И что это значит?

– Это значит, что если я проявлю слабость, то это будет опаснее как для Дэвабада, так и для меня. – Мунтадир встретился с ним взглядом. На его лице, отчасти прикрытом, появилось подобие улыбки. – Если бы отец продавил свои пожелания, то я бы провел детство в Ам-Гезире, в разлуке с родней и сражаясь с заххаками.

Джамшид нахмурился:

– И почему же этого не случилось?

– Моя мать не хотела, чтобы я уезжал. – Отзвук старого горя смягчил голос Мунтадира. – Мы были очень близки.

«Ты идиот, повсюду сующий свой нос».

– Простите, – вырвалось у Джамшида. – Я не должен был вас допрашивать.

– А я, вероятно, не должен был отвечать. И тем не менее я постоянно ловлю себя на этом, когда имею дело с тобой, Прамух. Из тебя получился бы хороший священник. Или даже отличный шпион, будь у тебя такая склонность.

Джамшида пробрала дрожь.

– Не думаю, что из меня получился бы такой уж хороший шпион.

– Заранее этого знать нельзя. – В этот момент Мунтадир остутился и чуть не упал на колени. – Ничего-ничего. Вот, значит, почему они достали подушки, когда пустили грибы по кругу.

– Что пустили?

Мунтадир сжал его предплечье:

– Пожалуй, тебе придется довести меня до дворца.

ДЖАМШИД СТАРАЛСЯ НЕ ОСТУПИТЬСЯ, УКЛАДЫВАЯ МУНТАДИРА В КРОВАТЬ. При том уровне опьянения, в котором находился Мунтадир (а он и в самом деле был не в себе – на протяжении остального пути читал вслух стихи своим рукам и засыпал на ходу), Джамшид полагал, что падение на эмира было бы нецелесообразным. В конечном счете ему удалось уложить Мунтадира на матрас, и тот испустил удовлетворенный вздох, прозвучавший настолько непристойно, что в мыслях Джамшида заплясали гурии со сладострастными улыбками.

«Прекрати думать о таком», – попенял он себе, но этот приказ легче было беззвучно произнести, чем выполнить, когда он наклонился над телом Мунтадира, чтобы достать подушку. От Мунтадира пахло вином и

благовоениями. Аккуратно подсовывая подушку под голову эмира, Джамшид на мгновение прикоснулся к волосам Мунтадира. Прежде он никогда не видел эмира без головного убора. Волосы у него были черные, с теплым красно-коричневым оттенком. Они были коротко подстрижены и слегка завивались на концах.

Он громко сглотнул и разогнулся, понимая, что оказался в довольно неожиданной ситуации.

– Я могу сделать что-нибудь еще, эмир? – спросил он, пытаясь побороть смущение.

Веки Мунтадира дрогнули. Он посмотрел на Джамшида мутными глазами, но горизонтальное положение вроде бы пошло ему на пользу, в выражение его лица вернулась некоторая настороженность.

– Вернись назад во времени и скажи мне, чтобы я ничего не ел вечером.

– Меня в Цитадели не обучили этому конкретному навыку. – Осторожная, изможденная улыбка осветила лицо Мунтадира, и новая тревога поселилась в сердце Джамшида. – Вы уверены, что мне не надо позвать кого-нибудь? Может быть, Низрин? Она может заварить вам какой-нибудь тоник...

– Я в порядке. Правда. Я говорю... сейчас я вижу трех тебя, и вы танцуете со звездами, но я в точке, в которой только одного могу признать реальностью. Мне нужно поспать. – Вид у него все еще был немного ошарашенный. – Ты прекрасно смотришься в звездном свете.

В серых глазах Джамшида застыло недоумение. Если бы это был кто-то другой, если бы обстоятельства были другими, Джамшид бы так не переживал. Но Мунтадир не был простым джином. Он был принцем. Эмиром. И не только эмиром; он явно пребывал в состоянии опьянения и потому Джамшид заставил себя замереть.

– Мы не лучшая компания для тебя, – тихо проговорил Мунтадир.

Джамшид вздохнул:

– Ч-что?

Мунтадир сжал его плечо, и Джамшид теперь был готов поклясться, что по-настоящему видел звезды.

– ТЫ БЫЛ БЫ В БОЛЬШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ХРАМЕ. Это место, этот дворец – он пожирает людей изнутри. Он забирает все доброе и незлобивое, что есть в твоём сердце, и превращает его в камень. – Мунтадир уронил руку. – А ты... ты хороший, ты идеалист, и дворец тебя уничтожит.

В остекленевших глазах Мунтадира появился искренний испуг. И хотя предупреждение такого рода из уст одной из самых коварных и влиятельных персон Дэвабада должно было бы напугать Джамшида, он не почувствовал ни малейшего страха.

Не почувствовал, пока не присел на корточки и не взглянул на противоположную стену. Комната Мунтадира утопала в роскоши и поражала запредельной расточительностью, своими ткаными коврами такой толщины и мягкости, что ноги в них утопали, рисованными пейзажами на шелке, закрывавшем стены, перегородками розового дерева такой удивительно тонкой резьбы, что возникало впечатление, будто ты в саду. Комната эта занимала центральное положение в древнем дворце, а с ее балкона открывался вид как на город, так и на глубокое озеро, окружавшее его. Все здесь явно всегда принадлежало одной из самых высоких персон в дворцовой иерархии.

И Джемшид знал это, потому что на стене напротив него он видел выцветшие остатки фрески, изображавшей круг ревуших шеду. Шеду были знаком блаженных Нахид, давно уже мертвых. Крылатые львы, до сих пор символически охранявшие Дэвский квартал у тяжелых ворот, которые содержались его соплеменниками в чистоте и регулярно смазывались на тот случай, если понадобится закрыть их от остального города.

«Ты для них всегда будешь в первую очередь дэвом». Его отец выкрикивал эти слова до посинения, когда, вернувшись из Зариаспы, узнал, что его сын поменял священнические одеяния на место в армии Кахтани. «Ты это понимаешь? Все, что ты сделаешь, служа им, будет переноситься на нас, каждая твоя ошибка будет нести угрозу нам».

Джемшид опустил глаза.

– Я принял к сведению вашу озабоченность, мой эмир, – сказал он, пытаясь говорить с холодным профессионализмом в голосе. – Что-нибудь еще?

Он услышал, как Мунтадир сглотнул. Джемшид не хотел поднимать глаз. Он не хотел видеть погасшей надежды на лице эмира – это могло ослабить его решимость, это могло выставить эмира живым и настоящим, тогда как на самом деле он был неприкосновенным, владел той убийственной эмирской харизмой, которая могла уничтожить тебя (и непременно уничтожила бы) или возвысить одним движением рук.

– Ты останешься? – слабым голосом спросил Мунтадир. – Ты меня толкай время от времени, чтобы убедиться, что я все еще дышу. И говори со мной, – добавил он. И голос эмира звучал так, будто сон снова начал его одолевать. – Когда ты говоришь, мое ощущение, будто я галлюцинирую, становится слабее.

– О чем вы хотите поговорить?

– О чем угодно, – ответил Мунтадир. – Я просто хочу слышать твой голос.

Дара

Предполагается, что эти события происходят во время пребывания Нари и Дара в Дэвабаде вскоре после их бегства из Хиераполиса. Без спойлеров.

Этот негодяй с человеческой кровью станет его гибелью. Дара снова глянул на дельцов, ссорящихся на улице, сапожник сердито обвинял торговца фруктами в том, что тот намеренно перевернул его тележку; потом Дара перевел взгляд на Нари.

– Пожалуйста, давай скорее, – взмолился он. – Он может вернуться в любую минуту.

Нари среди горы обуви и кожаных тапочек, требующих разной степени починки, лениво вытянула ногу и пошевелила пальцами в туфле, которую примеряла.

– Они все еще спорят. Успокойся. – Она скорчила гримасу и сняла туфлю. – Жмет.

Дара зашипел вполголоса:

– Да бога ради, выбери уже что-нибудь. Одни или другие – особой разницы нет!

– Если бы мои ноги были из огня, тогда не было бы. Но, увы... О! – Ее глаза загорелись, когда она взяла пару кожаных туфель. – Вот эти, кажется, удобные. И смотри, какие миленькие, – заметила она, восхищаясь рисунком вихрящихся листьев, оттиснутых по бокам. – И наверняка потом удастся продать.

Дара молча досчитал до десяти, напоминая себе, что эта женщина – максимальное приближение к целителям-Нахидам, еще оставшимся в этом мире, сам он был Афшином, а ее преследовала целая стая ифритов. И такого варианта, как потерять терпение и придать огню гору туфель вокруг нее, у него не существовало.

Вернее, такой вариант существовал, но вряд ли мог называться хорошим.

– Нари, – сказал он, напирая на ее имя. Странно было произносить его, но она некоторое время назад демонстративно перестала откликаться на «тать», «девочка» и «эй». Он воздел к небесам руки отчасти в молитве, отчасти для убедительности. – У нашего народа есть правила. Если сюда придет этот человек и застукает тебя, я ничего не смогу ему противопоставить.

– Почему? Ты что – растаешь? Превратишься в прах? – Она закатила глаза. – Какая польза быть всемогущим джинном, если тебе приходится бегать и прятаться от людей?

Кровь в его в жилах, возможно, и застыла, но Дара был уверен, что какая-то его часть кипит.

– Я тебе сто раз говорил, что я не джинн.

– Я знаю. – Нари очаровательно улыбнулась ему. – Просто я получаю исключительное удовольствие, когда злю тебя.

С учетом ее издевательской ухмылки и его бушующих эмоций, Дара был не вполне готов услышать слова «исключительное удовольствие», которые Нари произнесла издевательским голосом.

– Пожалуйста, давай уже укради что-нибудь и покончим с этим, – мрачно сказал он.

– Отлично. – Она поднялась на ноги, обутые в прежние ее сапоги. – Я думаю, эти мне подойдут. – Она подхватила свою сумку, наполненную другими ворованными вещами, и сунула ее ему в руки. – Идем. – Она повернулась к двери крохотной лавочки.

Дара вытянул руку, останавливая ее.

– Ты что – и вправду хочешь выйти так вот. Он же тебя увидит!

– Увидит, – согласилась Нари, протискиваясь мимо него. Дара в ужасе смотрел, как она аккуратно обходит груды кожаной обуви и рассыпавшихся фруктов, направляясь прямо к спорящим торговцам.

«Я не собираюсь ее спасать. Не собираюсь». Дара поспешил следом за ней.

Как он и предполагал, отход прошел не гладко. Нари, уперев одну руку в бок, вела словесную баталию с продавцом фруктов. Дара едва понимал тот человеческий язык, на котором она кричала что-то, но, судя по праведному гневу на лице продавца фруктов и неубедительным оправданиям сапожника, она встала на сторону первого. Несколько секунд – и сапожник, всплеснув руками и, видимо, прокричав проклятия в адрес обоих, спешно покинул поле боя. Дара смотрел на Нари, которая присела, чтобы помочь продавцу фруктов собрать рассыпанные плоды. Он вроде бы многословно благодарил ее, явно не догадываясь, что именно Нари сунула один из сапожных инструментов в колесо тачки. Заметив у нее кастрюлю, он принялся наполнять ее фруктами, отмахиваясь от ее притворных протестов.

– Ты самое бесчестное существо, каких я знаю, – сказал Дара, когда Нари вернулась к нему. Он был возмущен в неменьшей степени, чем испуган.

– Значит, ты скучно прожил несколько веков, настоящее число которых ты до сих пор отказываешься называть. – Нари на ходу смирив его взглядом и подмигнула на свой особый манер. – Ну, хоть одно правило ты нарушил за свою жизнь? Оставался на улице в комендантский час? Солгал матери? Переспал с неправильной женщиной?

«Я убил тысячи таких, как ты».

– Нет, – солгал Дара. – Несколько веков скуки и соблюдения правил. Все, как ты говоришь.

– Для меня это без толку прожитая жизнь.

Она могла бы ударить его. Но Дара держал рот на замке, он скрывал свое отношение к сказанному Нари, которая продолжала свой путь по рынку, незаметно уворовывая овощи и одежду, словно снимала урожай в своем собственном саду. Это был третий город людей, который они посетили после Хиераполиса, и он надеялся, что последний на много лет вперед. Запасов у них было вполне достаточно на оставшуюся дорогу до Дэвабада.

Дэвабад. Одно это название наполняло Дару скорбью. Казалось невероятным пересечь озеро и снова оказаться дома. Но потом он увидел Нари, которая аккуратно срезала кошелек у человека размерами в два раза больше Дары.

– Все, хватит, – объявил Дара, он схватил ее запястье и потащил через толпу покупателей. Людей передергивало, когда он проходил мимо, их глаза скользили над ним пустыми взглядами. Он это ненавидел. Дара уже и без того чувствовал себя призраком среди собственного народа, среди дэвов, которых он избегал со времени своего освобождения. Нахождение среди людей в их собственном мире грязи и железной крови, где он воистину превращался в невидимого призрака, было для него слишком большой нагрузкой.

Они оставили своих лошадей вдоль полосы сочной травы на берегу реки, куда Дара вызывал дымный туман, чтобы окутал их. Теперь он рассеял туман и повернулся к Нари.

– Нам нужно... ч-что ты делаешь? – заикаясь, проговорил он. – Ты почему снимаешь с себя одежду?

Нари продолжила развязывать штрипки из истрепанной материи, с помощью которых она закрепляла его запасную блузу на своей гораздо меньшей, чем его, фигуре.

– Избавляюсь от этого гигантского балахона, чтобы искупаться и не пахнуть, как задумчивый воин огня. – Она сняла его блузу, и Дара мельком увидел белые кудри, лежащие на голых плечах, но тут же выругался себе под нос и отвернулся.

– Ты утонешь, – зло сказал он, услышав, как она плещется в реке. – И тогда получится, что я тащился на другой конец света без всякого толка.

– Ой, неужели я оторвала тебя от какой-то захватывающей социальной жизни? Чем ты конкретно занимался до встречи со мной? Ходил по долинам и сердито смотрел на оленей? Бога ради, да ведь иметь тайную шафитку из рода Нахид – это самое волнующее приключение, какое случалось с тобой в жизни, Дараявахауш. – Нари с удовольствием промурлыкала его полное имя. Она, с того времени как с помощью своего умопомрачительного трюка выдавила из него это имя на руинах Хиераполиса, не упускала случая поддразнить его таким образом, возможно, для того, чтобы задевать его за живое.

Это и в самом деле раздражало его. Потому что – о создатель – Даре и в самом деле нравилось слышать свое имя из ее уст.

«Возьми себя в руки». Дара нарочито сел спиной к реке, борясь с желанием проверить, как она там. Это почти походило на желание посмотреть на нее, а он не собирался позволять этой воришке-шафитке водить его за нос и дальше. Несмотря на то ужасающее потрясение, которое он испытал, поняв, что представляет собой Нари, Дара начал испытывать симпатию к тому далекому предку Нахиду, чей путь пересекался с одним из предков из породы людей. Если они хоть отдаленно напоминали Нари, то противиться им, скорее всего, было невозможно. Он провел обеими пятернями по волосам, стараясь думать о чем-нибудь другом, кроме как о звуках всплесков, производимых ее плаванием.

– Поспеш, – потребовал он. – Нам нужно успеть пройти некоторое расстояние, прежде чем наступит ночь.

– А ты еще должен ответить на целую кучу вопросов, как ты обещал в Хиераполисе. Может быть, я останусь в реке, пока ты не начнешь рассказывать об этой предполагаемой войне, в которую ты, по словам Хайзура, ввязался.

Страх охватил Дара. Было немало тем, на которые он не хотел говорить с Нари, и первой в этом списке стояла та самая война.

«Но твоё время иссякает». Дара уже принял решение сказать ей, потому что позволить Нари предстать перед королем Кахтани, не сообщив ей о кровавой истории отношений между их семьями, было бы отвратительно.

В особенности поскольку Дара не имел ни малейшего желания быть рядом, когда это случится. У него даже не было намерений войти в ворота Дэвабада. Да и как он мог сделать это? Он не только не имел права возвращаться домой после того, как предал свой народ и своих Нахид... но и, говоря по правде, он боялся. Нари, вероятно, не знала, чем он занимался во время войны, но Дара был абсолютно уверен, что даже четырнадцать столетий спустя джинны ничего не забыли. Его запрут в одной из печально известных камер под дворцом и оставят там мучиться целую вечность. Возможно, он и заслужил такую судьбу, но чтобы добровольно стремиться к ней – нет уж, увольте. Он не настолько ненавидел себя.

Темнота за его закрытыми веками все ширилась, уходила все дальше. Дара открыл глаза, моргнул и увидел Нари перед собой, увидел очертания ее фигуры, подсвеченной заходящим солнцем. На ней была украденная одежда, на ее щеках и в волосах поблескивали капельки воды.

«Глаза Сулеймана, как она красива». При виде Нари у него перехватило дыхание, что, конечно, не могло случиться, поскольку Дара не дышал, и это его чувство длилось лишь до того момента, когда Нари с силой лягнула его по ноге.

– Ты уже перестал укорять себя за мое воровство на рынке? Если тебе приятно это слушать, то поделщик ты просто никудышный.

Хорошо бы его никудышность в качестве подельника была тем преступлением, за которое он корил себя.

– Ты самая нахальная личность, с какими мне приходилось сталкиваться, – сказал он, пытаясь говорить с ноткой возмущенной несправедливости в голосе.

Нари издевательски фыркнула, произвела этот насмешливый звук, который не имел никакого отношения к возникшему у Дары крайне непродуктивному желанию усадить ее к себе на колени. Она подпоясалась и достала из ножен кинжал – тот самый, что дал ей Дара. Солнечные лучи отражались от стального клинка.

– Ты можешь меня научить метать его?

– Зачем?

– Затем, что я хочу уметь защищать себя от стаи преследующих меня ифритов.

Дара поморщился:

– Справедливо. Однако давай для начала пройдем хоть какое-то расстояние. Мне не нравится оставаться на ночь так близко к человеческому поселению.

Они переседлали лошадей, Дара безмолвно отметил, что Нары явно запомнила то, что он ей показывал. Он подготовил к путешествию ее новые приобретения, за ручку привязал бечевой кастрюлю к седлу. Постучал по ней.

– Для чего она тебе понадобилась?

– Хочу научиться готовить, – ответила она без особого оптимизма в голосе.

– Я украла кое-какие овощи и думала вскипятить их в воде... это суп называется, да?

Дара нахмурился:

– Если ты не умеешь готовить и всегда жила одна, то что ты ела?

– То, что в руки попадало. Когда у меня хватало денег, я могла себе позволить немного жареных бобов, а время от времени немного мяса на гриле. А в остальные дни – в основном вчерашний хлеб и мятые фрукты. – Нары вспыхнула. – А когда я была маленькой... много всяких кухонных отбросов и чужие объедки.

Кухонные отбросы. Целая жизнь горячей еды домашнего приготовления промелькнула перед глазами Дары. Несмотря на войну, которая поглотила его мир, Дара рос в обстановке любви и заботы в богатом доме, наполненном родственниками, включая и его мать, которую он обожал, и дюжину тетюшек, которые восприняли бы его уход из дома голодным как личное оскорбление. На плите всегда стояла кастрюля с горячей тушенкой, свежеприготовленные пышки или сладкая выпечка, без которых его не выпускали на улицу, – привилегия, которую он оценил лишь много лет спустя.

Он посмотрел на Нари, заново вспоминая первое впечатление о ней: резкие линии ее лица и серый цвет кожи. Он и представить себе не мог, насколько одиноким и трудным было, вероятно, ее детство.

– Я приготовлю тебе поесть, – сказал Дара. – Придумаю что-нибудь. – Он никогда не пытался придумать какую-нибудь еду – у него не возникало нужды есть часто, в какой бы форме это ни происходило, – но придумать еду было, вероятно, не труднее придумывания вина, а уж это-то он умел.

Опасливое выражение появилось на ее лице.

– И чего это мне будет стоить?

«Еще нескольких дней веры в то, что худшее мое преступление – это бесполезность в качестве сообщника». Еще несколько дней для Дары, когда он сможет побыть простым солдатом с иррациональной любовью к невозможному, а не Бичом Кви-Цзы.

– Только твое общество и обещание не заколоть меня во время уроков по метанию ножа, – ответил Дара, стараясь быть как можно откровеннее. – Клянусь тебе.

– Это не значит, что я не могу прикончить тебя ножом, если тебе не удастся успешно придумать какую-нибудь еду.

Дара не смог сдержать улыбку:

– Если это сделает тебя счастливой, маленькая воришка.

Джамшид

Эти события происходят близко к концу «Латунного города», начиная с вечера, когда на Али нападают ассасины, и на протяжении следующих нескольких дней вплоть до кульминационного сражения на озере. Спойлеры к первой книге.

Уже почти десять лет прошло с того времени, когда Джамшид э-Прамук поступил на службу к Мунтадиру аль-Кахтани; за эти десять лет много случилось такого, что поставило под сомнение верность его решения оставить спокойную, скучную жизнь в Храме. Но что касается того случая, когда он шел за эмиром вечером по проклятому саду, когда нес на руках

потерявшего сознание принца, то сожаления Джамшида о принятом им тогда решении покинуть Храм никогда не были так велики.

«Баба тебя предупреждал: не связывайся с ними. Он пытался. Тебе некого винить, кроме себя самого». Джамшид пригнулся, чтобы не задеть лозу, висящую над слякотью тропинки. Из неровной коры, покрывавшей лозу, торчали шипы, похожие на косы и влажно поблескивавшие в лунном свете. Джамшид не хотел знать, что там влажно поблескивает. Единственным звуком, кроме тех, что производили капли, падающие с листьев, было затрудненное дыхание Мунтадира. Эмиру явно было нелегко нести на пару с Джамшидом тело своего брата, он пытался и тяжело дышал, обхватив руками ноги Али.

«Хорошо, – думала мелочная часть Джамшида. – Надеюсь, тебе тяжело». После того как он залезал на крышу дворца, где ждал особу королевских кровей, но не дождался, потому что ему пришлось пресекать попытку убийства, он был занят тем, что изо всех сил придерживал узду своих эмоций. Джамшиду нравилось думать, что он вел себя в соответствии с полученной подготовкой: он подчинялся приказам Ализейда и доставил принца к Бану Нахиде вовремя, чтобы спасти его жизнь. Он потом очистил место действия, а потом по секрету от всех нашел Мунтадира, понимая, что тот знает, как действовать дальше. В общем и целом, не так уж и плохо для капитана эмирской гвардии, который должен быть преданной тенью Мунтадира, который защищает следующего короля Дэвабада и улаживает последствия его поведения. Джамшиду даже хватило присутствия духа прервать Мунтадира в спальне Бану Нари, когда эмир, казалось, вот-вот слишком ясными словами скажет, во что, черт побери, втянул его брат.

Но теперь здесь не было Бану Нахиды. Только Джамшид наедине с Мунтадиром в призрачном полуночном саду, и маска профессионала, за которую он цеплялся с таким отчаянием, в конечном счете упала с его лица.

– Почему ты был у Ханзады? – спросил он.

Мунтадир выругался – он случайно сбросил одну из сандалий с ноги Али.

– Что?

– У Ханзады? – не отставал Джамшид, ненавидя ревнивую нотку в своем голосе. – Почему ты был там? Мы должны были встретиться, после того как ты закончишь наблюдение за звездами, помнишь? Почему я, по-твоему, был на крыше?

Мунтадир вздохнул.

– И ты всерьез задаешь мне эти вопросы? Сейчас? – спросил он, кивая на бесчувственное тело брата в их руках.

– Да, всерьез. Чтобы у тебя было меньше времени сочинить ложь.

Мунтадир остановился, и взгляд, которым он смерил Джамшида, был королевским взглядом. Это был тот Мунтадир, который мог соблазнить бизнес-конкурента на глазах спокойно наблюдающего за этим Джамшида и отдать приказ заточить в тюрьму писателя дэва, который непочтительно отозвался о Гассане.

– Понижь голос, – прошипел он. – А то нас поймают.

Джамшиду пришлось прикусить язык, и он сделал то, что приказал ему эмир, и помалкивал, пока они шли до покоев Ализейда. Канал в этой части сада был шире, он упирался в каменные стены, после чего поднимался реверсивным водопадом. Зрелище было необычное, и, будь у Джамшида время, он остановился бы, чтобы восхититься им. Хотя Дэвабадский дворец пугал большинство людей своим кровавым прошлым и непредсказуемым мстительным колдовством, Джамшиду это место казалось очаровательным. Он словно входил на страницы книги и видел сюжеты, оживавшие перед его глазами.

Но сейчас он делал только то, что ему было сказано. Он убедился, что покои Али пусты, что там нет никаких ассасинов, после чего они вдвоем занесли Ализейда внутрь. Младший принц пока еще не пошевелился, а, судя по запаху опия в его дыхании – Бану Нари явно серьезно относилась к вопросу снятия боли, – в сознание он должен был прийти еще не скоро.

Они осторожно положили его на кровать. Мунтадир вызвал пламя в одной руке, потом поднял рубашку на брате, чтобы проверить бинты. Джамшид молча наблюдал, как его эмир снимает сандалии с Ализейда, накрывает брата легкой простыней. Ализейд пробормотал что-то в своем сне, а Мунтадир поцеловал его в лоб.

– Ты меня когда-нибудь доконаешь, идиот.

– Да, – ровным голосом сказал Джамшид. – Некоторые твои последователи именно так и думают.

Мунтадир еще раз смерил его рассерженным взглядом, потом поднялся на ноги.

– Идем. – Они вышли из спальни Ализейда, Мунтадир плотно закрыл дверь, после чего указал Джамшиду на подушку. – Садись.

Джамшид скрежетал зубами, слыша команды эмира, но сел. Мунтадир налил две чашки воды из графина, и Джамшид отметил, что руки эмира дрожат. Он мог вести себя так, что все у него под контролем, но Джамшид умел читать его эмоции не хуже, чем Мунтадир умел их скрывать.

Мунтадир волновался.

Джамшид тоже.

– А сказать твоему отцу о том, что случилось, мы не должны? Это безумие. Ассасин потрошит твоего брата, а ты не зовешь на помощь гвардию? А что, если там есть еще убийцы. Они теперь могут прийти за тобой!

Мунтадир поставил одну из чашек перед собой.

– Ассасин был шафитом, верно? Ты уверен? – спросил он, игнорируя вопрос Джамшида.

– Уверен. – Джемшид раскрыл куртку, которую украл, чтобы скрыть залитый красной кровью мундир. – Можешь мне верить.

– И Али сказал тебе, чтобы ты избавился от этого шафита? И чтобы никто, кроме Нари, не знал о его ране?

– Да.

– Черт. – Мунтадир откинулся назад, вид у него был еще более изможденный, чем прежде.

– Ты имеешь представление, кто бы это мог быть? Похоже... Мунтадир, похоже, это что-то личное. Настоящий ассасин действовал бы быстрее и успел бы уйти. Кто бы то ни был, он хотел причинить как можно больше боли. Твоему брату повезло – он остался жив.

Мунтадир побледнел:

– Но ассасин убит? Ты в этом уверен?

«Глаз Сулеймана, я надеюсь, что так». Джемшид подавил дрожь, которая обуяла его, когда он заставил себя вспомнить подробности. Хриплый голос Ализейда и его приказ, а потом тошнотворный всплеск, когда тело ассасина упало в воду далекого озера. Был ли убийца в этот момент уже мертв?

Или же Джемшид отправил его на еще более лютую смерть?

От этого вопроса ему становилось нехорошо. Но он был солдатом, и на это он и подписывался, разве нет? На защиту королевской семьи и обязанность убивать всех, кто будет грозить ее членам?

«Но разве ты хочешь быть тем, кем ты стал? Убийцей?»

– Джемшид? – озабоченным голосом проговорил Мунтадир. Он разволновался то ли из-за Джемшида, то ли из-за неясностей, и Джемшид не был уверен, что хочет это узнать.

Он откашлялся.

– Твой брат проломил ассасину голову, перерезал ему горло линзой от телескопа, а потом приказал мне сбросить тело в озеро. – Джемшид выдержал взгляд эмира. – Ассасин мертв. Я в этом уверен. А теперь скажи мне, что происходит.

Лицо Мунтадира мгновенно окаменело.

– Это семейное дело. Ничего такого, с чем я бы не мог справиться сам.

– Вот только ты уже не справился, – сказал Джемшид, чувствуя, как в нем нарастает злость. – Моя Бану Нахида справилась. И если у нее будут неприятности...

– Не будут. Даю тебе мое слово. Ни тебе, ни Нари в связи с этим делом ничто не грозит. Если мой отец пронюхает что-то, я прикрою вас обоих.

Джамшид после этих слов почувствовал себя немного лучше, но волновался он не за одну только Нари.

– А ты? Я капитан твоей стражи. Ты от меня что-то утаиваешь, я это знаю. Ты в напряжении и витаешь в облаках, а...

– Происходят убийства гезири, в моем городе появился Афшин, которому перевалило за тысячу лет. Конечно, я в напряжении!

– Это началось еще до появления Дараявахауша, – не отставал Джамшид. – Ты повел себя странно с того самого дня, когда твой брат переехал во дворец. – Мунтадир выдохнул, отвернулся, и Джамшиду пришлось подавлять в себе желание встряхнуть его. – Ты мне можешь довериться. Если что-то происходит с Ализейдом...

– Ничего с ним не происходит.

– Мунтадир, ты знаешь, что говорят люди...

– Они ошибаются, – отрезал Мунтадир. – Я могу свою жизнь доверить Али, и все – мы с тобой закончили этот разговор.

Несколько лет назад Джамшид, услышав гнев в голосе Мунтадира, упал бы на колени и стал просить прощения. Эмир Мунтадир редко говорил в состоянии настоящей ярости. Он был добродушным и с хорошим чувством юмора. Если ты предавал его, то рисковал проснуться и узнать, что жена ушла от тебя, а с ней твое состояние и твой дом... но так или иначе ты просыпался, а вот если кто вызывал недовольство короля, то он имел мало шансов проснуться утром.

Но сейчас Джамшид не собирался падать на колени. Мунтадир не хотел говорить о неудавшейся попытке покушения? Отлично. У Джамшида были другие темы для обсуждения.

– Что ж, если ты считаешь, что по поводу Ализейда можно больше не волноваться, то мы можем вернуться к разговору, который начали в саду, – о том, что ты обещал встретиться со мной, а сам отправился к Ханзаде.

Мунтадир поднял глаза к потолку:

– Ты что – и в самом деле ищешь ссоры?

Искать ссоры... да нет, но этот джинн взбесил его по-настоящему. Джамшид поставил чашку, подавляя в себе желание швырнуть ее в голову Мунтадира.

– Ты мне солгал. Я не видел тебя три месяца, а сегодня ты бросил меня на крыше, чтобы напиться с...

– Я, как только вернулся, первым делом пришел к тебе! Боже мой, я знаю, что в какой-то мере потерял сноровку после переходов по пустыне в поисках этого Дараявахауша, который готов начинить меня стрелами из лука по самое не балуйся, но ты наверняка помнишь, как я удивил тебя своим появлением сегодня днем?

Взгляд, которым Мунтадир одарил Джамшида, растопил какую-то его часть, но и подлил масла в огонь – действие, в котором эмир всегда преуспевал. Джамшид прекрасно помнил, что случилось днем. Сделав вид, что у него срочное дело, Мунтадир потихоньку отделился от королевской процессии, чтобы удивить Джамшида в доме Прамухов. Каве отсутствовал, отделаться от слуг не составляло труда, и неожиданное потрясение – увидеть своего эмира, пусть и в таком непрезентабельном виде, в пыльной дорожной одежде и с запущенной бородой... И вот это воспоминание, этот драгоценный миг дружеской близости – Мунтадир только что изорвал в клочья.

– Значит, вот оно как теперь? – проговорил Джамшид. – Днем ты со мной, а вечером принадлежишь Ханзаде, а завтра утром какому-нибудь звездглазому дипломату... неудивительно, что ты не пришел, как обещал. Наверно, нелегко блюсти очередность со всеми нами. Тебе стоит нанять еще одного секретаря.

– Никакое жалованье на такой должности не будет достаточно высоким. – Когда Джамшид посмотрел на него, Мунтадир примирительно поднял руки. – Слушай, я приношу свои извинения. Ты прав, и я каюсь. Я не должен был оставлять тебя вот так на крыше. Меня отвлекла ссора с отцом, но это не извинение.

Умоляющее выражение в серых глазах Мунтадира разрывало сердце Джамшида, но он не хотел так легко отпускать эмира.

– А Ханзада? Ты, уезжая с Афшином, сказал мне, что у тебя с ней все кончено.

Мучительное выражение появилось на лице Мунтадира.

– Я пока не могу отделаться от нее. Джамшид, в ее салон каждый вечер приходит полдвора, они делятся тайнами с ее учениками. Я не могу отказаться от такого рода разведсведений.

– Конечно, не можешь, – сказал Джамшид пустым голосом. – Дэвабад прежде всего.

Мунтадир дернулся, но промолчал. Они оба замолчали на некоторое время, и это напряженное молчание между ними разрывало Джамшида на части. С одной стороны, ему хотелось выместить свою злость на Мунтадире, но, с другой стороны, ему хотелось, чтобы никто не вымещал злость на Мунтадире.

Принц поднялся на ноги. В его осанке чувствовалась какая-то скованность, а это означало, что он собирается сказать нечто от лица эмира, а значит, досадное.

– Дэвабад всегда будет превыше всего, – сказал он. – Такова реальность. Я не могу предложить тебе больше того, что уже дал от моего сердца, от моей преданности. Я всегда старался быть честным в этом отношении.

Это правда. Если было что-то одно, в чем Джамшид не мог упрекнуть Мунтадира, так это во лжи, он всегда был честен, честен до беспощадности. Несмотря на это, Мунтадир мог быть расточительным и легкомысленным в том, что касалось денег, вина, сердец, но к Джамшиду все же относился бережно. Несмотря на все, что Джамшид узнал о жестокости дэвабадского двора, о

том, что значит принадлежать к разгромленному, преследуемому народу в городе, в котором этот самый народ должен был властвовать... какая-то его часть до сих пор оставалась деревенским мальчиком из Зарияспы, воспитанным на легендах и героических романах.

– Мы могли бы уехать отсюда, – сказал он, и сказал не совсем в шутку. – Посмотреть мир, жить среди людей, как наши предки.

Мунтадир улыбнулся ему кривой улыбкой:

– У меня целая команда слуг, которая одевает меня. Как, по-твоему, я смогу жить без этого?

«Я тебя научу. Я готов на все лишь бы видеть, что ты свободен от своих обязанностей, что тебе не угрожают кошмарные, кровавые политические обычаи города». Но Джемшид ничего этого не сказал. Ответ он заранее знал.

Дэвабад прежде всего.

Мунтадир все еще смотрел на Джемшида с каким-то отчаянием.

– Джемшид, что касается моих обязанностей. Я должен сказать тебе кое-что, прежде чем ты узнаешь это от Каве. Моя ссора с отцом... – Мунтадир откашлялся. – Разговор шел о твоей Бану Нахиде.

– Что с ней такое?

– Он хочет, чтобы я женился на ней.

Джемшид пошатнулся, словно от удара.

– Жениться на ней? Но это же смешно, – возмущенно проговорил он, начав возражать еще до того, как его мозг толком воспринял слова эмира. – Она из рода Нахид. А ты...

– Что – я? – Мунтадир вскочил, теперь он смотрел на Джемшида с выражением удивленной обиды. – Джинн? Песочная муха?

Джемшид стал отыгрывать назад, пристыженный своим мгновенным возмущением перед перспективой брака женщины из священного рода Нахид с недэвом. Конечно, такая вероятность должна была существовать. Такой брак был бы идеальным, и со стороны Гассана – одного из немногих королей, который проводил в жизнь политику улучшения отношений с дэвами, – было абсолютно логично желать брака своего наследника с Бану Нахидой.

«Но она не их». Бану Нахид была чудом, чудом, принадлежащим дэвам. Ее появление в Дэвабаде вместе с Афшином взбудоражило их племя. Она была благодатью, обещанием более светлого будущего. И она понравилась Джемшиду. Она была умной, забавной, и, надо признать, ее повадки немного пугали его, но ему она понравилась.

Ему не хотелось, чтобы она становилась пешкой в играх Гассана.

– Ты не можешь на ней жениться, – снова сказал Джамшид, теперь еще настойчивее. – Это неправильно. Она только-только прибыла в Дэвабад. Она не заслуживает, чтобы ее тут же сжевал твой отец.

Глаза Мунтадира засверкали.

– Спасибо тебе за предположение о том, что я буду из тех мужей, которые позволяют переживать своих жен. – Он покрутил одно из колец на своих пальцах, простое золотое кольцо в память о матери. У Мунтадира были изящные руки, пальцы, не тронутые мозолями. Самым ранним проявлением доверия у них было прикосновение пальцев – так Мунтадир подавал Джамшиду знак, что он попал в затруднительное положение и ему требуется помощь.

Потом ему стала ясна гораздо более личная цель этого брака. Нары была Бану Нахида Джамшида. Если она выйдет замуж за Мунтадира...

– На нас будет поставлен крест, – сказал Джамшид, осознавая вслух смысл этого сообщения. – Все это... то, что есть между нами. Оно прекратится. Она моя Бану Нахида, я не смогу это принять.

Удивления на лице Мунтадира он не увидел, только смирение. Конечно, его эмир все это уже просчитал.

– Да, – тихо сказал он. – Я тоже пришел к такому выводу.

Джамшиду было нехорошо.

– И ты хочешь жениться на ней?

Неуверенность на лице Мунтадира говорила за него.

– Нет... Но для наших племен это может стать новым началом. Я бы чувствовал себя эгоистом, если бы не учитывал этого.

«Ну и будь эгоистом», – хотел сказать Джамшид. Прокричать. Но не смог. Мунтадир нелегко отказывался от своей маски, и в этот момент на его лице была маска отчаяния. Джамшид не сомневался, что, если бы не он, Мунтадир уже согласился бы и подписался на политический брак ради блага его королевства.

«Он всегда был настроен на политический брак». Мунтадир, может быть, разбивал свое сердце больше раз, чем мог подсчитать Джамшид, но из них двоих только у Джамшида была возможность выбора. Мунтадир никак не мог избежать своей судьбы. А Джамшид мог. Если бы Джамшид пожелал оставить свой пост или убежать назад в Зариаспу, какие бы разговоры пошли, в какое бешенство впал бы его отец, но никаких реальных последствий не наступило бы.

Мунтадир снова заговорил:

– Я надеюсь, ты знаешь, что, если бы наши отношения стали для меня непосильным грузом, я бы все равно продолжил опекать тебя. Для нас теперь и дальше... – Он с трудом подыскивал слова, и голос его звучал нервно, чего

раньше Джамшид за ним не замечал. – Я могу найти для тебя другую позицию. Что угодно и где угодно. Тебе не придется думать о деньгах или...

«Ох...» Гнев Джамшида сошел на нет.

– Нет. – Он подошел вплотную к Мунтадиру, положил руку ему на плечо. – Кто-то проник во дворец и попытался убить одного из принцев Кахтани, а Афшин поставил на уши всех дэвов в городе. Я тебя не оставляю.

– Мой защитник. – Мунтадир улыбнулся ему жалкой загнанной улыбкой. – Почему бы тебе не попробовать стать моим Афшином?

Джамшид притянул Мунтадира к себе, обнял его, и Мунтадир все-таки нервно вздохнул и расслабился.

– Знаешь, когда я был помоложе, я бы счел это сравнение ужасно лестным.

– Конечно, счел бы. – Но Джамшид услышал неуверенность в голосе Мунтадира. – Могу я тебе задать один вопрос?

– Конечно.

Мунтадир отодвинулся и посмотрел в глаза Джамшида.

– Что ты имел в виду, когда сказал, что Афшин поставил на уши всех дэвов в городе?

ДЖАМШИД ПОСМОТРЕЛ НА ДАРУ, ОТКИНУВШЕГОСЯ НА ПОДУШКИ, подготовленные для их пира, и усмехнулся, глядя на восхищенные лица очарованных дэвских аристократов вокруг него.

– Меня сбросило с коня, – со смехом сказал Афшин, после чего продолжил историю, которую рассказывал: – Я даже почти и не видел этой заразы. Вот я проверяю мой лук перед соревнованиями по стрельбе, а в следующее мгновение все мутнеет из-за прилетевшего камня и... – Он хлопнул в ладоши и печально покачал головой. – Три дня спустя я пришел в себя в лазарете Нахид. Столько лет ожидания моего первого навасатема, а большую часть праздника я провожу в кровати, пока мою голову восстанавливают по частям.

Саман Пашанур, один из старейших знакомых Каве и суровый человек, на чьем лице Джамшид никогда не видел улыбки, подался вперед с любопытством школьника на лице.

– Так на вас и в самом деле напал шеду?

Дара рассмеялся и взял свою чашу с финиковым вином. Еще месяца два назад Джамшид не знал никого, кто пил бы финиковое вино. А теперь половина его друзей клялась на этом вине.

– Не совсем, – ответил Дара. – Даже в мои дни мы уже несколько веков как не видели ни одного шеду. А ударила меня статуя – одна из тех, что стояла у стен дворца. Один Бага Нахид ставил эксперименты в надежде, что ему

удастся заколдовать их таким образом, чтобы они извергали пламя на арену. – Он печально улыбнулся. – Жаль, что вы, мои друзья, не видели Дэвабад моей юности. Он был бриллиантом, райскими кущами и библиотеками, а улицы его славились такой безопасностью, что по ним могла ночью в одиночестве прогуливаться женщина.

– Мы сделаем его таким снова, – нетерпеливым голосом сказал Саман. – Когда-нибудь. Теперь, когда творец вернул нам Бану Нахиду, нет ничего невозможного.

«Это может быть новым началом». Но Джемшид скептически относился к таким мечтам и теперь нервно шевельнулся всем телом, вспоминая слова Мунтадира. Он знал, что золотой век, о котором мечтали дэвы вокруг него, неприемлем для королей гезири.

Но при всем при том он глаз не мог отвести от Афшина. На Джемшида он оказывал такое же воздействие, как и на остальных, своей легкостью, уверенностью, с которыми он сидел, ухмылялся, хохотал. Своей нескрываемой ностальгией по дням Совета Нахид и Дэвабада до вторжения.

«Он не боится их». Таково было мнение, которым могло хвастаться множество молодых глупых дэвов в безопасности своих домов, где они произносили издевательские шутки в адрес гезири. Но Дара вел себя иначе. Этот Афшин не хвастался. Он не пытался выставить себя в лучшем свете. Он просто не боялся режима Гассана. Его не избивала Королевская гвардия за «преступление», состоящее в том, что он посмотрел в глаза солдату-джинну, или в том, что исчез его политически неблагонадежный отец. Дару не согнули так, как согнули их, его не приучали в детстве следить за языком и вовремя кланяться.

Это захватывало. Джемшид не мог ни в чем винить дэва, которые наводняли дом Прамухов после того, как здесь поселился этот Афшин. Слова Дары легко ублаживали мечтой о мире, в котором его народ был легендой.

– Никак не привязанная к дворцу, где ее обхаживали бы Кахтани, Бану Нари не... – Эти слова привлекли внимание Джемшида – говорил еще один из знакомых его отца, ученый из Королевской библиотеки. – Она все дни проводит в обществе этого кровожадного принца. Этот джинн пытается обратить ее в свою веру, украсть ее у нашей религии и культуры.

– Желаю им удачи, – холодно сказал Дара. – У Бану Нари воля, которая может сломать зульфикар. Ее ни в чем невозможно убедить. – Но на его лице ненадолго появилось выражение тревоги. – Что касается отношений между принцами... крепость союза между ними, о которой так много говорят, безусловно, преувеличена. Мунтадир и Ализейд – очевидные соперники.

– Это так, – снова заговорил ученый. На его лице застыло бесстрастное выражение... или, может быть, пьяное. – Говорят, что эмир Мунтадир уговорил короля не воспитывать его брата как воина, но тут вмешалась королева Хацет. Они ведут нас всех к катастрофе.

Джемшид сомневался, какой из вариантов более неправдоподобен: то ли Гассана кто-нибудь запугает, то ли ставшие притчей во языцех за свою секретоманию Кахтани королевских кровей расскажут миру о семейных

дразгах. Однако он не знал, следует ли ему пресекать разговоры такого рода. Если бы здесь был Каве, то он бы заткнул им рты еще несколько предательских комментариев назад. Сегодня с ними трапезничала почти дюжина гостей, и никто не говорил про режим то, что он думает, когда их слушало столько ушей.

Но его отец находился во дворце, а Джамшид устал от необходимости разрываться между своим народом и своим эмиром. А потому, когда Саман снова заговорил, снова принялся порицать джиннов, Джамшид просто вышел. Его место немедленно заняли – все хотели быть как можно ближе к знаменитому Афшину. Никто, казалось, не заметил ухода Джамшида, но он был привычен к своей незаметности.

Оказавшись во дворе, выходившем на конюшни, он вздохнул свободнее. С занятием его отцом должности великого визиря семья получила большой благоустроенный особняк рядом с дворцом и неподалеку от внешней городской стены и сада. Это не было похоже на Зариаспу и никогда не будет похоже, но свежий воздух, приходящий со стороны островной крепости, и запах цветов позволили Джамшиду на короткое время вообразить, что ему удалось вырваться из города. Он что угодно отдал бы за прогулку в седле под звездами по гористым тропкам, но дэву, конечно, не было позволено выходить за городские стены после захода солнца.

– Могу я присоединиться к вам?

Джамшид подпрыгнул от неожиданности, увидев перед собой Афшина. Земля здесь была галечная, но Даре каким-то образом удалось приблизиться к нему незаметно, его шаги были беззвучны.

– Я в качестве аудитории гораздо хуже ваших слушателей в доме, – предупредил его Джамшид.

Дара фыркнул.

– Я рад узнать, что я не единственный, кому это кажется представлением.

Джамшид вспыхнул:

– Я совсем не это имел в виду.

Но Афшин только улыбнулся:

– Вам не нужно извиняться, Прамух. Можете верить, можете – нет, но я считаю вашу честность живительной. – Он немного сместился к конюшням, щелкнул языком и вытащил из кармана горсть конфет. Судя по скорости, с которой появились их лошади, – даже старая хромая кобыла его отца – Джамшид догадался, что Дара взял себе в привычку баловать их. – Вы, современные дэвы, такие щеголи, что я начинаю нервничать. А когда я нервничаю, я слишком много говорю. Тут вас столько собралось, и мне никак не удержать язык за зубами.

Джамшид ушам своим не верил.

– Так это мы склонны к щегольству? А у кого персональный алтарь в храме – разве не у вас?!

Дара рассмеялся:

– Алтарь, построенный в более простые времена, можете мне верить. Все эти застолья с деликатесами со всех концов света, ваши шелка и драгоценности и еще бог знает что... я уж не говорю обо всех сплетнях и политиканстве. Я никогда не чувствовал себя таким тупым, провинциальным путешественником из другого века, как на этих трапезах.

Джамшид подошел к нему, стоявшему у ограды:

– Я полагаю, за четырнадцать веков многое меняется.

– Тут речь идет не об изменениях, – тихо сказал Дара. – Это абсолютно новый мир.

Печаль в голосе Дары огорошила Джамшида, но, когда он поймал взгляд Афшина, тот уже, покраснев от смущения, отрицательно качал головой.

– Вы уж меня простите. Меня, когда я выпью лишнего, начинают донимать всякие мысли, а ваше финиковое вино крепче всего, к чему я привычен.

– Неужели Дэвабад был таким, как вы говорите? – спросил Джамшид. – Не могу себе представить прогулку в одиночестве в шафитском районе. Я уж не говорю о том, чтобы так открыто отмечать наши праздники.

– Все так и было. И даже больше. Сам толком не знаю, что я ожидал увидеть в Дэвабаде, но меня вовсе не вдохновила необходимость в первый же день останавливать толпу шафитов, которые рвались в квартал дэвов.

– Похоже, это не очень на вас повлияло, – отметил Джамшид. – Вы кажетесь таким... бесстрашным.

– Если я кажусь бесстрашным, то лишь оттого, что поднаторел в умении скрывать свои страхи. Все то время, что я потратил на дорогу сюда, меня донимали мысли о том, что сделает со мной ваш король джинн – отправит меня гнить в какое-нибудь подземелье или просто казнит. И я опасаюсь за мою Бану Нахиду, – признался Дара. – Очень опасаюсь. Я боюсь за нее каждую минуту, которую она проводит в этом дворце в окружении ушлых джиннов.

– Она, кажется, очень способная. Умная и волевая – все, как вы говорили.

Вид у Дары был не очень уверенный. Джамшид наблюдал, как тот в последний раз погладил одну из лошадей.

– Я заметил, вы не любите, когда кто-нибудь плохо отзывается о Кахтани.

Такая смена темы застала его врасплох, но через мгновение он согласился:

– Да, не люблю. Не говоря уже о том, что плохо отзываться о них опасно, я считаю эмира Мунтадира близким другом.

– Мне это кажется странным – бояться близкого друга.

Джамшид откашлялся:

– Тут не все так просто.

– Конечно. – Дара посмотрел на него. – Он хороший человек?

«Да». Но Джамшид придержал язык – он увидел, как внимательно смотрит на него Дара. Он был сыном политика, он чувствовал сдвиг в разговоре, когда такой сдвиг случался.

– Вы только что вернулись из долгого путешествия с ним. Этого было недостаточно, чтобы сформировать о нем мнение?

– Да я сформировал. Он умный дипломат, он пытается поддерживать мир с врагом, восставшим из мертвых. Я хочу услышать мнение о нем от человека, который знает его получше.

«Почему он спрашивает меня об этом сейчас?» Не могли ли до него дойти слухи о том, что Гассан хочет поженить Нари и Мунтадира? При этой мысли Джамшида пробрала дрожь. Любому, кто проводил время с Афшином, было понятно, что его чувства к Бану Нахиде выходят за пределы деловых связей.

– Да, – сказал он наконец, – Мунтадир – хороший человек и очень способный эмир, а эти ипостаси не всегда в ладу друг с другом. Но у него доброе сердце и он старается быть справедливым и по отношению к своему народу, и к своему королевству.

– У Мунтадира слабость к алкоголю.

Джамшид поймал себя на том, что ошетинился, услышав имя Мунтадира.

– И это говорит человек, который только-только признался, что перебрал финикового вина.

Яркие глаза Дары заплескали.

– Да, вы, вероятно, преданный друг, если так его защищаете. Тогда позвольте, я спрошу вас еще кое о чем, Джамшид э-Прамух, и я надеюсь на ваш не менее прямолинейный, чем предыдущий, ответ. Как, по-вашему, он будет хорошим королем для своего народа? – Джамшид открыл было рот, но Дара поднял руку. – Нет, не отвечайте, как друг. Подумайте. Ответьте мне, как дэв.

«Ответьте мне, как дэв». Эти слова, произнесенные Афшином, который сражался и умер за свободу своего народа, имели немалый вес. Считал ли Джамшид, что Мунтадир будет хорошим королем? Станным образом он никогда не заставлял себя объективно подумать об этом раньше. Что думал Джамшид – не имело никакого значения. Мунтадир так или иначе становился королем, а Джамшид присягнул ему. Значение имело лишь желание Джамшида в меру своих сил помочь ему стать наилучшим из королей. А личностью Мунтадир был хорошей. Он пытался поступать правильно.

«Если это «правильно» не вызывало возражения Гассана». Джемшид подумал о Нари. Будет ли у нее голос в этом королевском браке? Будет ли ее голос вообще волновать Мунтадира. Сколько раз он просил Мунтадира спасти некоторых художников и поэтов дэвов, над которыми он шефствовал и которые имели неосторожность сказать публично что-то неправильное?

Сколько раз видел он, как Мунтадир склоняет голову и сдерживает язык, когда Каве оскорбляли в суде? Когда его соплеменники-джинны напивались и спрашивали Джемшида, неужели он и вправду огнепоклонник? Джемшид хорошо знал Мунтадира. Может быть, лучше, чем кого-либо другого. И каждый очередной год его службы у Мунтадира и их дружбы, он видел, как искра – доброта – эмира тускнеет под яростным, безжалостным давлением его отца.

– Если он станет королем... скорее раньше, чем позже, – неуверенно сказал Джемшид. – У него наилучшие намерения, но его семья... на него оказывает давление. Я думаю, его отец исполнен решимости вылепить Мунтадира по собственному образу и подобию. А с учетом взросления Ализейда, чем скорее произойдет наследование, тем лучше.

Дара наклонил голову, словно взвешивая услышанное:

– Похоже, кому-то следует убить Гассана.

Кровь отлила от лица Джемшида.

– Что? Нет. Я не это...

Дара расхохотался:

– Ой-ой, но ваше лицо! Это была шутка, мой друг! – Он хлопнул Джемшида по спине с такой силой, что чуть не сбил его с ног. – Радуйтесь, что вы не Нахид, иначе я бы уже помчался выполнять ваш приказ.

– Никакого приказа я не отдавал, – слабо возразил Джемшид, который стал задумываться, так ли уж много выпил сегодня Дара и останется ли в его голове эта чрезвычайно опасная идея. – Я только...

– Афшин? – Один из слуг Прамуха вышел из дверей, поклонился, увидев Джемшида. – Не хотел вам мешать, мои господа. Тут было приглашение для Афшина, доставленное лично... одной женщиной.

Джемшид, озадаченный тоном этого человека, пристально уставился на него, а тот протянул письмо Даре:

– Женщина?

Слуга, чьи глаза светились знанием, посмотрел на него.

– Посыльная из салона Канзады.

«О господи боже...»

– Канзада послала приглашение Афшину?

С выражением лица, означавшим «не впутывайте меня в эти дела», слуга кивнул.

– Я решил, что лучше всего будет передать его адресату.

Он поклонился еще раз и исчез.

Дара помахал листочком:

– Кто такая эта Ханзада?

Дару ошеломляли простенькие обеды с друзьями в доме Прамухов, а потому Джамшид понятия не имел, как ему описать сверкающий салон Ханзады с его неприлично богатыми клиентами, всемирно известными актерами, магией, преступниками и сексом.

– Она знаменитая певица и танцовщица из Ангиванши, – ответил наконец Джамшид. – В Дэвабад приехала недавно. У нее салон, пользующийся популярностью у городской знати.

Дара нахмурился, он никак не мог принять решения. Такое выражение странно было видеть на лице человека, который только что в шутку говорил об убийстве короля и, вероятно, мог убить всех в доме меньше чем за пять минут.

Он протянул приглашение Джамшиду:

– Не прочтете его мне?

Джамшид неохотно развернул свиток и, глядя на чрезмерно цветистые слова, старался изо всех сил прогнать недовольное выражение с лица.

– Она пишет, что для нее будет большой честью, если вы почтите ее дом своим вниманием сегодня вечером. Они дадут специальное представление.

– Представление? Сегодня?

– Сегодня. – Джамшид протянул свиток Даре. – Так вы знамениты, Афшин, – добавил он, когда Дара удивленно моргнул. – Она, вероятно, надеется, что с вами придут и несколько ваших почитателей.

Дара смотрел на него задумчивым взглядом:

– Я никогда не был в квартале Ангиванши.

– Правда? Но вы же здесь выросли.

– Нам многое не разрешалось, – смущенно сказал Дара и сунул свиток в карман. – Вы не пойдете со мной?

Джамшид не сразу понял, что имеет в виду Дара, но потом выражение надежды в зеленых глазах Афшина сменилось выражением ужаса.

– Пойдите, вы хотите принять приглашение Ханзады?

– Признаюсь – я заинтригован. Я не... – Дара, казалось, ищет слова. – Здесь столько всего, о чем я даже не знал. Я чувствую себя чужим в моем собственном городе, брожу, как лошадь в шорах.

– Не думаю, что салон Ханзады даст вам те впечатления, какие вы ищете. Самые разные слухи и убийственные политические игры – вас это волнует? Она в таких вещах прекрасно разбирается. У нее целая команда куртизанок, которые выведывают те тайны, что могут свергать с тронов династии и уничтожать состояния.

Дару это ничуть не испугало.

– Уверю вас, я не испытываю никакого интереса к куртизанкам. Но я бы хотел увидеть квартал Агниванши и послушать музыку. Узнать, как вы в Дэвабаде проводите вечера. Пожалуйста, – повторил он, глядя с нескрываемой мольбой на Джамшида. – Без вас я наверняка выставлю себя дураком.

Если Джамшиду и приходили в голову какие-то другие способы провести время хуже, чем в роли няньки при громадном (и уже подвыпившем) кровавом воине со списком претензий на длину руки, и к тому же в салоне женщины, которая ненавидела Джамшида, то их число было чрезвычайно мало. И все это усугублялось присутствием Мунтадира.

«Но, может быть, Мунтадира там и не будет». После нападения на его брата Мунтадир погрузился в депрессию и ушел в себя. Посетив двор, он уходил в свои покои или в сад гарема, а туда Джамшид не мог попасть без приглашения.

А Дара, казалось, загорелся желанием попасть в салон. Джамшид видел совсем иной портрет прославленного Афшина, чем тот, что воспевали люди. Дара прожил короткую, полную ограничений жизнь в совсем ином мире, а вернулся в мир, в котором был одиноким и сбитым с толку. Джамшид мог взять его послушать музыку, подивиться каким-нибудь новинкам и категорически не допустить, чтобы кто-нибудь заманил Афшина в одну из комнат под танцевальным залом.

– Хорошо, – проворчал Джамшид. – Но только ненадолго.

ВСЕ ПОШЛО НАПЕРЕКОСЯК И САМЫМ ОТВРАТИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ.

Джамшид спешил по коридору в сторону лазарета, мысли его метались. Ощущение было такое, будто он всю ночь гонял из одного конца города в другой. Сначала в салон Ханзады с Дарой, где он провел некоторое время этого злополучного вечера. Потом назад домой предупредить отца об очень непристойной – и очень публичной – ссоре Афшина с Мунтадиром. Потом во дворец со всей скоростью, на которую был способен его конь, когда до него дошел совершенно дикий слух, будто Дараявахауш вломился в лазарет и похитил Нари и Ализейда.

«Это невозможно». Да, ссора с Мунтадиром была отвратительна и откровенно пятнала репутации двух человек, о которых Джемшид прежде имел хорошее мнение. Но этого явно было недостаточно, чтобы убедить Дараявахауша совершить нечто столь безрассудное. Он ведь наверняка знал, как легко нарушить и без того шаткий баланс сил в городе, как знал и то, что похищение Бану Нахиды – не говоря уже о младшем сыне Гассана – обрушит королевский гнев на всех дэвов, которых теперь ждет возмездие.

Нет, это наверняка только слух. Так Джемшид говорил себе, пока не добрался до лазарета.

Коридор был битком набит солдатами. Джемшид даже представить себе не мог, что сюда может набиться столько солдат, за массой которых он никак не мог разглядеть, что там происходит. И хотя на службе у Мунтадира Джемшиду не раз приходилось быть единственным дэвом в комнате, и он приобрел богатый опыт в этом отношении, но сейчас, когда он проталкивался через толпу и чувствовал на себе полные ненависти взгляды, кровь стыла у него в жилах. Он не видел ни одного знакомого лица. Эти солдаты были подлинными выпускниками Цитадели.

«Люди Ализейда». А лазарет, в котором их принц дал последний бой, превратился в руины. Вся мебель была переломана, занавеси превращены в лохмотья. Что-то еще дымилось, а одна блестящая каменная колонна была чуть не вся залита кровью.

Джемшид замер; перед покрытой кровью колонной стоял сам Гассан. Рядом с ним стоял Мунтадир, стыдливо опустив голову, но внимание Джемшида больше привлекал Гассан. Король джиннов был одет очень просто – никогда прежде Джемшид не видел его в таких одеждах. Его белая туника сменилась домотканой шейлой, которая любого другого превратила бы в безобидного озабоченного старика.

Но шейла не состарила Гассана, он в этом грубом одеянии выглядел еще более устрашающим и всем своим видом напоминал Джемшиду, что он вовсе не какой-нибудь изнеженный городской король. Он вырос в суровых краях и первый век жизни провел на полях сражений, будучи правой рукой своего печально знаменитого отца. Может быть, он был добрее по отношению к дэвам, чем его предшественник, но при этом поддерживал мир в городе с помощью грубой силы. Больше всего Гассан ненавидел хаос. Любой намек на гражданский бунт он подавлял безжалостной рукой.

А то, что совершил сегодня Дара, далеко перешагнуло за грани намека.

Гассан, словно почувствовав взгляд Джемшида, повернулся в его сторону. Серые глаза короля – зеркальное отражение глаз Мунтадира – оглядели Джемшида с головы до ног, а ярость, бушевавшая в них, чуть не спалила его дотла.

Но потом видимый гнев спал, его сменила отстраненная королевская маска.

– Капитан Прамух. – Это прозвучало так, будто Гассан попытался растягивать звуки, но здесь было не место для всяких принятых при дворе подвохов. В каждом произнесенном голосом Гассана слогом слышался

убийственный умысел. – Гость вашего дома сегодня принял несколько очень плохих решений.

При этих словах все годы, проведенные Джамшидом рядом с Мунтадиром, все тщательное воспитание его отцом, все, что он узнал о тактике выживания при дворе, нахлынуло на него теперь. Ему, вероятно, следовало бы упасть сейчас на колени. Извиниться многословно и молить о прощении.

Но, несмотря на все случившееся сегодня, воспоминание об уверенности Дары и явно брошенном им вызове все еще жгло его. Джамшид не станет унижаться перед Гассаном.

Он просто чуть склонил голову и сказал:

– Чем я могу помочь, мой король?

Стоявший рядом с Гассаном Мунтадир стрельнул в Джамшида остерегающим взглядом.

Но король не прореагировал на дерзкую выходку Джамшида, он только еще сильнее поджал губы:

– Ты со времени приезда Афшина занимался тренировками вместе с ним?

– Да.

– Тогда оставайся сегодня ночью рядом с эмиром. Мы встретим их на озере.

– Гассан сунул в руки Мунтадира нечто, похожее на окровавленный коврик. – Если твой брат умрет сегодня из-за тебя, ты будешь наказан в этой и в следующей жизни.

Король прошел мимо них обоих, и Мунтадиру пришлось отпрянуть. Он уставился на окровавленный кусок материи, и желудок Джамшида завязался узлом, когда он узнал в руках Мунтадира шапочку, которую Ализейд носил некоторое время назад.

Джамшид откашлялся, во рту у него пересохло.

– Он...

– Мы не знаем. – Судя по виду Мунтадира, он с трудом подавлял тошноту. – Пациенты Нари впали в истерику. Похоже, Афшин взял их в заложники, но... тут столько крови, Джамшид. Если с ним что-то случится...

Джамшид ухватил запястье Мунтадира:

– Нари – она же из рода Нахид. Она могла бы вылечить его одним прикосновением.

– Это моя вина, – прошептал Мунтадир. – Не стоило мне говорить те слова у Ханзады. Я его разозлил, а он теперь похитил моего братишку. – Он поднял голову, его глаза воспалились и налились кровью от пьянства, а теперь сверкали слезами. – Ты знаешь, как умерла сестра Дараявахауша, Джамшид?

Джамшид знал, и ему нечем было погасить страхи Мунтадира. Потому что, да простит его бог, но Гассан был прав. Мунтадир поступил непростительно глупо, так грубо отзываясь о Нари перед Дараявахаушем. Он поступил жестоко. Его слова взбесили даже Джамшида, но он, по крайней мере, удовольствовался бы объяснением с Мунтадиром позднее, когда они останутся вдвоем.

Дараявахауш... Афшин был не похож на них. Он принадлежал другому времени, другому месту. Он был обаятелен и забавен, и Джамшид искренне ему симпатизировал, но даже в улыбке Дара носил маску смерти. Мунтадир в своем королевском высокомерии совершил ужасную ошибку.

И теперь все они должны были заплатить за случившееся.

Но Джамшид не сказал этого.

– Дараявахауш не дурак, Мунтадир. И он знает меня. – Невзирая на все провинности Афшина, Джамшид все же считал его порядочным человеком. Он не хотел навредить другому дэву, в особенности сыну того, кто приютил его. – Я буду рядом с тобой сегодня до конца, и я попытаюсь урезонить его.

Хотя Мунтадира трясло, он кивнул:

– Хорошо.

Джамшид подавил в себе желание утешить его. Мунтадиру требовалось сегодня вечером выглядеть сильным – в особенности перед выпускниками Цитадели, которые всю вину возложат на него, если их любимый принц умрет.

И потому Джамшид просто поклонился – поклонился ниже, чем Гассану.

– Идем, мой эмир. Нам нужно успеть на первую уходящую лодку.

И ДЖАМШИД СДЕРЖАЛ ОБЕЩАНИЕ. Он не отходил от Мунтадира.

Но он сильно ошибался в том, что касалось нежелания Дары навредить ему.

Али

Эти события мне не удалось вместить в «Медное королевство», и потому я решила не включать их в ту книгу, а придать им несколько сатирический вид в старом фольклорном жанре. События происходят год или два спустя после «Латунного города». Спойлер к первой книге.

Джинны пустынь Ам-Гезиры говорят, что нет зрелища прекраснее, чем сверкающие воды. Огонь может гореть в их крови, но жизнь дает вода, вода драгоценна и редка в руинах заброшенных человеческих королевств, в которых они обустроили свои дома. Человеку могут быть прощены все его преступления, если он найдет колодец, женщина может быть избрана вождем за изобретение нового способа хранения воды.

Поэтому можно было вообразить, что вид могучего Тростникового моря вызовет у джинна слезы. В особенности в такую ночь, когда густой пучок звезд разлегся на бархатном небе жемчужной подвязкой, отраженной в подрагивающей внизу поверхности воды цвета слоновой кости. Яркая луна сияла, как новая серебряная монетка, ее свет пятнами ложился на море. На большом расстоянии от берега волн не было, море здесь слегка распухало: оно поднималось и опадало, как дышащее животное.

Такое сравнение не успокаивало Ализейда аль-Кахтани.

Он погружал весло в воду, продвигая свою маленькую лодку все дальше и дальше. «Совершенно дурацкие поиски, Али, – сказал ему его друг Любайд. – Ты с твоим дурацким героизмом кончишь в пасти акулы».

Али нахмурился. Едят ли акулы джинов? Вдруг ему пришло в голову, что этот вопрос нужно было задавать прежде, чем отправляться в одиночестве в такое опасное путешествие. Но семья похищенной девицы была в отчаянии, ее родители рыдали, а когда речь зашла о необходимости оказать людям помощь... что ж, Али был из тех, кто сначала действовал, а потом думал.

Впереди вода, казалось, обрела странное свечение, словно глубина там была меньше, что свидетельствовало о золотой отмели внизу. Али грёб, пока не оказался над этим местом. Он отложил весла, взял якорь и бросил в воду. Веревка якоря разматывалась, а он оглядывал спокойное море. Земли ни с одной стороны не было видно, но Али знал, что находится далеко-далеко от него на северо-западе.

Египет.

«Интересно, как там оно все». Ему в голову пришла дурацкая мысль: хорошо было бы посетить старый дом Нари, побродить следом за ней по улицам Каира, посетить великие мечети и попробовать липкие жареные конфеты, о которых она со смехом рассказывала.

Веревка дернулась в его руках, когда якорь упал на дно, и вывела Али из его задумчивого состояния. Какой смысл в таких фантазиях, если он никогда не покинет Ам-Гезиру, а Нари никогда не покинет Дэвабад, в особенности теперь? В прошлом месяце до него дошло известие, что эмир Мунтадир и Бану Нахида поженились и брачная церемония была очень впечатляющей. Предполагалось, что этот брак станет новым рассветом для мира джинов, что враждующие королевские семьи наконец будут соединены политическим союзом, за который тайно выступал и сам Али. За союз, ради поддержки которого он предал друга.

«Хватит». Али прогнал мысли о Дэвабаде и, сняв свою мантию, остался в безрукавной блузе и изаре. Зульфикар Али был привязан к его спине, он проверил крепеж, удерживающий ханджар у него на поясе, проверил еще один нож – маленький кинжал у него на щиколотке. Убедившись, что его оружие на месте и в готовности, он переместился к небольшому глиняному сосуду, который получил в придачу к лодке. Он отвинтил крышку, поморщил нос, ощутив запах дегтя и какого-то едкого растения; в сосуде было магическое снадобье – сабейский джинн клялся и божился, что оно поможет ему увидеть морскую тропу. Али нанес снадобье себе на веки, на кожу под глазами и подошел к краю лодки.

Он нырнул, и вода приняла его; она оказалась теплее, чем он ожидал, она звала его, приглашала погрузиться глубже. Али плыл быстрее любого джинна – эти существа бездымного пламени обычно избегали вод глубиной выше колена, – что было заложено в нем от рождения. Благодать и проклятие, следствие владения озером маридами.

Внезапно вода исчезла, и теперь Али уже брел по абсолютно сухому песку. Впереди перед ним лежала узкая тропинка, а вода поднялась и теперь висела над дном, словно удерживаемая невидимым стеклом. Он видел в воде черные тени плавающих рыб на фоне высвеченной луной воды. Огромный шипохвостый скат проплыл над его головой, его тело в голубых пятнах трепетало в воде, как подол женского халата, и Али широко раскрыл рот, пораженный этим невероятным зрелищем.

Все было прекрасно. Волшебно. А значит, почти наверняка смертельно. Якорь лежал на дне рядом с ним, держа на месте его лодку. Тропинка в песке тянулась вплоть до крутой скалистой стены, покрытой слоем ярких кораллов и колеблющихся в воде растений. У основания скалы, почти невидимые за зубчатым всплеском красных водорослей, сверкали удивительной белизной двери.

Али направился к ним, песок хрустел под его босыми ногами. Неудивительно, что двери так сверкали – они были изготовлены из массивной перламутровой створки. Эффект белизны усиливался еще и тем, что двери были разделены зубчатой линией, напоминающей рот морского моллюска.

Али, глубоко вздохнув, достал свой зульфикар и осторожно открыл двери. Они поддались, прошептав что-то, и за ними открылся коридор. Али вошел внутрь.

Двери за ним резко закрылись.

Али подпрыгнул, его пальцы крепче ухватили рукоять меча, но за этим ничего не последовало. Сердце его бешено колотилось, темнота здесь была очень густая, она словно давила на него тяжелым грузом.

Он подавил в себе страх и заставил зульфикар светиться. Клинок подчинился, взорвался пламенем. Огненные щупальца заплясали вокруг медного лезвия, проливая свет на стены, прорубленные в песчанике, и грязный мощеный пол.

И на сверкающие стальные мечи нескольких дюжин воинов.

Али мгновенно принял боевую стойку. Но нужды в этом не было – воины даже не шелохнулись. Это были статуи, понял он, потрясенно разглядывая их безмятежные лица. Одни, казалось, были высечены из камня, другие слеплены из обломков раковин и кораллов. Жутковатым представлялось лишь то, что независимо от материала, из которого их изваяли, у всех были совершенно одинаковые стальные мечи. В остальном они выглядели примечательно разнообразно: на ком-то были румийские тоги, на ком-то набатейские пледы, на ком-то сабейские туники, египетские плиссированные юбки и другие одеяния, незнакомые Али. Статуи, которые, может быть, доставлялись сюда из разных цивилизаций в течение той тысячи лет, что прошла с тех пор, как люди стали называть эту землю своим домом.

Он подошел поближе, стал разглядывать статую в тобе, высеченной из камня. В ее потрепанный ремень была вставлена зубочистка, крохотная каменная деталь, идеальная копия.

Почти чрезмерно идеальная. Али пробирала дрожь, когда он изучал морщины на лице статуи и то, что, вероятно, было послеоспенным рубцом. Трепет охватил Али, его воображение металось.

«Найди девушку, – сказал он себе, – и выбирайся отсюда».

Он пошел дальше, держа в одной руке зульфикар, в другой – ханджар, единственными звуками здесь были хлопки пламени и его частое дыхание. Огненный свет зульфикара мигал на близких стенах, освещал замысловатые барельефы, изображающие таинственные фигуры и странных животных. Знаки, похожие на буквы, были абсолютно нечитаемые и представляли собой паутину линии и идеально ровные круги.

«Похоже, это творение рук человеческих». Али приблизил к стене свой зульфикар. В Бир-Набате множество скал и надгробий из песчаника были исписаны подобным же образом: давно умершие короли и охотники, остановленные в движении, забытые божества и молитвы на забытых языках. Но эти рисунки склонялись к устрашающему: гигантские морские змеи, пожирающие убегающих людей, рычащие быки с львиными головами среди груд костей.

Его манил конец коридора, светящийся вдалеке, еще один ряд перламутровых дверей. Али шагнул в дверь, хотя никак не мог справиться с ощущением, что его за ней ждет ловушка.

Как только он перешагнул через порог, в помещении, куда он вошел, зажглись десятки подвешенных плафонов, осветив громадную пещеру, размеры которой больше чем в два раза превосходили размеры тронного зала его отца.

И все это пространство было заполнено сокровищами.

Горы золотых монет, стеклянные бусины, груды заменяющих деньги раковин каури вокруг сундуков с драгоценностями, отливающими всеми цветами радуги: изумрудами, рубинами, сапфирами размером с кулак и больше. Нити жемчуга такой длины, что хватит опутать человека, животные, вырезанные из черного дерева и слоновой кости, латунные чаши с благовониями: ладаном,

амброй и мускусом. Рулоны парчи, шелка и драгоценной камчатой ткани. Даже на стенах висели золотые панели, украшенные цветочным рисунком из нефрита и кораллов. Ничто из этого не было систематизировано, напротив – на земле среди ломаной мебели валялись расколотые вазы и ожерелья стоимостью в иное королевство. Несколько мраморных колонн обрушились, и расколотое каменное лицо бородатого человека лежало на полу, покрытое пылью. Словно какой-то гневливый и мстительный дух решил уничтожить останки человеческой цивилизации, которая когда-то называла это место своим домом, утащил их в море, наполнил похищенными сокровищами его перебитого народа.

Что, откровенно говоря... казалось возможным с учетом волшебного мира. Али не мог оторвать глаз от богатства вокруг него. Одна горсть этих драгоценностей может изменить жизни обитателей деревни, отважно приютившей его; несколько горстей могут дать кое-что и побольше. Безопасность. Надежность. Солдат. Способ бросить вызов тому мрачному будущему, которое уготовил для него отец.

«Способ облегчить ему решение – просто предать тебя казни». Али пошел дальше, не прикасаясь к драгоценностям.

Впереди был фруктовый сад увешанных драгоценностями деревьев и растущие из мраморного пола, упирающиеся в потолок стволы, оплетенные латунными лентами со вставками золотистых топазов. Их ветви гнулись к полу под весом фруктов и цветов в стекле, драгоценных камней. Птицы из золота, сидящие между ярко-зелеными листьями, замерли, насиживая кварцевые яйца, у них в резных клювах застыли коралловые червячки. В основании каждого дерева серебряный цоколь. Али подошел поближе и замер. На каждом цоколе – а их тут были десятки – лежало нечто, окутанное в погребальные одежды.

Тело. Некоторые саваны начали подгнивать, и под ними виднелись ржавые браслеты на запястных костях и потускневшие украшения на косах черных волос. А на одном из цоколей ближе к дальней стене лежало единственное тело без савана, дымчатый блеск ее коричневой кожи неопровержимо свидетельствовал о ее принадлежности к племени джиннов.

Али бросился к ней, облегченно вздохнул, когда увидел, что ее грудь все еще поднимается и опускается. Она определенно выглядела, как могла выглядеть дочь богатого губернатора гезири, который и обратился к нему за помощью. На ее шее сверкал тяжелый золотой воротник, медальоны из голубого лазурита с флористическими рисунками, янтарного цвета горный хрусталь и яркие рубины лежали во впадинке ее горла. Расшитое пурпурное платье с узором иката на ней было расстегнуто и обнажало розовый шелк нижнего белья, прилипшего к ее коже. Он отметил подкрашенные охрой губы и стилизованное изображение птицы – с распростертыми крыльями – на ее изящном лбу. Ее непокрытые длинные черные волосы в верхней своей части были сплетены в сложные косички вокруг золотых дисков, висевших в ее ушах.

– Абла, – тихонько позвал Али. – Это ты?

Ответа не последовало. Но Али был готов поклясться, что ее губы слегка шевельнулись, втянулись чуть-чуть.

– Абла? – Он потряс ее за плечо. – Ты жи...

Открылись веки, вспорхнули ресницы, и он увидел ее красивые серые глаза. Она лениво вытянула руку над головой, отчего платье раскрылось еще шире, и улыбнулась.

– Предполагается, что ты должен меня поцеловать.

Если бы она вскочила с цоколя и превратилась в одного из каменных солдат, стоявших в коридоре, Али удивился бы меньше.

– Что предполагается?

Она поднялась и села, ее длинные локоны упали ей на плечи полуночным водопадом.

– Что ты должен меня поцеловать, – продолжила поддразнивать его девушка. – Ты что – не читал этой истории.

Его щеки зарделись.

– Не читал... Я говорю, есть правила, которые запрещают такие вещи.

Она наклонила голову, словно изучая его.

– Ты откуда? Если бы я не знала, я бы сказала, что у тебя дэвабадский акцент, но это... – Ее глаза вдруг широко распахнулись. – Бог ты мой, так ты, значит, он и вправду? Ты...

– Ш-ш-ш. – Он поднес палец ко рту. – Давай познакомимся, когда вокруг не будет разлагающихся тел. Где то существо, которое тебя похитило?

Албу пробрала дрожь.

– Не знаю. Оно схватило меня, когда я собирала раковины, а теперь возвращается раз в день по утрам, кажется. Заставляет меня выпить какой-то отвратительный чай, отчего я засыпаю.

– По утрам? – повторил Али, и сердце его упало, когда он вспомнил линию горящего восхода на небе, которую видел перед тем как нырнуть. Когда он кивнула, он взял ее за руку. – Идем. У нас мало времени.

Она заглянула ему за спину:

– А где твои остальные люди?

– Я один.

– Только ты? – Выражение неуверенности поселилось на ее лице. – Прости, пожалуйста... сколько, ты сказал, до рассвета?

В этот момент все подземелье встряхнуло с безумной силой.

– Немного, – прогремел голос, похожий на трение скал друг о друга. – Чуть-чуть.

Али развернулся, и волна нечистого тепла накрыла его. Их поймали.

Существо, которое незаметно приблизилось к ним, казалось слишком большим и неприспособленным для незаметных действий. Размерами оно в два раза превышало слона, у него были бычьи тело и рога, измученное багровое женское лицо, крылья, как у летучей мыши, и змеиный хвост в полоску, который терялся в глубинах сада драгоценностей. Его передние ноги кончались не копытами, а когтистыми лапами, и, встав на дыбы на мощные задние ноги, оно подняло огромный трезубец.

Али смотрел, удивленно разинув рот.

– Так это оно тебя похитило?

Запахи железной крови, разложения, пыли и абсолютная невероятность происходящего снова заставили его удивленно открыть рот. Кем бы ни было это чудовище, оно казалось таким же чуждым морю, как и два огнекровных джинна, стоящих перед ним. Демон земли, ошарашенно понял он. Говорилось, что такие существа, принадлежащие эпохе легенд, встречаются исключительно редко.

Существо усмехнулось, его нечистые клыки торчали из багряного рта.

– Герои всегда приходят, – издевательски ухмыльнулось существо. Оно оглядывало Али сверкающими глазами. – Прекрасное дополнение к моим каменным воинам, еще один Билкисов раб, созданный мной.

Абла закатила глаза.

– Я все пытаюсь объяснить ему, что мы не принадлежим Билкису. – Она обратилась к существу: – Джинны свободны! Сулейман мертв вот уже несколько тысяч лет!

– Ложь! – прорычало существо. – Джинны всегда врут. Кто подговорил сражаться маридов, детей преданной проклятию Тиамат, кто, если не Сулейман?

Али моргнул, он был совершенно сбит с толку, но Абла отмахнулась от чудовища.

– Он целыми днями несет всякую чушь про маридов и Тиамат. Впрочем, это не имеет никакого значения. – Она уперла руку в бок и дерзко вскинула подбородок. – Ты не сражался ни с одним настоящим воином, животное... перед тобой теперь гроза Афшинов, Ализейд аль-Кахтани.

Существо перебросило трезубец из одной руки в другую.

– Я не знаю никаких Афшинов, и я этой грозы ничуть не боюсь. Я Шардуназату, Тот-Кто-Усмиряет. – Он приблизился еще, грозно возвышаясь над ними. – Десять тысяч лет я правил в этой земле, я превращал в прах города людей и одним хлопком ладоней строил горы, пока эта коварная

Тиамат не заточила меня! Но она пожалеет, когда увидит мою армию каменных воинов, да, пожалеет! – Его гигантские глаза впились в Али, они напоминали кипящие грязевые ямы. – И поведешь их ты!

Из коридора донесся отчетливый звук марширующих ног, звук камня, трущегося о камень. Армия демона земли... Но это определенно не могло означать...

Шардуназату бросился вперед.

Оттолкнув в сторону Аблу, Али отразил первый удар трезубца с помощью своего зульфикара, за скрежетом металла последовала вспышка искр. Существо подалось назад, и Али пошел в атаку в расчете вонзить зульфикар в незащищенное брюхо.

Но острие его меча словно ударилось в металлический блок. Удар был силен и отдался дрожью в его руках. Он не утратил спокойствия – и хватки – и отпустил на свободу магию: языки пламени прошли по груди демона.

Шардуназату рассмеялся и широко открыл свой страшный рот, откуда полился поток грязи, погасивший пламя зульфикара с такой же легкостью, с какой Али мог бы задуть пламя свечи. Воздух наполнился запахом гнили, густым и отвратительным.

Существо ухмылялось, глядя на Али сверху вниз.

– Не все земные существа так же слабы, как люди, малютка джинн. И магия огненной крови слаба под толщей воды.

Али и глазом не успел моргнуть, как змеиный хвост чудовища превратился в некое подобие живой необожженной глины. Он ударил по щиколоткам Али, сбил его с ног, а когтистая лапа выхватила зульфикар из его руки.

Али попытался вскочить, но хвост обвил его ноги, а кипящая грязь пузырилась вокруг его тела, тяжелая, удушающая. Она полностью обездвижила его, обхватила руки, подползла к шее. Его пальцы онемели, а потом это ужасное чувство переползло в его запястья.

Шардуназату обращал его в камень.

Он слышал, как Абла выкрикивает его имя. Задыхаясь от жуткого запаха и отчаянно пытаясь освободиться, Али попытался вызвать свою магию, но не успело вспыхнуть пламя, как его тут же загасила грязная жижа. Волна дегтеподобной желчи хлынула ему в лицо, и он задохнулся, а вонючее вещество проникало в него сквозь сомкнутые губы.

Он снова вызвал свой огонь, но тот только спек грязь, облепившую его конечности.

«Магия огненной крови слаба под толщей воды».

Действуя инстинктивно, Али еще раз обратился к своей магии. Но теперь он не пытался вызвать пламя или удушающее облако дыма. Нет, он обратился к отдаленно холодной данности, которая безмолвно плавала в его мозгу с того

момента, как его взяли марида. К той его части, которая возрадовалась, когда он нырнул в море, которая щекотала его нервы, когда он проходил мимо какой-нибудь спрятанной пружины.

Все замерло. А потом бешеная дрожь сотрясла тело Али, ледяная вода потекла с его кожи. За считанные секунды камень растворился, серая грязь опала с его конечностей. Его глаза открылись, его взгляд превратился чуть ли не в прищур хищника.

Перед ним возник Шардуназату, оскорбительная сущность живой грязи и расплавленного камня, которым не было места в море Али. Но у демона земли имелось и кое-что еще. У Шардуназату была еще влага: железная кровь в его жилах, жидкость, смазывающая его суставы, тихое бульканье растворов и эмульсии в его спинном и головном мозге. Влажные мышцы, которые двигали его ртом, превращая его в сбитую с толку щель.

Али ухватил его хвост и принялся мысленным взглядом вымещать из него жидкость. Серебряная кровь хлынула из кожи демона, потекла мимо пальцев Али. Шардуназату завизжал и принялся размахивать хвостом вместе с вцепившимся в него Али.

Али сильно ударился о стену, отчего рассыпалась гора монет. Но он почти не ощутил боли. Он легко, с неестественным изяществом поднялся на ноги, мир все еще оставался серым. В его жилах пульсировало волшебство более мощное, чем все, что он знал прежде, древняя ярость овладевала им. Как осмелилось это грязное чудовище бросить ему вызов в его собственных водах? Волна прибила к руке Али его зульфикар, и он бросился на врага.

Шардуназату ударил своим трезубцем. Но Али стал теперь сильнее, в его мозгах, в его крови билось море за стенами этой пещеры. Ухватив трезубец вилками своего зульфикара, он выбил оружие из рук демона, и оно полетело прочь по полу. Он вильнул, уходя от когтей Шардуназату, которые могли превратить его в кровавые куски мяса, а потом метнул свой зульфикар, целясь между слякотных глаз гиганта. Чудище вскрикнуло, ухватилось за лицо.

– Ализейд!

Услышав свое имя, он почувствовал, как маридаское наследие исчезает из его головы. Он споткнулся. Абла метнулась к нему, ухватила его запястье и оттащила назад.

Шардуназату издал рев, подобный голосу землетрясения.

– Обман! – визжал он, прижав ладони к своим уничтоженным глазам. – Маридаский лжец, я отправлю тебя назад к Тиамат на волнах крови!

Али почти не вникал в бессмысленные обвинения, он был занят тем, что уворачивался от демонова хвоста, хлеставшего по полу. Они с Аблой были уже почти у самой перламутровой двери. Но на бегу он не мог отказать себе в удовольствии бросить прощальный взгляд на сокровища. Кто бы ни были те, кто сотворил эту палату, работу они проделали невероятную. Все это действительно походило на нечто из истории, рассказа, повторяемого в

кофейнях и среди женщин двора. Давно исчезнувший мир. Дворец золота, храм драгоценностей.

Латунный город.

Двери распахнулись. Появилась каменная армия Шардуназату.

Если бы они не были поработенными и преображенными телами давно умерших воинов, то Али удивился бы при виде статуй, поспешивших окружить его и Аблу, двигались они так же уверенно, как живые, их массивные палаши сверкали благодаря горевшим свечам. Но в этот момент любопытство Али имело свои ограничения.

– Беги! – прокричал он.

Воин в румийских одеяниях бросился было на него, но Али ткнул его трезубцем в грудь, и тот разлетелся на ракушечные фрагменты. Но за то время, что Али наносил удар, к ним подбежали еще трое. Али нырнул, отчего две статуи врезались друг в друга, а он в это же время перекатился через голову, ударил трезубцем по коленям третьего и встал на ноги.

Шардуназату продолжал завывать, пытаясь на ощупь найти джиннов. Из фруктового сада появились новые каменные воины. Потом одним резким движением стали вставать с цоколей мертвые девушки, саваны спадали с их обнаженных черепов. Уничтоженные им статуи собирались заново из осколков, грязь склеивала каменные фрагменты не хуже цемента.

Сожаление Али исчезло. Пусть море заберет себе это место. Он догнал Аблу, схватил за руку, и вместе они выбежали в коридор, а статуи преследовали их, были уже совсем рядом.

Но перламутровая дверь, которая захлопнулась за ним, когда он входил, оставалась по-прежнему закрытой. Али попробовал взять ее с налета – налег плечом, ударил зульфикаром, ударил трезубцем, но дверь не поддавалась. За дверями он чувствовал над заколдованной тропинкой груз воды, жаждущей получить свободу.

Воины находились от них на расстоянии нескольких мгновений. И Али подался назад в маленькую нишу и затащил за собой и Аблу.

Увидев ее испуганные глаза, он сказал:

– Когда я скажу, набери побольше воздуха и задержи дыхание.

Он закрепил у себя на спине трезубец – это оружие странным образом пришлось ему по душе, – потом прижал к себе Аблу, прижал так крепко, что она охнула.

Али закрыл глаза, груз океана давил ему на плечи, и часть его сердца жаждала океанских объятий. А потом слово – на языке, которого он не знал, – сорвалось с его языка.

– Приди.

Морское дно вздрогнуло.

Вода проникла внутрь через перламутровые двери, снеся их, словно бумажные. Словно океан был живым существом, созданием, которого давно раздражало это сухое человеческое убежище, которое горело желанием изгнать эту чуждую выскочку и вернуть себе свое исконное добро.

За считанные секунды вода поднялась им по шеи.

– Абла, вдох и не дышать.

Али тоже сделал глубокий вдох, и вода сомкнулась над его головой, но он давно знал – с тех пор, как ассасин сбросил его в заброшенный колодец в пустыне, – что его такие вещи не должны беспокоить.

Утонуть Али не мог.

Продолжая держать Аблу, он дождался, когда напор воды уменьшится, выскользнул из ниши и изо всех сил заработал ногами.

Минуту спустя они всплыли на поверхность. Абла билась в его руках, она выплевывала воду, хватала ртом воздух. Вид у нее был ужасный: дурно пахнущая кровь Шардуназату слепила ее растрепанные волосы, ее косметика плыла по лицу ручьями, а одна из сережек пропала. Ее руки были покрыты царапинами, а ее превосходное платье исчезло.

– Ты цела? – выдохнул он.

Абла взвыла:

– Нет. Нас чуть не прикончила банда статуй!

Али поплыл с Аблой к лодке, помог ей забраться внутрь.

– Но руины были очаровательны, правда? Никогда не видел ничего подобного. Мне даже и в голову не приходило, что такие существа, как Шардуназату, еще существуют. Ты только представь, сколько всего он видел за свою жизнь.

Абла посмотрела на него испуганным взглядом:

– Ты, похоже, хочешь вернуться и поговорить по душам с этим ублюдком.

Али залез в лодку. У него как-то странно кружилась голова, побочный эффект от его недавнего прикосновения к смерти, и он подозревал, что это не самая здоровая реакция.

Он погрузил весла в воду:

– Не знаю... может быть, интересно узнать, что еще обитает под поверхностью.

В ЧЕСТЬ АЛИ И ЕГО СПУТНИКОВ ИЗ БИР-НАБАТА родня Аблы устроила пиршество на целый день и до глубокого вечера, сопровождаемое изобильными волшебными фейерверками и безумным барабанным боем, который, подумал Али, будет отпугивать еще минимум три поколения здешних представителей рода человеческого от посещения этого места. Городок джиннов Саба был самым крупным в Ам-Гезире, его построили на руинах еще более древнего человеческого города. Первый порт захода для торговцев из Та-Нтри, Саба был еще и богатым, выставленным напоказ, облаченным в роскошные одеяния и драгоценные украшения в виде его обитателей, а еще он славился отличной едой, предлагаемой гостям.

Али, не сдерживая себя, набросился на еду, он много лет не видел таких пиршеств, и ни он, ни его спутники не демонстрировали хороших манер, поглощая пищу, и ни мгновения, казалось, не проходило, чтобы кто-то из хозяев не предлагал ему какой-нибудь новый деликатес. Он тяжело сидел на пышных подушках. На его плечах покоилась безумно дорогая мантия – одна из нескольких почетных мантий, которые ему вручили. Та, что на нем, была из хлопка и шелка, разрисована ярко-синими и оранжевыми алмазами.

Он увидел приближающегося к нему отца Аблы – губернатора города.

Его лицо было влажно от слез, он, не переставая, рыдал с той минуты, когда Али вернул ему дочь. Али сделал попытку подняться, преодолевая груз в своем животе – медовое печенье, тушенка, приправленная пажитником, жареный ягненок и приготовленная на живом огне рыба.

Отец Аблы движением руки остановил его.

– Сидите, сын мой, сидите. – Новые слезы засверкали в его глазах. – За то сокровище, что вы мне вернули, я должен вечно стоять перед вами, о, принц Дэвабада!

Любайд, сидевший на подушке рядом с Али, заснул и испускал сытый храп. Любайд, его ближайший друг в Ам-Гезире, казалось, был исполнен решимости наесться до смерти, пока они на юге. Справа от Али сидела Акиса, самый свирепый боец в Бир-Набате, сна у нее не было ни в одном глазу, к тому же она все время была настороже. Большую часть их похода она во всех стреляла подозрительными взглядами, стоило кому-то слишком долго вглядываться в них, как ее пальцы хватали рукоять ханджара.

Губернатор прикоснулся к груди с левой стороны и опустился перед ним на колени.

– Поскольку вы, принц Ализейд, вернули мне мое сокровище, я хочу сделать вам равный подарок.

Али качнуло, он чуть не уронил свою чашу.

– М-м-м, – выдавил он, пытаясь усидеть на месте и не перевернуться. Он прищурился, стараясь не дать векам закрыться. Губернатор утроился в количестве... нет, ничего он, конечно, не утроился. Это было смешно. Но к нему подошла Абла в ярко-малиновом с золотом платье и с мрачного вида мужчиной в гутре, закрепленной на голове так, как носят эти шапки клирики.

Губернатор продолжал:

– Моя Абла рассказала мне о вашей храбрости. Она признается в любви к вам, и я благословляю ее. – Он взял Али за руки. – Я хочу, чтобы вы женились на ней. Я отдаю вам мою дочь и мои земли, Ализейд аль-Кахтани. Возьмите этот порт, возьмите его богатства, его престиж, его влияние, и это будет лишь самым малым возмещением того, что вы сделали для меня.

Али, которого таким насильственным способом вернули в реальность, моргнул. Глаза губернатора сверкали счастливыми слезами. Абла улыбалась ему голодной улыбкой, а клирик, судя по всему, воспринимал происходящее без особого восторга.

– П-постойте, – запинаясь, проговорил Али. – Что тут происходит?

– Вы женитесь на моей дочери, Ализейд аль-Кахтани, – убедительно проговорил губернатор, продолжая сжимать руки. – Саба для вас наилучшее место. Вы здесь найдете поддержку. У нас здесь есть форты, восходящие еще к Билкису, и это идеальные фортификационные сооружения. А если возникнет необходимость, то Тростниковое море до безопасного Та-Нтри можно пересечь за считанные дни.

Али выпрямился, вероятность предательства заставила его забыть об усталости.

– Это невозможно, губернатор. Ваше предложение замечательно, – поспешил добавить он, видя, как рушится радостное выражение на лице Аблы. – Но я не могу его принять.

Губернатор выпрямился, напустил на лицо оскорбленное выражение:

– Может быть, вас чем-то не устраивает моя Абла? Мой дом?

– Нет, конечно, не в этом дело. – Мысли Али метались. – Мне... Меня...

– ...в Бир-Набате ждет женщина. – Это сказал Любайд, его друг, который проснулся, почувствовав нарастающую в Али панику. Он похлопал Али по спине. – Шейх перед вами хочет дождаться до первой четверти столетия, чтобы все было, как полагается.

– Ах... Но ведь это уже скоро, да? – гнул свое губернатор. – Пошлите за ней. Мужчина вашего положения должен иметь более чем одну жену.

И снова Любайд пришел к нему на спасение.

– Ну, вы же знаете, какими капризными бывают женщины... – Он усмехнулся, переведя взгляд на Акису, которая ответила ему взглядом, полным раздражения. – Его невеста из ревнивых. Она не согласится делить его с какой-то другой женщиной.

Губернатор посмотрел на Али:

– Это правда?

«Да простит меня господь».

– Да, – солгал Али, ненавидя себя за ложь, но не желая еще больше оскорблять отца Аблы. Он посмотрел на девушку. – Простите меня, моя госпожа. Для меня это предложение большая честь. Но я уверен, что вы найдете другого человека, который будет гораздо достойнее меня.

У губернатора был подавленный вид.

– Я должен как-то отблагодарить вас. Вы спасли жизнь моей дочери.

Али, помолчав немного, сказал:

– Уж поскольку вы сами сказали об этом... Позвольте мне посмотреть на ваш сад.

АЛИ ПЕРЕШАГНУЛ ЧЕРЕЗ УЗКИЙ РУЧЕЙ, потом опустился на колени, чтобы посмотреть, как его выложенные камнем повороты соединяются один с другим. Вода, чистая и прохладная, неслась по руслу в сторону абрикосового сада Сабы. Он поднялся на ноги, сделал пометку в своем свитке и глубоко вдохнул вечерний воздух, несший в себе острые запахи земли и растительности. Его ноги глубоко погружались в почву, когда он направился в сторону полей, засеянных мускусной дыней, неровный подол его изары тащился по земле.

– Что случилось с твоей замечательной мантией? – спросил Любайд, срывая абрикос с ветки дерева.

– Я ее упаковал и убрал, – рассеянно ответил Али. – Если она будет чистая, мы вырчим за нее больше, когда еще углубимся на север.

– Ты собираешься ее продать?

– У меня нет нужды в такой одежде, а в Бир-Набате нам понадобятся деньги. Урожайность у нас растет, но на продажу будет хватать в лучшем случае через год.

Али снова опустился на колени, восхищаясь дынями. Стебли были толстые и сильные, плод тяжелый. Как им удастся выращивать такие?

Любайд выдохнул:

– Али, мы уже довольно давно знаем друг друга. Мы ведь друзья, да?

– Конечно. Я тебе обязан жизнью.

– Тогда я, как друг... могу тебя спросить кое о чем?

Али кивнул, упираясь ладонями в землю:

– Конечно.

– Что с тобой происходит?

Али удивленно посмотрел на Любайда:

– Что?

Любайд вскинул руки.

– Почему ты ползаешь тут по земле, когда сейчас эта хорошенькая девица могла бы снимать с тебя твою замечательную мантию?

Али зарделся. Абла была очень красива, а сцена, описанная Любайдом, никак не способствовала тому, чтобы он забыл об этом факте.

– Не будь таким неуважительным, – с укором в голосе проговорил он. – К тому же она не в моем вкусе.

– Почему? Потому что не дэва?

Али недовольно посмотрел на него:

– Не начинай.

Любайд закатил глаза:

– Всем об этом можно говорить, а мне – нет. Почему?

– Потому что у тебя своя голова на плечах.

– Да, я знаю, ты стал совершенно невыносим, когда пришли известия о свадьбе твоего брата, а ты каждый день пишешь ей любовные письма.

«Интерес к моей стране с точки зрения улучшения твоего арабского языка... Насколько я понимаю, это было притворством?» Ему вспомнились слова Нари, сказанные в затопленных туннелях под дворцом. Али до сих пор помнил жесткость ее голоса, напускное отчуждение в голосе Нари не могло скрыть обиду в ее глазах.

Нет, это было не притворство. Скорее, Али просто не понял, что время, проведенное им с Нари, было светом – и светом, им не заслуженным, – пока не стало слишком поздно. Воспоминания о ней все еще преследовали его.

– Они не... не любовные письма, – пробормотал он. – Я что хочу сказать... я вижу здесь нечто такое, что мне кажется интересным. То, что и Нари сочла бы интересным. Полезным. Это скорее научный интерес, чем что-либо иное.

– Конечно, – сказал Любайд, явно не поверив ни одному слову Али. – Женись на этой Абле, мой друг. Прошу тебя. Тебе нужно двигаться дальше.

Загнанный в угол и сконфуженный, Али попробовал другой вариант реакции.

– Ты разве не слышал, что губернатор предлагал и кое-что еще? Место для наращивания поддержки? Один только этот брак будет выглядеть так, будто я пытаюсь создать политические союзы в Ам-Гезире.

Любайд посмотрел на него многозначительным взглядом:

– Может быть, тебе и стоит озаботиться политическими союзами. Все лучше, чем ждать, когда ассасины доберутся до тебя.

Али поднялся с земли.

– Я не могу так поступить с моей семьей, – сказал он, отирая руки об изару. – Спрошу губернатора – не поделится ли он этими семенами.

– Не думаю, что его интересовали эти семена.

– Я тебя заколю трезубцем Шардуназату.

Любайд хмыкнул:

– Ты этого никогда не сделаешь. И не брал бы ты лучше эту треклятую штуку в Бир-Набат. Только тебе хватает ума таскать за собой украденное оружие демона моря.

– Демона земли, – поправил его Али. Но напоминание о его схватке с Шардуназату навело его на мысль о еще одной стороне этого события. – Любайд, ты когда-нибудь слышал о Тиамат?

– Ты имеешь в виду Бет-иль-Тиамат? Можешь верить, можешь – нет, но слышал. Это название гигантского океана к югу от нас.

Али отрицательно покачал головой:

– Нет, я не про океан. Просто Тиамат. Шардуназату говорил о Тиамат как о старом враге. – Он помолчал, пытаясь вспомнить подробности. – Я готов поклясться, что слышал это имя и прежде. Это какое-то первобытное божество у людей или что-то такое... Но демон земли говорил о другом. Он говорил о войне, о ком-то, кто обратил в бегство маридов...

– Что-то это не похоже на сражение, которым можно гордиться. – Любайд пожал плечами. – Кто знает? Может, этот демон просто спятил, проторчав тысячу лет в какой-то подводной пещере с толпой статуй.

Поток холодной воды струился вниз, он быстро поднялся до щиколоток Али. Видно, кто-то убрал одну из каменных плотин, расположенных вверх по течению. Вода переливалась в лунном свете, уносила стайку сухих листьев, издавая шуршащий звук, очень похожий на маридский шепот, который все еще мучил Али в его ночных кошмарах.

Он отступил на сухую тропинку:

– Наверное, ты прав. Идем, вернемся на пиршество, а потом поспешим отсюда, пока для одного из нас пребывание здесь не закончилось женитьбой.

Разведчик

События этой главы в первоначальном варианте были альтернативным прологом «Медного королевства». Спойлеры к двум первым книгам.

– Ну, и что ты сделал?

Цао Пран ошетинился, услышав этот вопрос, и его лошадь нервно затанцевала под ним. Он стрельнул взглядом в гезирского военного, ехавшего рядом:

– А кто сказал, будто я что-то сделал?

Джахал фыркнул:

– Послушай, солдат просто так не выгоняют из Цитадели и не отправляют разведчиками на северные границы Дэвастана. Чтобы такое с кем-то случилось, он должен совершить какой-то проступок.

Он явно наслаждался собой, и его серые глаза заблестели... в их блеске была и немалая доля присущего ему самодовольства. От Джахала и оставались-то одни глаза, поскольку в остальном он был полностью закутан в меха. Ледяная корочка уже успела образоваться на черном игольчатом мехе его балахона, пошитого из шкуры какого-то существа, в прошлом бывшего зверем, животным земли и алой крови.

Прана чуть не выворачивало наизнанку, когда он видел все это. Хотя Джахалу вроде было тепло в таком одеянии, Прану была невыносима одна только мысль о том, чтобы закутаться в меха, как это делали люди, обитающие в этих местах. Ему это казалось неправильным, нечистым.

Но тем не менее ему было ужасно холодно.

Джахал продолжил:

– Я здесь старший, ты же знаешь, – напомнил он Прану чуть ли уже не в сотый раз. – Я могу приказать, чтобы ты мне ответил. – Он подвесил свою угрозу в воздухе, его глаза все еще блестели, будто шутили, словно Прану это тоже казалось забавным, эти постоянные устрашения, разговоры о том, что его спутник может выпотрошить его, не предъявляя никаких обвинений, или просто бросить его в этой дикой земле. – Ну, так скажи. Пытался получить взятку у родственника какого-нибудь министра? Переспал не с той женщиной.

«Да скажи ты ему. Так будет проще жить». Пран дымным облаком в свежий воздух выпустил дыхание изо рта.

– У меня были небольшие проблемы в том, что касается вина и пунктуальности, – признался он. – Слишком часто пропускал свою вахту.

– Ты пропускал вахту? – повторил он, словно не в силах поверить в услышанное. – Вряд ли такая провинность наказывается смертью от холода на краю света. – Он фыркнул. – Плохо, что ты тохаристанец. Будь ты гезири, то отделался бы предупреждением.

«Ты думаешь я не знаю?» Но Пран воздержался от возражений, зная, что Джахал его не одобрит. Они путешествовали вместе уже целый месяц. Их задание было хуже не придумаешь – оно выполнялось приблизительно раз в столетие и состояло в проверке той части света, о которой в далеком Дэвабаде редко вспоминали. На самом деле единственной причиной их путешествия в эти края был сбор по возможности максимальной дани с диких огнепоклонников дэва, называвших эти места своим домом.

Он потуже затянул на себе накидку, с мучительным выражением оглядывая безрадостные окрестности. Снежная метель бушевала в темном лесу, снег беззвучно падал на ледяное одеяло, уже накрывшее долину своей удушающей тканью. Мимо голых деревьев под хрупкой коркой льда несла свои бурливые воды река, а вдали скалистые, укрытые снежными шапками пики пронзали небеса. Этот мир был лишен цвета – здесь правили бал черное, белое и серое.

Правда, было еще и немного оранжевого, когда он высек пару языков пламени, чтобы согреть руки. «Наш народ не приспособлен для жизни в таких местах». Пран каждой каплей своей огненной крови ощущал инстинктивный позыв бежать отсюда. Но не в латунный город Нахид – нет, с Дэвабадом он покончил, – а во что-то более древнее, в обжигающие пески, которые его предки до Сулеймана называли бы своим домом.

Волчий вой вывел Прана из его полузабытья. Его пробрала дрожь, когда ветер проник за шарф, закрывающий его лицо.

– Скажите мне, бога ради, кто же это по доброй воле захочет здесь поселиться?

– Кто знает? Дэвы все чокнутые.

Джахал вытащил глиняную трубку из мешка и принялся набивать ее гашишем.

Пран кивнул, показывая на трубку:

– Насколько я понимаю, вас отправили сюда из-за этого?

Его «старший» проводил большую часть ночи в гашишевом тумане.

– Из-за этого? – Джахал ткнул пальцем в трубку. – Не. Я переспал с не той женщиной. Точнее говоря, с несколькими. – Трубка чадила в его руке, гашиш разгорался. – Я думаю, одна из них, вероятно, и пожаловалась на меня.

Пран задумался на какое-то время. Было что-то обескураживающее в том, как Джахал сформулировал последнюю часть, скрытый смысл, который не понравился ему, но задать вопрос он не решился, а потому просто поменял тему.

– И давно вы здесь?

– Пару десятилетий. – Джахал подул на гашиш в трубке, и на снег полетели искры. – Но так далеко на севере еще никогда не был. Думаю, сюда за последние сто лет вообще никто не заходил. Наверное, во дворце совсем плохи дела, если повсюду ищут новых налогоплательщиков.

– Пожалуй. – Пран никогда не интересовался политикой. Он был выходцем из военной семьи, родился, как и его отец, а до отца – дед, для службы в королевской гвардии, но его удовлетворяла и служба простым пехотинцем за исключением тех случаев, когда его больше устраивало переждать трудные времена в сторонке. – Я что говорю... Я думаю, дела в Дэвабаде обстояли плохо. До того как мне уехать, у нас рацион сократили. А перед этим жалованье урезали. – Он потрогал пальцем потрепанную манжету у себя на рукаве. – Не помню, когда нам в последний раз давали новую униформу.

– Наверно, огнепоклонники воруют в казначействе. Они проявляют чрезмерную агрессивность с того времени, каких Бич превратился в горстку праха. Хотя наверняка это сражение стоило того, чтобы его посмотреть. – Джахал присвистнул. – Ты можешь себе такое представить – Бич Кви-Цзы против крокодилова принца?

Пран разглядывал свои вожжи.

– Немногие из этих свидетелей остались живы, – тихо сказал он. – У меня на том корабле был приятель, и тот самый Афшин рассек ему горло мечом.

– Сочувствую. – За этим словом не стояло никакого чувства, скорее уж, оно давало Джахалу основания продолжить: – Но ты тем не менее учился бок о бок с ним, верно? Я говорю об Ализейде аль-Кахтани.

Пран рассмеялся:

– Нет. Королевские зульфикары и алкаши-пехотинцы из Тохаристана редко соприкасаются в Цитадели. – Он замолчал, вспоминая юного принца, такого впечатлительного. – Я, бывало, смотрел его тренировочные бои. Все смотрели. Он так умело работал мечом. Он ведь теперь в Ам-Гезире, да? Командует гарнизоном?

Голос Джахала прозвучал как-то напряженно.

– Что-то в этом роде.

Пран поерзал немного в седле, чтобы избежать судороги:

– А мы разве уже не должны были добраться до Сугдама?

Сугдам – деревенька в другом конце долины – был их следующей остановкой.

– Зная про наше везение, могу предположить, что огнепоклонники прознали о нашем приезде и убрали дорожные столбы.

– Мы могли бы остановиться, – предложил Пран. – Разбить лагерь на ночевку.

– Наша палатка – плохая защита от непогоды, а снег только усиливается. Едем дальше. – Джахал кивнул головой, показывая направление вперед. – Кажется, там дымок.

Пран ничего такого не увидел, только молился, чтобы Джахал оказался прав. Мысль о том, что придется провести ночь с дэвом, вовсе не прельщала его – их полные ненависти демонические черные глаза, которыми они смотрели на чужих солдат, требовавших ночлега и еды вечером, а на следующее утро прихватывавших еще немалую сумму в виде налогов, пугали, – но сейчас он бы предпочел снегу кипящего от ярости огнепоклонника.

Они пришпорили лошадей и какое-то время ехали молча. Сумерки наступали быстро. Снова в глубине черного леса завыл волк, Пран услышал сухой треск, может быть, старое дерево обрушилось под грузом снега. Какая-то тень мелькнула среди деревьев впереди, и он даже подпрыгнул в седле. Сова, решил он, но его сердце забилося чаще.

К его радости, вскоре он тоже увидел дымок, о котором говорил Джахал, а потом появилось кое-что еще более привлекательное: каменный дом, приютившийся в заснеженном распадке.

Дом был невелик, но хорошо построен, за плотными занавесями на узких окнах виднелся мелькающий огонек. К задней части дома примыкала войлочная палатка – Пран почувствовал едкий запах зерна и лошадей. К одной из стен прилепились остатки сада, от которого в эту морозную зиму сохранились только почерневшие корни и голые трельяжи.

Пран спрыгнул с коня и сразу же, расставшись с теплом животного, ощутил холодок. Он снял один из своих мешков, проверил, не заледенел ли меч в ножнах, а потом уже повел лошадь к палатке. Джахал пошел следом, держа в руке зульфикар.

Пран нахмурился:

– Думаете, нам будут не рады?

– С дэвами никогда ничего не знаешь наперед.

Но палатка оказалась пустой. Ее пространство наполнялось неярким оранжевым сиянием – отражением снежных вечерних небес снаружи. На противоположной стороне стояла на скорую руку сколоченная кормушка, полная зерна, – на полдюжины лошадей точно хватило бы. Из замерзшей земли поднималось напоминающее скелет дерева подобие стеллажа из неизвестного ему металла. На одной из веток висели вожжи, другие были пусты.

Беспокойство Прана нарастало.

– Всадники должны вернуться, – понял он, снова посмотрев на зерно. Такую же кормушку он увидел и в другом углу. – И, похоже, их будет немало.

Джахал расседлал лошадь, небрежно кинул седло на землю.

– Ну, если вернутся, то увидят, что у них гости. – Он кивнул на лошадь Прана. – Поспешите. В этом доме, похоже, тепло, а я проголодался.

Пран быстро расседлал своего коня, и они вернулись к дому. Снег уже доходил до колена.

Джахал постучал в толстую сосновую дверь.

– Королевская гвардия! – прокричал он на ломаном дивасти. – Открывайте.

Они подождали некоторое время, но ответа так и не дождались. Джахал выругался и снова застучал в дверь, на этот раз рукоятью зульфикара.

– Я буду не очень приятной для вас компанией, если вы не откроете дверь!

Дверь открылась мгновение спустя. Пран напрягся, но за дверью оказалась молодая женщина, кое-как в спешке облачившаяся в чадру цвета пепла с цветочным рисунком. Ее черные глаза – о господи, ему никогда не привыкнуть к этому полному отсутствию света – скользнули по их лицам, метнулись на зульфикар Джахала и широко раскрылись от испуга.

Но при этом она встала в дверях, не пуская их внутрь и закрывая концом чадры лицо.

– Чем могу вам помочь?

– Нам нужно переночевать.

Пран увидел, что ее темные глаза метнулись в сторону занесенного снегом леса. Она явно ждала кого-то.

– У нас нет места.

– Вот оно – знаменитое гостеприимство дэвов. – Джахал поднял свой зульфикар, позволив язычку пламени вспыхнуть на его медной поверхности. – Я предлагаю тебе впустить нас.

Женщина мгновенно отступила. Пран отвел глаза, смущенный поведением Джахала.

Челюсть у него отвисла, когда они пересекли порог. Пран предполагал, что они вышли на дом бедняка-мага или аскета огнепоклонника – потому что кто еще захочет жить в этой замерзшей пустыне? – а потому ожидал увидеть разве что каменный очаг и потрепанные ковры.

То, что он увидел, ни в коей мере не отвечало его ожиданиям. Внутри дома было тепло и светло. В вычурных канделябрах горели свечи, а в серебряных жаровнях – кедровые поленья. Огромный очаг, отделанный плиткой цветов заходящего солнца, завладел чуть не всей западной стеной, а

противоположная стена была отдана полкам, целиком заставленным книгами. Перед полками стоял большой рабочий стол, а на нем домашняя утварь из витого стекла и необычные медные инструменты. Деревянная лестница вела на кровать-чердак, поднятую над полом, а еще большее число кроватей – не менее дюжины – были складными и сейчас стояли торчком, аккуратно прижимаясь к стене. В восточном углу тлел алтарь огня, наполняя комнату запахом благовоний.

В целом же дом внутри производил впечатление убежища какого-то сумасшедшего ученого или, может быть, алхимика, который надыхался парами бесчисленных экспериментов. Ни один из этих вариантов не гасил его растущего беспокойства.

Джахала же, казалось, никакие перспективы не беспокоили.

– Нет места, говоришь? – с издевкой сказал он. – Да здесь может с удобством разместиться два десятка человек. – Он, ничуть не думая о грязи, прилипшей к его башмакам, обследовал дом, потрогал инструменты. – Когда возвращаются ваши люди?

Девушка опустила глаза, ее пальцы дрожали на чадре.

– Скоро, – ответила она, показывая на расстеленную на полу материю. – Я как раз готовила обед.

Пран посмотрел на материю на полу. На парчовой поверхности стояли несколько укрытых серебряных супниц. Между ними – небольшие чаши, наполненные нарезанной зеленью и кефиром, поджаренным луком и пестрым редисом. Пиршество.

Джахал скорчил гримасу:

– Я так проголодался, что готов отведать даже дэвской еды. – Он скинул башмаки, забрызгав грязью расстеленную материю.

Девушка открыла было рот, чтобы возразить:

– Это предназначено для...

Джахал положил ладонь на рукоять зульфикара, и девушка побледнела, подалась назад, пропуская его.

Пран аккуратно снял свои башмаки, хотя и сомневался, что его жест искупит грубость Джахала.

– Вина, – потребовал Джахал, сев. – У вас в таком доме наверняка есть вино. Только сначала подогрей.

Пран скинул свою обледеневшую накидку, повесил ее на спинку стула у огня, после чего присоединился к своему спутнику.

– Капитан... – начал он. – Она, кажется, сильно испугана. Может быть, нам стоит...

Джахал остановил его взмахом руки:

– Помолчи. Я прожил среди этих людей уже не одно десятилетие. Их нужно держать в страхе, быть уверенным, что ты держишь их под контролем. – Он взял изящную серебряную чашу и поднес ее к пляшущему огню. – Я что говорю – вот посмотри на эту штуку. Нужно быть сумасшедшим, чтобы, имея средства для покупки таких вещей, жить в этом снежном аду.

– Может быть, они иллюзионисты.

Джахал постучал костяшками пальцев по чаше:

– Мне она представляется вполне реальной. – Он уронил чашу, а потом поднял крышку с одной из серебряных супниц. В ней кипел густой суп: какая-то листовенная зелень с чечевицей, пахнувшая сметаной и пряностями. – Что ж, неплохо для шайки вегетарианцев.

В животе у Прана урчало от пустоты, и он развернул теплый тканевый сверток, в котором оказался свежеспеченный хлеб. С голодухи он, не раздумывая, вонзил в него зубы.

Девушка вернулась. Теперь она закрыла лицо чадрой, а потому без труда в двух руках принесла большой поднос, на котором стояли чайник и самовар с вином. Она поставила поднос и отступила на шаг.

Джахал ухватил ее запястье:

– Присоединяйся к нам.

Она попыталась вывернуть руку из его хватки, но Джахал был сильнее, он усадил ее рядом с собой.

– Что – боишься, твой баба не одобрит, что ты обедаешь с чужаками? – Не отпуская ее запястья, он потянулся к ее чадре другой рукой и, сбросив материю с головы, рассмеялся, когда она попыталась снова скрыть лицо. – Такая хорошенькая, а живешь бог знает в какой глуши.

Узел в животе Прана завязывался все туже.

– Капитан...

– Да помолчи ты. Мы просто развлекаемся. – Джахал отпустил девушку, но перед этим стянул с нее чадру и бросил в огонь. Он рассмеялся, когда материя охватило пламя. – Считай это актом поклонения. – Он кивнул на свою чашу. – Ну, давай же, дэва, вино само чашу не наполнит.

Девушка была готова заплакать, но подчинилась. Она наполнила их чаши, хотя руки у нее дрожали. Пран не знал, что и сказать. Джахал всегда вел себя отвратительно по отношению к дэвам, в чьих домах они появлялись, он глумился над их женщинами и оскорблял их веру. Но не так, как сегодня.

«Потому что мы никогда не оказывались наедине с женщиной-дэвой», – догадался он, поняв вдруг, что имел в виду Джахал, когда говорил о причинах его изгнания из Цитадели. Огорченный, он потянулся к чаше с

вином, привычным его спутнику. Сначала он сделал маленький глоток, потом побольше. Боже, какое хорошее вино. Из фиников... немного слаще, чем то, к которому он привык, но теплое, оно забурлило в его животе наподобие нектара.

«Странно обнаружить финиковое вино так далеко на севере», – подумал он; с чем-чем, а с вином-то уж он был неплохо знаком. Даже в Дэвабаде оно не пользовалось особой популярностью, считалось старомодным. Впрочем, он прекрасно помнил солдата-дэва, который как-то сказал ему, что они пили это вино в честь Афшинов, для которых финиковое вино было церемониальным. Того солдата вышвырнули из королевской гвардии вскоре после смерти Бича, теперь огнепоклонников больше в гвардию не принимали.

Джахал, вероятно, составил о вине такое же мнение, что и Пран, – он осушил свою чашу первым и протянул ее девушке.

– Не думаю, что твои придут сегодня, дорогуша.

Девушка подняла на него взгляд. Хотя она и дрожала, глаза ее смотрели с вызовом.

– Вам только на это и нужно надеяться.

Глаза Джахала загорелись огнем ярости.

– Что ты сказала?

Пран поднял руки, пытаясь снять напряжение между ними.

– Еда была превосходна, – сказал он. – Спасибо. Но мы проделали немалый путь, и оба устали. – Он показал на скрученные спальные наборы под кроватью-чердаком. – Почему бы нам с вами, капитан, не позаимствовать две штуки и не поспать.

– Можешь идти спать, – холодно сказал Джахал. – А мне с этой дэвой нужно поговорить о гостеприимстве.

Пран прикусил губу:

– Капитан, вы слышали, что она сказала... ее люди должны вскоре вернуться. Может быть, нам лучше...

– Лучше бы ты не совался в чужие дела и шел спать. Если только тебе вдруг не стал известен путь в Сугдам. – Он уставился на Прана пристальным взглядом. – Это очень гостеприимная земля, Пран. Ты же не хочешь в ней потеряться.

Угроза в голосе Джахала заставила его замереть. Девушка смотрела на него умоляющим взглядом. Но он не сомневался в смысле слов Джахала.

«Она всего лишь огнепоклонница», – сказал себе Пран. Боже милостивый, люди говорят, что здешние дэвы настолько дики – у них дочери спят с отцами.

Он откашлялся:

– Я понял.

– Тогда спокойной ночи.

Пран поднялся. Ноги у него тряслись, когда он повернулся к Джахалу спиной. Он демонстративно расположился так, чтобы не видеть их, разворачивая спальные принадлежности. Он разложил их как можно дальше от Джахала и девушки, улегся в самом темном углу под чердаком-кроватью и спиной к ним.

Раздался звон, поднос и супницы отодвигались в стороны. Потом приглушенный вскрик.

– Вы думаете, что вы лучше нас, – услышал он шипение Джахала. – Все вы.

Пран свернулся в комок, увидев блеснувший металл, закрыл уши руками. Он не хотел это слышать.

И тут он выпрямился в одно мгновение, потому что теперь увидел блеск металла с другого ракурса.

И увидел он массивный серебряный лук.

Он быстро моргнул, уверенный, что ему это мерещится. Наполовину скрытый стеганой подушкой огромный лук имел размер приблизительно в половину роста Прана, а его рукоять выглядела внушительно и в то же время изящно. Серебряная поверхность лука была покрыта тонкой латунной филигранью. Лук этот навевал мысли о каком-нибудь легендарном оружии, не предназначенном для современного человека. Это был артефакт, бесценный и убийственный.

Эти мысли он обращал к самому себе... пока не заметил колчан со стрелами рядом с луком, оперение на стрелах было совсем свежим.

Дверь распахнулась.

Пран подобрался, его душа ушла в пятки. Он ожидал увидеть какого-нибудь гигантского воина, мстительного лучника, который, по представлениям Прана, должен был соответствовать этому устрашающему оружию.

Он уронил руки, увидев в дверях еще одну женщину-дэву и, что говорить, не очень пугающую. Она была даже ниже девушки. И старше по меньшей мере века на полтора, если ориентироваться на седину в ее волосах. На ней был плотный кафтан и мешковатые штаны, какие обычно носят мужчины-дэвы. Из-за пояса у женщины торчал охотничий нож, а на плечах лежала суконная чадра.

Но ее глаза смотрели зорким взглядом, совиные и с полузакрытыми веками, они каким-то образом были чернее, чем у остальных дэвов. Они проигнорировали его, ее взгляд, похожий на взгляд хищной птицы, которую она напоминала, остановился на Джахале. Ее белые губы сошлись в тонкую линию.

Джахал ухмыльнулся. Он теперь держал девушку за косы.

– Так вот этой старушки я и должен бояться?

Девушка смотрела на женщину с нескрываемым почитанием:

– Да.

Женщина-дэва щелкнула пальцами, и Пран со своего места через всю комнату услышал, как треснула рука Джахала.

Воин гезири, вскрикнув, отпустил девушку. Пран смотрел на Джахала: тот ухватился за свою искалеченную руку, пальцы которой торчали в разные стороны.

Старшая женщина не шелохнулась. Она посмотрела на девушку.

– Ты цела? – спросила она.

Девушка кивнула, ее продолжало трясти.

– Они... они сказали, что они из королевской гвардии.

Старшая женщина кивнула, потом подошла к Джахалу, как леопард к кролику, движения ее были мучительно изящными, ее лицо представляло собой смесь легкого любопытства и холодной ярости.

– Воришка гезири пытается взять то, что ему не принадлежит, – резко сказала она. – Как это похоже на его короля.

Джахал сжимал сломанную руку, в глазах плескалась боль.

– Ах ты, сука! – взвизгнул он. – Ты что со мной сделала?

Пран не шевелился, он словно прирос к своему месту от потрясения. Не мог же он и в самом деле считать, что руку ему сломала женщина. Это было невозможно. Может быть, выпил слишком много...

Продолжая тяжело дышать, Джахал потянулся к своему зульфикару, но она легко пнула по мечу ногой, и тот отлетел в сторону. В воздухе неожиданно запахло едким дымком.

Следующий звук, изданный Джахалом, хотя и был визгом, больше походил на шепот.

Он выл, и этот звук наполнялся влагой и кашлем, потому что черная кровь лилась из его рта, соединялась с кровью, которая капала из его глаз, его ушей, его носа. Его тело билось в конвульсиях, металось с такой силой, что сотрясались кости, и капли праха скатывались с его тела, как капли пота скатываются с человека. Девушка стояла, наблюдала за происходящим. На ее лице застыла мстительная с горчинкой маска.

– Забавное ощущение, правда, – задумчиво сказала женщина-дэва, – когда твоя кровь начинает вдруг циркулировать в обратном направлении? Это, конечно, убьет тебя, уничтожит твое сердце. Но есть один способ

поддерживать сердцебиение на протяжении всего этого времени – чтобы освоить это способ, у меня ушла куча времени.

Рот Прана открылся, его разум и глаза не могли смириться с тем, что происходило перед ним. Внешние признаки обманчивы, эта женщина не могла быть джинном. Его раса не обладала такой силой.

Вот только... когда-то были и такие, кто обладал.

– Это какое же самомнение нужно иметь... – с удивлением проговорила женщина. – Ездить в седле по стране, к которой ты не имеешь отношения, заходить в дома, прикасаться к женщине, которой ты противен.

Говорила она хриловатым, отрывистым голосом – с акцентом почти ему знакомым. Нет, не почти, вполне себе знакомым, понял вдруг Пран. С дэвабадским акцентом, свойственным представителям высших классов.

По-настоящему высших.

Книги на полках, витое стекло и металлические инструменты на столе. Скальпель.

Женщина-дэва, которая может переломать кости с расстояния, которая может заставить его кровь течь в другом направлении. Ужас стал накатывать на него, когда его глаза снова упали на страшный лук – принадлежность мифов.

Он вскочил на ноги. Ему бы следовало помочь Джахалу, но жуткая сцена перед ним, его память, выкрикивавшая нелепые умозаключения и полузабытые истории о наследном доме его семьи в разрушенном Кви-Цзы, – все это не позволяло проявиться его чувству долга, какое уж оно у него было, а также иным его чувствам. Он выбежал, пронесся в дверь без своего кафтана и обуви.

Он бежал в заснеженную темноту, одержимый одной мыслью: как можно дальше оказаться от криков Джахала, теперь переходивших в взвизгивания, прерываемые бульканьем. Если не считать криков Джахала, треска веток у него под ногами и его прерывистого дыхания, в остальном здесь стояла тишина – падающий снег заглушал все. Замерзшие деревья были черны, темные скелеты на фоне серого неба, все мертвое неожиданно стало приветливым, потому что с каждым пройденным им деревом он все больше удалялся от невероятного события, свидетелем которого стал. Он бы пробежал весь путь до Сугдама, до Дэвабада, если бы это могло спасти его от женщины с ледяным голосом и смертельным прикосновением. Он забрался на снежную насыпь, сердце его колотилось, как бешеное.

Он отдохнул немного, прислушался – ни звука здесь не было слышно. А потом вдруг в ледяном воздухе раздался свист.

Что-то острое ударило его в спину, отчего он полетел вниз по склону. Он приземлился на бок. Ему не хватало воздуха, боль и давление чего-то тяжелого пронзали его тело.

В левой стороне его груди торчал наконечник стрелы.

«Господи, спаси и помилуй меня». Черные точки расцветали перед его глазами, а он пытался вдохнуть хоть немного воздуха, но его попытки не увенчались успехом. Из раны текла пенистая, горячая кровь, попадала на снег, растапливала его. Сознание покинуло его, он чувствовал только, что в распадке становится ярче, что приближающийся огонь мигает. Банда дэвов спешит, чтобы прикончить его.

Но из-за темных деревьев появилась не банда с высоко поднятыми факелами. Из леса появился всего один человек, и факела в его руке не было.

Потому что он сам был огонь.

Кожа спрессованного света, такого яркого, что на него было больно смотреть. Руки и босые ноги угольного цвета. Он приближался к нему, как змея, с убийственным изяществом и скоростью стрелы. Огромный лук, который Пран видел в доме, он держал полунатянутым в когтистых руках.

Пран закричал бы, если бы мог хоть раз набрать в грудь воздуха. Это был ифрит. Худший кошмар его народа, их смертельный враг. Приглушенный всхлип сорвался с его губ. Распадок снова погружался в темноту. Тень нарастала на краях его поля зрения по мере того, как его кровь растекалась по снегу. Он знал, что умирает, потому что, только умирая, можно видеть такую небывальщину.

Ничего этого не могло происходить, оно было невозможно. Потому что, когда ифрит еще приблизился, снова поднимая лук, Пран увидел на его золотом виске темную татуировку, тогда как этой татуировки там быть не могло. Стрела, пронзающая стилизованное крыло.

Метка Афшина.

У Прана не было времени на созерцание татуировки. Сверкнуло серебро, и следующая стрела разорвала его горло. Он понимал, что падает на спину, что кровь заполняет его рот, чувствовал ледяные уколы летящих с неба снежинок, видел голые деревья, возвышающиеся над ним. Его смерть была быстрой.

Настолько быстрой, что Пран умер, не осознав последствий того, во что они с Джахалом вляпались здесь, в диких местах Дэвастана. Что это будет означать для его оставленных им в Дэвабаде престарелых родителей, которые в этот момент вставали с кровати, чтобы выпить по ранней чашечке чая в их доме в тени мемориала Кви-Цзы. Для солдат, которых он обучал в Цитадели, ворча, когда они точили оружие, давно уже подлежащее замене. Для королевства, и без того переживающего тяжелые времена, и для разрушающегося волшебного города.

Для одной молодой женщины из Каира.

Нари

Я взяла эти события, произошедшие с Нари, из старой (и совершенно непохожей на печатную!) версии «Медного королевства». Я переработала сюжет таким образом, чтобы он воспринимался как история, которая могла иметь место до событий, изложенных в «Королевстве». Переработка затронула обстоятельства брака Мунтадира и Нари и влияние последней в роли Бану Нахиды на происходящее. Спойлеры к первой книге.

– Бану Нахида, стой!

Нари не остановилась. Напротив, она зашагала еще быстрее по коридору в сторону лазарета. Сердце ее бешено колотилось, она не оглядывалась – не тратила на это время, – чтобы посмотреть, сколько человек стражи из сокровищницы преследует ее, но по топоту ног понимала, что их с полдюжины – никак не меньше.

«Ты идиотка, – отчитывала она себя на бегу. – Ты должна была все время оттачивать свои навыки, а ты позволила им забыться».

Два писца, с руками, полными свитков, появились из библиотеки и пошли по коридору, продолжая разговор. Нари чуть не ударилась о первого, потом намеренно задела второго, отчего тот упал, а его свитки разлетелись по полу. Документы катились по коридору, и она могла только надеяться, что они хоть немного задержат ее преследователей.

– Нари, черт побери, стой! – на сей раз ее окликал муж. Судя по его голосу, он запыхался, и ее это не удивило; эмир Мунтадир не принадлежал к любителям физических нагрузок – по крайней мере, нагрузок такого рода. И тот факт, что она вытащила его из компании пьяных поэтов, чтобы он, того не ведая, помог ей совершить задуманную ею кражу, сам по себе был в некоторой степени чудом.

Судя по топоту ног, стражники приближались. Нари уже видела впереди приоткрытую дверь ее лазарета. На последнем этапе бегства у нее открылось второе дыхание.

– Низрин! – прокричала она. – Помоги мне!

Низрин оказалась, к счастью, рядом. Через секунду она уже была у двери, держа в одной руке коварно острый скальпель. Глаза ее загорелись тревогой, когда она увидела бегущую за Нари стражу.

– Бану Нахида! – вскричала она. – Что тут происходит?..

Нари ухватила за край двери, оттолкнула Низрин в сторону и влетела в лазарет.

– Прости меня, – выдохнула она, прежде чем вытолкнуть Низрин наружу и захлопнуть дверь перед ее недоуменным лицом. Она развернулась, прижала ладони к затейливой металлической решетке на закрытой двери и потащила ее вниз, стеной от боли, когда штыри впивались ей в кожу; ее кровь теперь капала на декоративные панели.

– Защити меня, – уверенно сказала она на дивасти; она, готовясь к осуществлению своего замысла, несколько раз опробовала этот магический трюк.

Она его опробовала... но сейчас ничего не случилось.

Нари запаниковала, она продолжала удерживать дверь, хотя Низрин колотила по ней с другой стороны.

Нари ударила по двери ногой и выругалась громко по-арабски:

– Да черт тебя побери, я сказала: «Защити меня!»

Кровь задымилась – ее кровь, кровь и магия народа, который много столетий назад построил все это. Нарі подалась назад, когда металлическая решетка слилась со стеной, надежно заперев дверь за мгновение до того, когда что-то тяжелое ударило по ней со стороны коридора.

До нее доносились приглушенные голоса, спорящие по другую сторону двери, включая и голос Мунтадира, явно звучавший раздраженно. Она никогда не слышала его таким рассерженным, а с учетом того, что они вот уже три года состояли в браке и довольно часто ссорились, это говорило о многом.

В дверь снова заколотили.

– Бану Нарі! – услышала она крик Низрин. Судя по тревожным ноткам в ее голосе, она, вероятно, узнала, что именно украла Нарі. – Пожалуйста,пусти меня. Мы можем обсудить это.

– Извини! – пропела Нарі. – Дверь... Ты же знаешь, какой непредсказуемой может быть дворцовая магия!

Поднос у нее за спиной свалился на пол. Нарі повернулась и увидела удивленные глаза своих пациентов и помощников. Сегодня днем в лазарете все было спокойно, а под «спокойно» она имела в виду, что лазарет был не настолько переполнен, чтобы людей в буквальном смысле приходилось выталкивать в сад. Все сто кроватей были заняты – они теперь всегда были заняты, – но лишь к немногим из ее больных приходили посетители.

Нарі посмотрела на них строгим взглядом, потом кивком головы показала на дверь.

– Если кто подойдет к этой двери, у него будут чумные язвы в некоторых довольно неудобных местах. Ясно?

Никто ей не ответил, но многие побледнели и подались назад, как бы говоря, что они поняли. Нарі быстро прошла по лазарету в свой приватный кабинет и задернула за собой занавес на двери, пытаясь игнорировать стуки

в дверь и взбешенные – и необычно подробные – угрозы Мунтадира. Только теперь она достала осколок белого камня, который засунула себе в бюстгальтер в сокровищнице. Размером он был с ее большой палец и, хотя блеснул на свету, в остальном ничем особенным не отличался.

Послышался какой-то нервный шорох, а потом перед ней появилась невысокая женщина-дэва с серебряными волосами – она вышла из того места, где пряталась за грудой текстов.

– Это он и есть? – с надеждой спросила она.

Нари посмотрела на осколок.

– Если ты веришь в легенды. – Потому что, если верить легендам, кроме этого крохотного белого камушка, от Ирама – легендарного города колонн – не осталось ничего. Нары знала противоречивые истории об Ираме. Дома в Каире она слышала рассказ о том, что некий город был уничтожен за пороки жителей тысячи лет назад. Некоторые из джиннов возражали, говорили, что людей по большому счету там не должно было быть и что их предки ниоткуда не могли знать, насколько разрушительны могут быть небесные огненные ветра.

Но Нары интересовал фрагмент из Ирама не в связи с историей.

Этот фрагмент был нужен ей, поскольку явно был единственным средством излечения от одного из самых коварных проклятий в мире: потери собственных магических способностей. И Нары случайно прочла об этом эффекте только в одном нахидском тексте, в котором говорилось о том, насколько коварно непредсказуемой была процедура восстановления этой способности. А еще после проведения этой процедуры ей придется уничтожить ирамский фрагмент – этот камушек настолько ценился, что немногие артефакты из него хранились в сокровищнице. Чтобы попасть в сокровищницу без сопровождения, ей пришлось устроить Мунтадиру скандал по поводу своего приданого – уловка, которая, на ее взгляд, вряд ли сработала бы во второй раз.

Женщина-дэва – звали ее Деларам – подошла к ней, заламывая руки.

– Вы уверены в этом, Бану Нахида? Я не хочу, чтобы у вас из-за меня были неприятности. Я не стою такого риска.

– Ты мой пациент, а потому стоишь любого риска, – категорически заявила Нары. Она подошла к своему столу, вытащила Нахидские заметки, лежавшие между двумя арабскими книгами; на ее рабочем столе вечно царил кавардак, чтобы отбить у потенциальных шпионов желание покопаться в том, что у нее есть. Она провела пальцами по древней бумаге, отметила чернильные пятна и витиеватый почерк, каким давным-давно писали ее предки. Она так часто читала записки, что знала их наизусть, но ощущение чего-то материального, читанного ее легендарными родственниками, чего-то, помнившего их прикосновения, поднимало ей настроение.

И Деларам стоила того – она утратила свои магические способности, когда ее жестокий муж наложил на нее проклятие. Потом случилось так, что ее злоключение и стало причиной, побудившей Нары предпринять поиски средства

от недуга Деларам, которая прожила последние несколько десятилетий жизни, убирая, подметая и раскладывая по местам в Большом храме книги библиотеки, после того как по ней проносился разрушительный научный циклон в лице жаждущих знаний студентов. Она была настолько усердна в своей работе – и в приведении в порядок этого хранилища знаний, – что ей удалось обнаружить не меньше дюжины нахидских текстов, которые были спрятаны под досками пола, засунуты в щели.

Но эта работа не перевела ее в разряд знати. Не сделала джинном. Уборщица-дэва не стояла «уничтожения такого ценного артефакта», а потому Нари отказали в ее просьбе, когда она затребовала ирамский фрагмент, хотя она и утверждала, что проклятие укорачивает жизнь Деларам.

«У меня и в самом деле не было иного выбора, только украсть его». Нари подбросила камушек, поймала и приступила к работе.

Пока она отсутствовала, огонь в кострище погас, остались одни чадающие угли. «Наар», – приказала она, и ответом ей были вспыхнувшие языки пламени, они потрескивали и пощелкивали, подбираясь к ее пальцам. Жар коснулся ее лица, но не опалил. Нари опустилась на колени, вытащила из-под ближайшего дивана заранее приготовленную корзину.

– Земля из твоих краев, – пробормотала она, беря в руку горсть почвы, собранной на дэвабадских холмах, и бросая ее в огонь. – Вода, очищенная именем творца.

Она взяла фиал, наполнила его водой, которую заранее взяла со своего огнепоклоннического алтаря. Когда вода коснулась огня, раздалось шипение пара, но капель было слишком мало, чтобы загасить костер.

– Нари, не смей уничтожать осколок! Открой эту чертову дверь!

«Ах, Мунтадир, иди остудись в озере». Она могла только представить себе, насколько велико его смущение в ситуации, когда собственная жена заперлась и не впускает его, и эта мысль доставила ей огромное удовольствие.

Но удовольствие нужно было отложить на потом, а сейчас ей требовалась сосредоточенность. Нари выдохнула, добавила дымку от костра воздуха из собственных легких. Держа в одной руке ирамский осколок, другой рукой взяла скальпель и энергично провела черту по своей ладони. Маленький белый камушек тут же утонул в потоке крови. Кровь Нахидов: убийственная для ифритов, способная расколдовать любую магию, одно из наиболее мощных веществ в мире.

Ирамский фрагмент взорвался.

Нари вскрикнула от боли и выругалась, но ее рука уже начала заживать. Она кинула горящие остатки осколка в огонь, а потом поднесла руку к груди.

– Больно? – охнула Деларам.

– Я в порядке, – ответила Нари и сжала зубы. Может быть, Низрин была права – ну, хоть немножко, – когда говорила ей, что не стоит заниматься

колдовством, которого она не понимает. Здоровой рукой она подтянула Деларам поближе к огню. – Вдохни как можно больше дыма.

Что-то ударило в дверь с такой силой, что сотрясся весь лазарет. С потолка посыпалась штукатурка.

– БАНУ НАХИДА! – прогремел голос Гассана, и звук королевского бешенства заставил ее похолодеть. Некоторые из ее пациентов испуганно вскрикнули. – Немедленно перестань делать то, что ты делаешь!

Не дожидаясь ее ответа, кто-то снова ударил в дверь. Металл, который не позволял ей открыться, начал стонать и гнуться.

Но пока держался, а значит, шанс у нее оставался.

– Продолжай вдыхать дым, Деларам. Продолжай...

Деларам бросила на нее испуганный взгляд, но продолжила вдыхать едкий дымок, пока, не переполнившись им, не начала кашлять.

– Деларам!

Деларам упала на колени, и Нари опустилась на пол рядом с ней.

– Я в порядке, – прохрипела Деларам сквозь дым, поднимающийся вокруг ее лица. В воздухе посверкивали крошечные белые осколки. Она потеряла горло.
– Просто я... – Она не договорила, подняла руку.

Между пальцами ее пациентки плясали язычки пламени.

– Это... это я? – прошептала Деларам.

– Это ты. – Нари улыбнулась... и в этот момент дверь рухнула.

Но, увы, лазарет был переполнен. А вид у Гассана был такой устрашающий, что ее пациенты поспешили убратсья подальше от него и его солдат, что, напротив, вызвало толкучку и замедлило движение по сравнению с тем, каким оно могло быть, если бы они остались на месте.

А это означало, что, когда король с непристойными проклятиями отдернул занавеску, Деларам уже ушла, а Нари сидела за своим столом и с усердием профессионального целителя читала записи о своих пациентах.

– Где он? – вскрикнул Гассан. – Богом клянусь, девочка, если ты хоть как-то повредила этот осколок...

Она невиннейшим взглядом, какой только ей удалось изобразить, посмотрела на короля.

– Какой осколок?

НАРИ УПАЛА НА КОЛЕНИ ПЕРЕД ДРЕВНИМ АЛТАРЕМ и, закрыв глаза, прижала друг к другу кончики пальцев. Она наклонила голову, потом с серебряного подноса со священными инструментами осторожно взяла кедровую ароматическую палочку. Она встала на цыпочки, поднесла палочку к огню, весело плясавшему в куполе алтаря, дождалась, когда палочка затлеет. После этого она принялась зажигать стеклянные лампадки, плававшие в гигантской серебряной лохани внизу.

Она зажгла последнюю и замерла, очарованная красотой огнепоклоннического алтаря перед ней. Алтарь, игравший основополагающую роль в вере дэвов, имел поразительный образ, остававшийся неизменным на протяжении столетий. В середине лохани, обычно серебряной и наполненной очищенной водой, было некое подобие возвышавшейся над водой жаровни, где горели кедровые палочки. Огонь гасили только в случае смерти огнепоклонника. Жаровню каждый день тщательно очищали от пепла, что знаменовало приход нового солнца. Стеклянные лампадки под лоханью постоянно поддерживали медленное кипение воды.

Нари еще несколько мгновений оставалась неподвижной. Хотя молилась она нечасто, но понимала, насколько важна ее роль в веровании дэвов, и научилась играть ее надлежащим образом. Когда она повернулась, нижняя часть ее лица была по-нахидски закрыта белым шелком, но глаза смотрели на массу людей внизу. Она подняла правую руку благословляющим жестом ладонью к толпе.

Четыре тысячи мужчин, женщин, детей – верующих, набивших помещение до отказа – сложили вместе ладони и уважительно наклонили головы.

Несколько лет, в течение которых Нарі главенствовала в подобных церемониях, в Большом храме немного поубавили трепетность ее отношения к таким демонстрациям. Но при виде храма у нее обычно перехватывало дыхание. Сооруженный почти три тысячелетия назад этот массивный зиккурат был творением, не уступающим Великим пирамидам близ Каира. Главный молитвенный зал подражал архитектуре тронного зала во дворце, хотя убранство здесь было гораздо менее пышное. Два ряда колонн, украшенных дисками из песчаника разных цветов, поддерживали высоченный потолок, вдоль стен располагались надгробья самых знаменитых фигур в долгой истории их народа.

Нари отошла от алтаря. На платформе внизу стоял отделенный от остальных верующих ряд священников в алых рясах. Они уже провели с полдюжины служб, восхваляющих ее и ее большую семью, обратились к творцу с молитвой, прося о благоволении к ее труду. К счастью, Нарі никогда не просили провести службу – она бы понятия не имела, что сказать. Более того, традиционно от Нахид не ожидалось ни общения с верующими в Большом храме, ни даже соизволения замечать их. Предполагалось, что они выше этого, что они для этого слишком величественные и бесстрастные фигуры, достойные почитания на расстоянии.

Но Нарі всегда была против почитания величественности. Она спустилась на платформу внизу и направилась к верующим.

Священники расступились, пропуская ее. Начинаящий священник с бритой головой, посыпанной пеплом, вышел из тени с деревянным табуретом в руках,

а его коллеги принялись выстраивать толпу в подобие очереди. Никто из них не сопротивлялся, верующие спешили подчиниться в надежде обратиться к ней.

Она разглядывала толпу. Здесь были почти исключительно дэвы, если не считать изредка встречающихся тохаристанцев. Нари удивилась, узнав, что в торговых городах Тохаристана есть некоторое количество семей, которые, несмотря на войну с джиннами, втихомолку сохранили прежнюю веру. Если расовые различия этим исчерпывались, то прочие были довольно многочисленны. Аскеты в потрепанных мантиях стояли рядом со знатью в бриллиантах, а широкоглазые пилигримы с севера оттирали усталых дэвабадских эстетов. Неподалеку от переднего ряда Нари заметила маленькую девочку, вертящуюся рядом с отцом. На девочку надели простое платье из желтого сукна, ее черные волосы сплели в четыре косички перемешку с базиликом.

Нари поймала ее взгляд и подмигнула, поманила к себе.

Девочка явно была слишком мала, чтобы беспокоиться о протоколе, она улыбнулась Нари во весь свой щербатый рот, выхватила руку из отцовской и бросилась к ней, чтобы в горячем объятии обвить короткими ручками ее колени.

Нари заметила, что некоторые священники поморщились. Когда здесь правили ее предки, любой, кто осмелился бы прикоснуться к Нахиду, кроме как в процессе его исцеления, был бы подвергнут отсечению конечности, теперь же Нари решила, что эта традиция – наряду со многими другими – должна быть пересмотрена.

– Бану Нахида! – Маленькая девочка, отступившая от нее на шаг, вся светилась, ее глаза прищурились в благоговейном трепете.

Отец девочки поспешил к ним, почтительно поклонился. Он взял дочку за плечо.

– Пусть огни...

– Ой. – Девочка всплеснула руками. – Пусть огни ярко горят для вас!

– И для тебя, дитя, – ответила с улыбкой Нари, благословляя их обоих и делая метку пеплом на лбу девочки. Произношение ребенка было незнакомо Нари. Люди из разных дэвских племен приходили молиться в Большой храм. – Ты откуда?

– Из Панчеканта, моя госпожа, – ответил ее отец. Видя явное недоумение на лице Нари, он пояснил: – Разрушенный город людей на краю Дэвастана. Вы, я думаю, о нем и не знаете.

Нари прикоснулась к груди с левой стороны.

– Для меня большая честь, что вы совершили такое далекое путешествие, чтобы побывать здесь. Я буду молиться творцу, чтобы он вознаградил вас за преданность.

Он низко поклонился, в глазах у него стояли слезы.

– Спасибо, моя госпожа.

Маленькая девочка еще раз обняла Нари, а потом помахала ей, когда они уходили через толпу.

Нари улыбнулась под своей вуалью. Она пришла, чтобы жить ради таких мгновений, встреч, которые придавали ей уверенности, когда она стояла перед дэвами, и мужества, когда она игнорировала зловещие инсинуации Гассана, утверждавшего, что она «перетягивает двор на свою сторону». Она сказала себе, что это называется прагматизмом. Ну а если эти мгновения и оставляли к тому же теплое сияние в ее сердце?

Что ж, Нари не собиралась отказывать себе пусть и в редких, но все же мгновениях счастья, которые ей удавалось похитить в Дэвабаде.

Маленькая девочка с отцом наконец исчезли из вида, затерялись в толпе, и Нари поманила другую. Около половины людей пришли с различными болячками. Простые случаи она исцеляла на месте, а более сложные отправлялись в ее лазарет. Она собиралась принять как можно больше просителей, но, когда солнце высоко поднялось за мраморными стенами, проливая свой свет на ухоженный двор, ее стало одолевать желание вернуться в лазарет. В ее отсутствие все имело тенденцию склоняться к катастрофе.

Нари благословила пилигримов перед ней, потом встала, подала знак священникам. Толпа была слишком велика, чтобы она одна могла благословить их всех. Нари знала, что многие из них вернутся сюда завтра. Некоторые – послезавтра. Она искала в толпе знакомые лица и каждый раз, когда наконец отыскивала их, неизменно согревалась их явной радостью.

У ее плеча появился Картир. Хотя Высокому священнику уже перевалило за два века, он нередко оказывался довольно проворным. В особенности в тех случаях, когда в его намерения входило прочитать лекцию, которую, судя по его скрещенным на груди рукам и усталому выражению, и предстояло сейчас выслушать Нари.

– Бану Нахида, вы, как я понимаю, активно ищете новые способы спровоцировать Кахтани?

– С чего вы взяли и, вообще, о чем это вы, Высокий священник?

Гассан мог одним взглядом содрать кожу с любого, кто ему не угодил, но тот пронзительный взгляд, которым встретил ее Картир, заставил Нари сделать шаг назад.

Потому она улыбнулась ему заговорщической улыбкой:

– Вообще-то никто меня ни на чем не поймал.

Картир еще раз смерил ее строгим взглядом и пошел вниз по лестнице.

– Мы с вами оба знаем, что это не имеет значения. Чем влиятельнее и популярнее вы здесь становитесь, тем большей опасности подвергаетесь. –

Священник понизил голос. – Я знаю, вы хотите быть хорошей Бану Нахидой, но я бы предпочел видеть вас живой и исцеляющей только синяки, чем быть казненной за то, что вы зашли слишком далеко.

– Я осторожна, Картир, – сказала она, пытаясь подбодрить его. И создатель знал: так оно и есть; ей нравилось, что король не убивает ее. – Но я дала Гассану то, чего он хотел, – добавила она с ноткой горечи, вкравшейся в ее голос. – Я ему не позволю лишить меня возможности исцелять моих пациентов.

Проход мимо надгробья Дары для обоих был скорбной минутой. За откинутой шторой виднелась латунная статуя всадника – воина-дэва, гордо приподнявшегося в стремени, чтобы прицелиться из лука в своих преследователей. Толстые свечи и лампы бросали рваные лучи на десятки подношений, лежащих у основания статуи. В храм не разрешалось вносить оружие, а потому сюда приносили маленькие керамические изделия, символизирующие церемониальное оружие, – главным образом стрелы.

Хотя надгробье Дары было одним из самых популярных, сейчас там не было его почитателей. Нари остановилась, не дав себе труда подумать, стоит ли это делать, и уставилась на громадную серебряную стрелу, висящую за статуей. Она подумала, копия ли это, или эта стрела была при нем во время земной жизни, или его пальцы сжимали ее, когда он натягивал тетиву.

«Да, может быть, он пользовался этой стрелой, чтобы убивать шафитов – таких, как ты». Уже почти четыре года прошло, а она все никак не могла примириться с этим человеком, который ворвался в ее жизнь, как снежный буран, и исчез из нее с таким же буйством. Она была абсолютно уверена: этот человек любил ее, и она могла когда-нибудь полюбить его в ответ, но он обманул ее доверие таким способом, что Нари не надеялась когда-нибудь оправиться от этого.

Картир откашлялся:

– Если вы хотите помолиться, то я посторожу, чтобы вам никто не мешал.

– Нет. – Нари уже пыталась помолиться здесь, но вскоре начала плакать и бросать обвинения статуе, это случилось в унижительный момент слабости утром перед ее свадьбой – она тогда в последний раз молила Дару вернуться и спасти ее. Ей тяжело далось знание о том, что единственный способ выживания для нее – это сдерживать эмоции и продолжать свое дело, будь то в Каире или в Дэвабаде.

Она отвернулась от надгробья:

– Мне нужно во дворец.

НАРИ КУПАЛАСЬ В НИЛЕ, прохладная вода под знойным солнцем была как бальзам. Вода в реке не двигалась, совершенно не двигалась, но Нари почти и не думала об этом. Когда ветерок шуршит в тростниках и насекомые гудят в кронах деревьев, все так мирно, что и в голову не приходит волноваться о чем-то таком, как неподвижная река.

Но этот запах. Он вызывал беспокойство, как раскаленный металл и подпаленные волосы. Она сморщила нос, но запах, по мере того как нагревалась вода, становился все хуже. Отвращение стало одолевать ее, она вытянулась, собираясь плыть назад.

Нари попробовала дотянуться рукой до илистого дна и не смогла, видимо, она заплывла далеко от берега. Она запаниковала и на мгновение ушла под воду с головой, вода попала ей в рот. Вынырнув, она выплюнула воду. Оказалось, что это не вода.

Это была кровь.

– Гульбахар!

Она повернулась на голос, но увидела только темную рептилию, вынырнувшую из реки.

Крокодил.

– Мама!

Нари попыталась спастись, она в отчаянии принялась бить руками и ногами по воде, а крокодил плыл к ней. Кровавая вода омывала его чешую, судя по которой эта тварь имела немалые размеры. А ее словно припечатали к месту, берег только все больше отдалялся от нее.

– МАМА!

Она почувствовала зубы у себя на щиколотке, но закричать не успела – ее утянуло под воду с головой.

– НАРИ? НАРИ, ПРОСНИСЬ!

Нари вздрогнула и проснулась. Она охнула, почувствовав холодный пот у себя на коже.

Над ней склонился Мунтадир.

– Ты не заболела? – спросил он, положив руку ей на плечо. – Ты плакала во сне и кричала на своем человеческом языке.

«Я кричала?» Нарі моргнула, подробности кошмара уже исчезали из ее памяти. Острые зубы и кровавая река. Ужас. Грубый и изматывающий, не похожий ни на что, мучившее ее прежде.

И имя. Там звучало какое-то имя, да?

Она вдруг поняла, что Мунтадир смотрит на нее.

– Я в порядке, – проговорила Нарі. Она стряхнула его руку, скинула с себя простыни, встала с кровати. Она пересекла комнату, и мраморный пол под ее

босыми ногами после ковра стал для нее отрезвлением. Она налила себе стакан воды из графина на маленьком столике. Ветерок играл с занавесками из льняной ткани, пахло сырой землей и жасмином. За дверь, ведущей на балкон, сад был абсолютно черен. До рассвета еще далеко, решила она.

Мунтадир снова заговорил с ней, голос его теперь звучал тихо.

– У меня они тоже случаются. Я говорю о кошмарах. О той ночи в лодке. Мне часто кажется, что, если бы я двигался побыстрее...

– Почему ты здесь? – Ее слова прозвучали грубее, чем ей хотелось бы, но Нари никогда не разговаривала с ним о той ночи.

Мунтадир вздрогнул, услышав ее тон, вскинул брови.

– Слушай, это просто оскорбительно.

Нари откашлялась, румянец слегка окрасил ее щеки.

– Я хочу сказать: почему ты все еще здесь?

– Я уснул. – Мунтадир пожал плечами. Он улегся на ее помятые простыни, засунул ладони под затылок, являя собой картину королевской лености. – Я не знал, что должен спешно убраться с кровати моей жены, как какой-нибудь широкоглазый любовник.

– Образ, с которым ты в некоторой степени знаком.

Он посмотрел на нее спокойным взглядом, кивнул, глядя на ее растрепанные волосы и помятую ночную рубашку.

– Я говорю на дивасти, Нари. Раньше ты определенно не возражала против моего присутствия.

На этот раз Нари даже не пыталась бороться с румянцем, но при этом проявила твердость.

– Хочешь, я тебя немного похвалю? Ты переспал с половиной Дэвабада. Я надеялась, что у тебя есть кое-какой опыт.

– Только ты можешь произнести это так оскорбительно. – Мунтадир поднялся с кровати, взял свою одежду. – Ты права – вероятно, лучше будет не засыпать рядом с тобой. Наверняка в записках твоей матери есть немало предложений, касающихся крови Кахтани.

– Ну, тогда не приходи больше, – сказала она, как отрезала. – У тебя наверняка найдется немало кроватей, в которых ты найдешь себе занятие.

Он был сражен этими словами.

– Боже мой, Нари, это же была шутка. Зачем ты цепляешься к каждому слову. – Он лениво подвязал свою изару. – И я уверен, что ты слышала, как мой отец сказал, что если я не воспользуюсь определенными частями моего тела,

чтобы сделать ему внука, то легко могу их лишиться за ненадобностью. – Его передернуло. – Так что я, пожалуй, буду продолжать визиты к тебе.

Нари ничего не ответила. Кошмар все еще не покидал ее, воспоминание, некий смысл, пытающийся дать о себе знать. Необъяснимо громадная пустота, разверстая в ее груди.

Мунтадир натянул на себя мантию, потом помедлил.

– Вообще-то, если уж на то пошло... – Он взял черную сумку, которую принес с собой – ту, которую предпочла не заметить Нарі, предположив, что там вино или бог знает что, придуманное для вечерних развлечений, на которые он собирался после визита к ней. – Я принес тебе кое-что. – Он показал на холодные угли в очаге; дэвабадские ночи были достаточно теплы для Нарі, а кроме мягкого света ее огнепоклоннического алтаря, ей ничего не было нужно, чтобы уснуть. – Ты не возражаешь?

Нари пожала плечами:

– Ну, если ты принес подарок, то я позволю тебе остаться.

Мунтадир присел у очага и щелчком пальцев заново зажег огонь.

– Знаешь, если бы ты состояла в королевской свите, то тебя за подобные разговоры могли бы обвинить в коррупции.

– Какое счастье, что мне мое место досталось по наследству.

Он сел в одно из уютных кресел перед огнем. Нарі села в противоположное, закинула ноги на мягкую скамеечку и уставилась на него, а Мунтадир тем временем вытащил из сумки нечто похожее на книгу больших размеров.

Она нахмурилась:

– Никак не думала, что ты умеешь читать.

– Да, я в курсе того, насколько ничтожным выгляжу в сравнении с твоим другом по переписке, в котором течет королевская кровь.

Нари мгновенно насторожилась:

– Я не знаю, о чем ты говоришь.

Мунтадир смерил ее уверенным взглядом:

– Я эмир Дэвабада. Неужели ты и вправду думаешь, что мимо меня мог пройти тот факт, что моей жене пишет письма другой мужчина.

Его ответ вызвал вспышку ярости у Нарі.

– Какой милый способ напомнить мне, что ты наводнил шпионами мои покои. Они наверняка люди талантливые и уже сообщили тебе, что эти письма немедленно сжигаются на моем алтарном огне?

– Не совсем чтобы немедленно, – возразил Мунтадир.

Нари опустила глаза. Ох уж этот Али с его глупыми письмами. Он начал писать ей после его отправки в гарнизон в Ам-Гезире. Писал он нечасто и, вероятно, подозревал, что его письма перехватят, а потому не решался писать о той ночи в лодке. Его письма были почти безличными рассуждениями (похожими на их дружбу поневоле), которые привлекали ее своей трогательной наивностью и остроумием. Описание древних руин, рассказы о местных целебных травах, всякие новости, какие доходили до него из соседнего Египта, истории про обитающих поблизости людей.

Это были вполне приземленные письма, но заканчивались все они одинаково – словами, написанными в приближенной транскрипции египетского диалекта, которому она его научила: «Мне бесконечно жаль. Молю господу, чтобы даровал тебе немного счастья».

Даже если бы ее не беспокоило, что ее мысли могут быть перехвачены, Нарі все равно не стала бы отвечать ему. Она не доверяла влечению своего сердца, которое все еще тянулось к Али – ее врагу во всех смыслах. Если бы не эта ее тяга, она, возможно, заметила бы, с каким спокойствием он ждал солдат в ту страшную ночь, и не стала бы молить его бежать вместе с Дарой и нею.

Нари скрестила руки на груди:

– Ты вроде бы говорил о подарке, а не допросе. Мы можем уже перейти к подарку?

Мунтадир закатил глаза, но протянул ей книгу в тканевой обертке. Нарі осторожно развернула подарок и на обложке книги увидела стилизованное изображение крылатого льва – шеду, символа ее семьи, – рычащего на восходящее солнце. На первой странице был изображен сад, знакомый ей в мучительно мельчайших подробностях, на следующей она увидела красивого всадника в седле.

– Это рисунки твоего дядюшки, – сказал Мунтадир. – Он, помимо всего прочего, был хорошим художником. В этом дворце немногие могут оценить искусство дэвов, но я всегда считал Рустама талантливым.

Он и в самом деле был талантлив. Нарі мало что понимала в живописи, но даже она видела искру, какую ее дядюшка умел разглядеть в том, что переносит на бумагу: мерцание украшений на ярком костюме танцовщицы, усталая сутулость старого ученого в окружении стеклянных фиалов.

– И где ты нашел это?

– У различных коллекционеров.

Нарі перевернула страницу на сад при лазарете и служанку шафитку с озорной улыбкой, служанка срывала листья с растения, в котором Нарі, к своему удивлению, узнала млюхю. Она вгляделась в неровные мазки кисти. Никогда она не имела ничего столь личного, столь драгоценного от своего дядюшки, которого никогда не видела. За беседкой была маленькая роща, где Рустам выращивал апельсины и редкие травы, и у нее возникло искушение

пойти туда с книгой прямо сейчас. Посидеть, никуда не спеша, там, где он провел столько времени. Ощутить хоть какую-то связь со своей исчезнувшей семьей.

Но она закрыла книгу – не хотела, чтобы муж видел в ней такую слабость. Мунтадир не отличался заботливостью, но при этом нельзя было сказать, что он человек недобрый, нет. Она подозревала, что жизнь, проведенная во дворце, где тебя холят и лелеют, как наследника мощного трона Кахтани, просто сформировала его человеком, который не думает о других. Она не могла себе представить, что он пришел к ней с таким подарком, не говоря уже о том, что потратил время на сбор разрозненных картин по одной.

Но она вполне могла представить себе другого человека, который сделал бы это... человека, который был бы счастлив, если бы Мунтадир все заслуги приписал себе.

– Я непременно поблагодарю Джамшида, как только его увижу.

Мунтадир вздохнул. Посмотрел на низкий столик между ними, его пальцы словно свела судорога, как если бы он захотел ухватить чашу с вином, чтобы выпить и избавиться от неприятного чувства.

– Тебе необязательно все время так накалять атмосферу, Нари.

– Что?

– То самое. Атмосферу между нами. Эта твоя выходка в сокровищнице. Ты же унизила меня дальше некуда. И ради чего? Я мог бы помочь тебе, если бы ты попросила.

– Бога ради. Будто ты не вытягиваешься в струнку при команде отца с такой же скоростью, как и все мы тут. И ты, уж конечно, ни мгновения не колебался, когда приказал страже схватить меня.

Мунтадир вздрогнул, выровнял дыхание и сказал:

– Я просто пытаюсь сказать, что наш брак необязательно должен быть таким невыносимым, каким ты пытаешься его сделать. Мы связаны этими узами навсегда, и ты это прекрасно знаешь.

– И ты принес мне это? Как предложение мира?

– А тебе это кажется невероятным? – Когда Нари посмотрела на него скептическим взглядом, он продолжил: – Я не жду какой-то выдающейся истории любви, но мы можем попытаться хотя бы не ненавидеть друг друга. Мы могли бы попытаться... добиться той цели, ради которой и состоялся наш брак.

Нари поежилась, смысл его нарочитых слов не оставлял места для сомнений, и показала рукой на помятые простыни.

– Мы сейчас и попытались.

– Зачатие у нас – дело не такое легкое, как у вас – у людей, – кротко сказал Мунтадир. – От одного раза в месяц не родится наследник, которого все так ждут.

«Наследник, которого все так ждут». Даже Нари, которая гордилась своим прагматизмом, которая знала, что характер их отношений целиком и полностью построен на сделке, не могла вынести такое откровенное напоминание о ее малозначимости.

– Я Бану Нахида Дэвабада, а не какая-нибудь племенная кобыла, – резко сказала она. – Можешь верить, можешь не верить, но у меня иногда есть и другие обязанности.

– Я знаю, Нари. Верь или не верь, но и я испытываю подобные чувства. – Мунтадир провел рукой по волосам. – Можно мне откровенно?

– Даже представить себе не могу, что может быть что-то более откровенное.

Эти слова вызвали у него подобие улыбки.

– Справедливо. Ну да ладно... Ничего не могу с собой поделать, но чувствую, что каждый раз, когда мы... пытаемся добиться истинной цели нашего брака, ты с каждым разом становишься все более отстраненной. Я не могу понять. Вначале мы еще разговаривали. Мы пытались. А теперь я не могу добиться от тебя ни одного неколючего слова.

Его слова ошеломили ее, как и тот факт, что они справедливы. В начале их супружества Мунтадир откровенно ухаживал за ней. Да, супружеских отношений между ними не было, но он настаивал на том, чтобы они делили кровать, хотя этот дележ и сводился к тому, что он за чашей вина пересказывал ей дворцовые сплетни. И, как это ни странно, Нари даже начала получать удовольствие от такого странного окончания своего дня. Их ночи, проведенные вместе, отвлекали ее от лазарета, а сплетни, доходившие до нее через Мунтадира, часто оказывались полезными, заполняли пробелы в ее политических знаниях. Мунтадир был неплохим рассказчиком, и Нари нередко не могла сдержаться – смеялась над нелепыми скандалами, происходившими между поэтами, которые наводили порчу на соперников, над знатными персонами с торговой жилкой, которых надували, продавая им мантии-невидимки, неминуемо терявшие свои свойства, когда их владельцев обнаруживали в кроватях джиннов, не связанных с ними супружескими узами.

Это было ухаживание, имевшее очевидную цель, и Мунтадир никогда не скрывал своих намерений. Он не спешил – массировал ее руки после тяжелой операции, потом переходил на шею, потом на икры. А тем временем слухи и нелцеприятные замечания становились невыносимыми; король заменил персонал в его и ее покоях, и теперь их слуги явно докладывали королю обо всех интимных подробностях их супружеской жизни. Или об отсутствии таковых. И вот год спустя после их свадьбы смесь любопытства, усталости и давления, подкрепленная немалой чашей вина, взяла верх над ней. Нари притушила огни, закрыла глаза и хриловатым голосом сказала Мунтадиру, чтобы делал свое дело.

И он подчинился... и ей понравилось. Притворяться, что ей не понравилось, не имело смысла. Она признала, что это был один из его исключительных

навыков. Но свершившаяся консумация их брака отравила – по каким причинам, она до сих пор не знала, – зарождавшуюся в ней тягу к нему. Потому что глубину той близости, что зарождалась в ней, Нари поняла, только когда было слишком поздно, а признаваться в своих чувствах к нему она не хотела.

– Понимаешь? – прервал вдруг Мунтадир ее мысли. – Ты вот прямо сейчас это и делаешь. Уходишь в свои мысли, вместо того чтобы говорить со мной.

Нари нахмурилась. Ей не нравилось, когда ее так легко расшифровывали.

Мунтадир потянулся к ее руке:

– То, что я тут сказал о моем отце и нежелании приходить в твою постель, было шуткой. Если тебе нужен перерыв...

– Мы не можем устроить перерыв, – пробормотала Нари. – Люди будут говорить.

И Гассан узнает. Король был решительным человеком и ничего не хотел так, как внука с кровью Нахид. У короля, видимо, есть слуга, который ведет дневник, куда записывает приходы Мунтадира и их продолжительность, есть и служанка, которая проверяет ее простыни. Это было нарушением ее частной жизни, и, когда Нари думала об этом, ей хотелось спалить этот дворец. Знать, что о чем-то столь личном сообщают человеку, которого она ненавидела сильнее, чем кого-нибудь другого в этом мире, человеку, который держал в своих руках ее жизнь и жизни всех, кто был ей дорог...

Вот почему Нари никак не могла проникнуться симпатией к Мунтадиру.

Потому что, несмотря на все слова, что она говорила себе (а она говорила, что согласилась на этот брак с Кахтани, чтобы использовать эту семью в своих интересах, что судьба любой женщины благородных кровей – быть выданной замуж в политических целях, что ее муж, по крайней мере, порядочен и красив и хочет, чтобы она была довольна), все эти убеждения тускнели перед одной неопровержимой истиной: ни она, ни Мунтадир не хотели этого брака. Нари для Кахтани была выгодным приобретением; она согласилась на этот брак, отдала свое тело, чтобы спасти свою жизнь, остановить истребление Гассаном ее народа. Если она откажет ему теперь, ей придется заплатить за это немалую цену.

– И что же ты хочешь тогда? – взмолился Мунтадир. В голосе его слышалось разочарование. – Поговори со мной. Чем можно облегчить твою жизнь?

«Моя жизнь ничто не в состоянии облегчить». Нари вытащила свою руку из его, провела пальцем по шеду, написанному ее дядюшкой. Неужели искусство было убежищем Рустама, способом облегчить свою жизнь пленника во дворце Гассана?

Искусство, плоды которого теперь сын Гассана принес единственному живому родственнику Рустама в надежде, что это побудит ее чаще исполнять супружеские обязанности.

– И какое же число тебя устроит? – спросила наконец Нари.

– Ты это о чем?

Она посмотрела в глаза Мунтадира и проговорила равнодушным голосом:

– Ты сказал, что тебя не удовлетворяет мое ограничение числа твоих попыток обзавестись наследником. Так сколько ночей в месяц ты бы предпочел?

– Нари, бога ради, ты же знаешь, я совсем не то...

– Не то? – Она снова постучала пальцами по картине. – Не скромничай, эмир. Ты ведь уже заплатил.

Мунтадир отпрянул от нее. Но прежде чем Нари успела почувствовать мимолетное сожаление – а слова, ею сказанные, были жестокими, – выражение злости затопило его лицо. Хорошо. Нари предпочитала злость уязвимости.

Он с яростью смотрел на нее:

– Ты не единственная, кто не хочет этого. Кто упустил возможность счастья с другим человеком.

– Наши с тобой ситуации даже отдаленно ничуть не схожи, – категорически сказала Нари, не в силах сохранять напускную отстраненность в голосе после такой инсинуации. Она понятия не имела, на кого он намекает, да это ее ничуть и не интересовало. Выносить ребенка для врага – этого ждали не от Мунтадира, а от нее. – И я больше не продолжаю этот разговор.

Он сжал губы в тонкую белую линию, но спорить не стал. Нет, он молча оделся, потом взял свою сумку.

– Можешь забрать книгу, если хочешь, – холодно сказала Нари, хотя эти слова дались ей убийственно трудно. – Я понимаю, эта книга не купила того, что тебе хотелось.

Мунтадир посмотрел на нее усталым взглядом:

– Эта книга принадлежит тебе. В ночь, когда я сжег нашу брачную маску, я сказал тебе, Нари: «Я не из таких». – Он вздохнул. – Знаешь, временами я думаю, что мы бы с тобой могли неплохо властвовать на пару. Хотя и не любили никогда друг друга. Но тебе и в самом деле нужно отдохнуть от меня.

– Мы не можем...

– Слухи я погашу, хорошо? Можешь верить, можешь не верить, но я знаю, как работают здешние механизмы. И я тебе обещаю: никакой опасности для тебя это не повлечет. Дай мне знать, когда будешь готова к моему следующему визиту.

От его неожиданной доброты и осознания важности их разговора у нее на глаза навернулись слезы. От важности всего этого дня. Дня, который начался для нее с пришедшей к ней мысли, что она на сей раз, может быть,

перехитрила Кахтани. Дня, когда она гордо стояла в Храме перед своим народом.

Дня, который завершился грубым напоминанием ей о том, насколько она на самом деле бессильна.

– Спасибо, эмир Мунтадир, – неловко проговорила она, вкладывая в свой голос максимум вежливости, на какую была способна. Было бы глупо отвергать столь мощного союзника, пусть и союзника поневоле. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Бану Нахида.

Али

Эти события происходят одновременно со временем действия «Медного королевства», несколько дней спустя после того, как Нари, Али и Зейнаб посетили храм дэвов. Спойлеры к двум первым книгам.

Али перевел взгляд с рисунка, лежащего у него на коленях, на сад при лазарете, потом постучал себя по подбородку карандашом.

– Может быть, еще одно дерево для тени. – Он сказал эти слова для себя самого, потому что в руинах полуразрушенной беседки сада больше никого не было. Там никогда никого не было. Деревянные резные колонны были вдоль и поперек настолько изъедены термитами, что большинство из них рухнуло, а остатки крыши удерживались только разросшимся в стороны фиговым деревом. А с переплетенными цветущими плетями ползучих растений, закрывавшими внутреннее пространство от посторонних глаз, и с крылатыми змеями, облюбовавшими этот укромный уголок для витья гнезд, прежняя беседка превращалась в идеальное место для бумажной работы – тут вас никто бы не побеспокоил, если вы не делали резких движений. Крылатые змеи выходили из гнезд только по ночам, но это не означало, что им нравилось, когда их сон нарушали в дневное время.

В любом случае беседка была удобным местом, если тебе хотелось побыть одному.

– Самоуверенный, заносчивый осел...

Облаченная в одеяние пурпурного цвета фигура продралась сквозь заросли плетей, оттянула ветку дерева и отпустила ее в направлении аккуратной

стопки доработанных контрактов на старой каменной скамье, куда их уложил Али.

У Али была доля секунды на то, чтобы решить, что делать: то ли спасать контракты, то ли защищаться от неожиданного гостя – решение, которое после нескольких лет охоты на него ассасинов должно было стать инстинктивным, – а потому он, не раздумывая, бросился спасать бумаги, проехался по каменистой земле на голеньях и упал на листы, прежде чем они улетели в сырой кустарник.

– Ализейд, господи боже мой. – Это была Нари. – Ты хочешь, чтобы я умерла от разрыва сердца – выскакиваешь из кустов, как сумасшедший?

Али поднялся на ноги, но голову опустил, чтобы не зарыться ею в лиственную крышу беседки.

– И это говорит женщина, которая прибежала сюда так, словно ее преследовал волшебный зверь. – Он нахмурился, отметил ее раскрасневшиеся щеки, сбившуюся косынку. – Постой... за тобой и вправду гонится какой-то волшебный зверь.

Лицо Нари потемнело.

– Хуже. Каве.

Али вздрогнул:

– Он все еще здесь?

– Нет, я думаю, это планировалось как неожиданный визит. Он, вероятно, надеялся застать меня за каким-нибудь скандальным занятием с шафитом, например, за разговором на равных или за обменом добрыми словами. Ты не возражаешь, если я присяду? – Она вздохнула, показывая на скамью. – Мне нужно перевести дыхание и не видеть никого несколько минут.

Али принялся собирать свои вещи:

– Конечно. Это же твой лазарет.

Нари махнула на него рукой:

– Ты можешь остаться. Ты не в счет.

Али не был уверен, комплимент это или оскорбление.

– Ты уверена?

– Да. Только... Господи боже, ты с такой силой бросился на землю? Смотри – твоя кровь тут повсюду!

Али посмотрел на свои ноги, увидел кровь, просачивающуюся через одежду. Вот, значит, почему ноги у него так саднят.

– Ничего страшного – всего лишь царапина.

Но Нари уже поднималась со скамьи. Она взяла бумаги из его рук и подтолкнула его к противоположной скамье.

– Всего царапина... спаси меня от гордыни идиотов-мужчин. Закатывай штаны.

Али, немного смущаясь, все же подчинился. И тут он понял, что кожи на его ногах от щиколоток до коленей нет и кровь стекает в его сандалии.

– Ой.

– И в самом деле «ой». – Нари закатила глаза, а потом с легкостью профессионала, который делает такие вещи каждый день, крепко ухватила его за икры. Али подпрыгнул от ее прикосновения.

Она подняла голову:

– Больно? Переломов никаких у тебя вроде бы нет.

– Нет, – выдавил из себя Али, а дождь в это время принялся чаще молотить по крыше беседки в такт с его колотящимся сердцем. У нее были такие мягкие руки. – У меня все в порядке.

– Это хорошо. – Нари закрыла глаза, и прохладная волна прошла по телу Али – он словно погрузил ноги в пруд с ледяной водой. Его пробрала дрожь, когда он смотрел, как зачарованный, и на его глазах кровотечение прекратилось, и ободранные места стали затягиваться новой кожей. Через секунды кожа на его голених восстановилась так, словно ничего и не случилось.

– Хвала господу, – выдохнул он. – Ты, наверно, устаеть от созерцания таких вещей.

– Потомственная обязанность иногда доставляет удовольствие. Так лучше?

– Да, – ответил он. – Спасибо.

– Добавь и это к тем долгам, что уже за тобой. – Нари отпустила его икры. – Надеюсь, твои бумаги того стоили.

Али выкинул свои сандалии из беседки в надежде, что, когда придет время их снова надеть, дождь вымоет из них кровь.

– Если бы я их не спас, то их бы пришлось перечитывать и аннотировать заново, так что оно того стоило. Ты не знала, что люди умудряются вставлять в контракты настоящие проклятия в адрес строителей-конкурентов?

– Нет, не знала.

– И я тоже не знал. Теперь все приходится перечитывать дважды.

– По мне, так скучное занятие.

Али пожал плечами:

– Я не против того, чтобы поскучать время от времени. Это в некоторой степени компенсирует постоянное соприкосновение со смертью.

Нари фыркнула, прислонилась спиной к фиговому дереву. Она закрыла глаза, на ее лице промелькнула улыбка.

– Надеюсь, что так.

Больше она ничего не сказала, словно довольствуясь возможностью отдохнуть. Невзирая на ее разрешение оставаться в беседке, Али сомневался. Лучше ему, вероятно, было уйти. Пять лет назад он настоял бы на этом. Ситуация со слухами в городе стала еще хуже, Али мог только представить себе, как развяжутся языки, если тщеславного младшего брата эмира Мунтадира увидят в уединенном месте в саду с эмирской женой. Дэвабад жил ради таких сплетен.

А некоторые за такие сплетни умирали.

Но Нарі просила его остаться. И этот разговор был самым теплым между ними, по крайней мере, наименее колючим, чем все остальные после той страшной ночи на озере. И сейчас этот разговор стал казаться ему быстротечным и драгоценным, а потому он понял, как ему не хватало такого общения.

И Али остался. Он вернулся на прежнее место на противоположной скамье и достал свой рисунок. К счастью, рисунок не намок, когда упал на землю, и Али вернулся к работе, пытаясь понять, как растения и деревья смогут наилучшим образом заполнить это пространство. Дождь усилился, капли воды стучали по листьям, как музыка, а влажный воздух был насыщен водой и нес в себе запах цветов и намокшей земли. Все вокруг было чрезвычайно, почти гипнотически мирным. И, как это ни странно, ему было приятно чувствовать рядом Нарі, и молчание между ними было ничуть не напряженным.

Напротив, оно было настолько свободным, что он даже потерял счет времени и не знал, сколько его прошло, когда Нарі снова заговорила.

– Что ты рисуешь?

Не отрывая глаз от рисунка, Али сказал:

– Просто планирую, что посадить в саду.

– Тебя в Цитадели учили садоводству?

– В Цитадели я узнал о растениях самое главное – если тебе нужно выпрыгнуть из окна, то не приземляйся в колючие кусты. Садоводство, фермерство... с этим я познакомился в Бир-Набате.

Нарі нахмурилась:

– Я думала, тебя послали туда возглавить гарнизон.

Ах да, старая ложь его отца.

– Не совсем, – ответил Али, не желая сейчас касаться некрасивых семейных тайн. – Бир-Набат построен на руинах человеческого оазисного городка, и я пытался восстановить их ирригационные системы. Можешь мне поверить... в последние несколько лет я больше времени проводил, думая о растениях и урожаях, чем о методах обучения Цитадели.

– Фермер Ализейд аль-Кахтани. – Нари снова улыбнулась. – Ох, непросто мне это представить.

– Уже скорее каналокопатель Ализейд аль-Кахтани. Светская жизнь, о которой мечтает каждый принц.

Она продолжала разглядывать его.

– Но тебе ведь там нравилось.

Али почувствовал, что улыбка сходит с его лица.

– Да.

– Ты хочешь вернуться?

«Я не знаю». Али отвернулся. Ее темные глаза смотрели на него оценивающим взглядом, чрезмерно оценивающим. Может быть, Нари считает его беспробудным лжецом, но Али знал, что он не лжец, в особенности когда дело касалось Нари.

Однако вопрос остался без ответа. Если откровенно... Али не знал. Сама идея о возможности выбора была ему совершенно чужда. Людям вроде Али никогда не позволялось самим принимать решения такого рода.

– Я хочу того, что будет наилучшим решением для моей семьи, – сказал он наконец.

После этих его слов наступило долгое молчание, единственный звук производили капли дождя, падающие с листьев. Али был готов поклясться, что он чувствует тяжесть взгляда Нари, но она не стала осуждать его за уклончивый ответ или реагировать на него саркастическим замечанием.

– Вероятно, в этом месте опасно заявлять о своих желаниях, – пробормотала она.

– Да, – без лишних слов согласился он.

– Дай-ка я посмотрю. – Она выхватила листок и рук Али и подтолкнула его локтем подальше по скамье, чтобы освободить место для себя.

– Художник из меня никакой, – проговорил он.

– Это верно. Но мне все понятно. – Она наклонила лист к нему. – Целительные травы? – спросила она, вслух читая арабскую подпись.

– Я понимаю, что сад в первую очередь для отдыха... ну, для твоих пациентов, чтобы они могли расслабиться. – Али показал на свой рисунок кипариса. – А потому мы посадим кучу деревьев для тени, цветы, поставим качели, кресла... построим новый фонтан. Но если у нас будет место, то мы сможем посадить и какие-нибудь целебные растения для твоих нужд. Тут есть подходящее местечко для травяной клумбы.

– Это называется практичностью гезири. – Нари склонилась над листом пергамента между ними. Она была теперь так близко от Али, что он видел блеск влаги на ее лице. Несколько прядок волос выбились из-под косынки и прилипли к влажной коже. Он резко втянул в себя воздух, поймал запах кедровой золы, который она подвела брови, жасмина, вплетенного в ее волосы.

Она подняла взгляд на звук его дыхания. Их взгляды встретились, и тут она, казалось, вспыхнула, на ее лице появилось смущенное выражение – а он и не подозревал, что всегда уверенная в себе Бану Нахида может смущаться.

Она поспешила откашляться:

– Это апельсиновое дерево?

– Что?... Апельсиновое... да, – пробормотал, запинаясь, Али, который еще не пришел в себя от близости к ней. – Я подумал, мы могли бы перенести сюда саженец из рощи твоего дядюшки в дворцовом саду. Или какое-нибудь другое дерево, – добавил он. Думать было трудно, когда Нари так внимательно смотрела на него. – Лимон или лайм – что угодно, тебе решать.

– Нет... апельсин подойдет идеально. – Нари задумалась на мгновение. – Как это предусмотрительно с твоей стороны.

Али, чувствуя себя глуповато, потер свой затылок:

– Тебе вроде бы нравилось.

– Конечно, мне нравится. Его корни колотят незваных гостей по задницам. – Теперь она улыбнулась ему с большей теплотой, ее глаза смотрели на него озорным взглядом, отчего сердце у него забилось сильнее. – Я бы никогда не подумала, что и у тебя такие же приятные воспоминания.

Аллюзия на их злосчастное воссоединение не прошла мимо него.

– Мне не следовало быть там, куда меня не приглашали, – сказал как можно дипломатичнее Али.

– Я смотрю, ты мудреешь на глазах, – сказала Нари, возвращая ему рисунок. – Может быть, мне удастся обмануть Каве – уговорить его прийти в мою апельсиновую рощу, а там его проглотит земля.

– Что – его визит был так плох?

Нари нахмурилась:

– Ненавижу его манеру говорить со мной... многие из них так говорят. Будто я это полудикое дитя, а им нужно меня очистить и защитить. Люди вроде Каве предпочли бы, чтобы я была безмолвной иконой, которую они могли бы почитать, а не лидером, реально бросающим им вызов. Меня это бесит.

– Я не думаю, что у них на уме мысли о том, как понадежнее тебя защитить, – сказал Али, вспоминая их посещение Храма и ужас, потрясший священников и Каве, когда Нари сообщила им о своем плане. – Я думаю, они боятся. Я думаю, ты не только бросаешь им вызов, ты делаешь нечто большее.

– И что ты имеешь в виду?

– Ты пристыживаешь их.

– Каким образом? Я на каждом дурацком повороте проявляю дипломатичность!

– Да-да, ты и твоя знаменитая дипломатичность. Ты так дипломатично пришла в храм дэвов и так дипломатично закрыла страницу многовековых заблуждений касательно шафитов. Тех заблуждений, которые долго лелеют, чтобы иметь возможность смотреть на других свысока и в то же время считать себя праведниками. Люди плохо относятся к такой дипломатичности, – сказал Али, вспоминая найденные ими кости убитых целителей Нахид в развалинах аптеки. У него и его народа была своя история, с которой нужно считаться.

На несколько мгновений его слова повисли в воздухе. Но потом Нари самым невозмутимым и саркастическим тоном, какой он слышал, сказала:

– Ты, я смотрю, и в самом деле набрался религиозности в Ам-Гезире, да? Той религиозности, которой набираются голосослушанием и пустынехождением?

– Я пытаюсь помочь. Ты ведь это понимаешь?

– Понимаю. – Она вздохнула и, невзирая на мимолетное смущение, недавно испытанное ими обоими, пододвинулась к нему еще ближе, села, подтянув колени к груди, стряхнула капли воды со своей чадры на поросшую мхом влажную землю. – Кстати, этот дождь – твоих рук дело?

От этого неожиданного вопроса у него мурашки страха побежали по телу.

– Нет, конечно.

– Жаль. – Нари посмотрела на него, и в ее темных глазах он не увидел ни обвинения, ни шутовщины. Ничего, кроме ужасной, ужасной усталости. – Я думала, может, ты продлишь его еще на несколько дней.

В этот момент Али отчаянно пожалел, что плохо подбирал слова. Ему хотелось сказать что-нибудь, чтобы горечь ушла с ее лица.

– Еще немного дождя – и эта крыша рухнет, – сказал он, пытаясь говорить шутивным тоном. – И ты застрянешь здесь со мной.

Она натянуто улыбнулась ему еще раз и толкнула его плечом.

– Ты не всегда плох. Даже если и говоришь, как по пятницам говорит взмыленный до крайности проповедник.

– Ты мне позволишь снова поговорить, как усталому проповеднику? – Когда Нари кивнула, Али продолжил: – Ты должна гордиться. Это лазарет, приглашение сюда врачей-шафитов, невзирая на протесты твоих священников... это очень смело. Ты здесь творишь чудеса. Не позволяй другим принижать тебя, они пытаются это сделать, чтобы казаться лучше.

Нари уставилась на него. Он не мог прочесть по ее глазам, какие эмоции бушуют в ней, но потом она выдохнула, словно часть груза сняли с ее плеч.

– Спасибо. Приятно слышать, что кто-то не считает меня наивной дурочкой только потому, что я хочу подружить шафитов и дэвов.

– Мы, взмыленные до крайности пятничные проповедники, известны нашей мудростью. Иногда.

Они снова замолкли на некоторое время. Она устроилась на скамье так, что ее плечо чуть касалось его, и, когда она посмотрела на задумчивую плетями крышу беседки, Али проследил направление ее взгляда.

– Как ты думаешь, она выдержит плоды? – спросила она.

Али не понял: то ли это метафора, то ли попытка переменить тему.

– Я не уверен.

– Я думала, ты теперь фермер.

– Каналокопатель. Другая специализация.

– Да, я забыла. Прости мне эту прискорбную ошибку – постановку неправильного диагноза желанию твоего сердца.

– А что насчет твоего сердца? – спросил Али, поглядывая на нее сверху вниз. – Я признался в моем предпочтении пахать и сеять королевским обязанностям. Чем бы занималась ты, если бы не была Бану Нахидой? Только не говори, что доктором или аптекарем. Это жульничество.

– А мне нравится жульничать. – Нари пожала плечами. – Не знаю... Никогда об этом не думала.

– Ты никогда не фантазировала – не представляла себя кем-то другим?

– Не люблю мечтать. Это настраивает на разочарование.

– Это самое гнетущее, что я слышал в жизни, а у меня в шесть лет был шейх, который провел целый год, описывая все возможные наказания в загробном мире. Брось ты, – попытался Али воодушевить ее. – И потом, это не мечты. Это фантазии, которые, как заранее известно, никогда не сбудутся. Отвлечения. Неужели ты не воображала себя сочинителем од вину, – продолжал поддразнивать ее Али, предлагая самые далекие от Нари вещи,

какие мог изобрести. – Дрессировщиком симургов. Самым терпеливым писарем моего отца.

Нари хлопнула в ладоши:

– Я бы предпочла отравиться. М-м-м, если бы я не смогла стать доктором... тогда, может, книгопродавцем.

– Книгопродавцем?

– Да, – ответила она более уверенным тоном. – Я думаю, мне бы нравилось вести собственный бизнес. Я люблю говорить с людьми, я люблю книги, а самое главное, я люблю убеждать клиентов расставаться со своими денежками. А ты можешь себе представить, что значит иметь множество книг? Иметь возможность читать все, что пожелает твоя душа, и каждый день заполнять свои мозги новой информацией?

Али ухмыльнулся:

– Да, я помню, как тебе хотелось взять в библиотеке все книги разом.

– Извини меня, но ведь это не я поплатилась за свое любопытство, ударившись лбом о стену.

Он зарделся, вспомнив их поход в библиотечные катакомбы.

– Больно было ужасно, – признался он. – Я пытался делать вид, что все в порядке, что ничего не случилось, но у меня все время искры из глаз сыпались.

Нари рассмеялась. Смех у нее был искренний, от души, не похожий на ее обычные издевательские насмешки. Али не помнил, когда в последний раз слышал его. Ему хотелось поймать этот смех, запомнить, как улыбка освещает ее лицо, и хранить это как можно дольше и в реальности, и в воспоминаниях.

Но улыбка уже тускнела на ее лице.

– Мне очень нравились те деньки, – призналась она, и в ее голосе ему послышалась какая-то боль. – Чувства так меня переполняли, когда я добралась в Дэвабада. Всеобщие надежды, политика, которую я не понимала, – это впечатляло. Хорошо было исчезать на два-три часа в день. Поговорить на арабском, получить ответы на вопросы так, чтобы ты не думал обо мне, как о невеже. – Она посмотрела на свои руки. – Приятно было думать, что у меня есть друг.

Все шутки с поддевками, которые были у него на языке, как ветром сдуло.

– Мы могли бы снова стать друзьями? Или не друзьями! – поправился он, когда выражение лица Нары опечалилось еще больше. – Просто двумя людьми, которые время от времени случайно встречаются в одной очень опасной беседке, чтобы пофантазировать о разных жизнях, которыми они могли бы жить.

Она, не дав ему закончить, начала отрицательно покачивать головой.

– Не думаю, что это хорошая идея, Али.

«Али». Нари впервые назвала его так после его возвращения в Дэвабад.

– Это все из-за той ночи в лодке? – спросил он. – Извини. Я не...

Нари взяла его за руку. Сплела свои пальцы с его, и Али мгновенно замолчал. Он мигом перевел взгляд на ее лицо, но она разглядывала свои колени, словно избегая смотреть на него. Правда, он все равно отметил, что горькое выражение мелькнуло на ее лице, эхо одиночества, которое, казалось, цепляется за ее лицо, словно тень.

– Дело не в той ночи на лодке, – сказала она наконец. – Дело в том, что это... это кажется таким легким. И я могла бы совершить ошибку. А я не могу. Больше не могу.

Али открыл было рот и тут же закрыл его.

– Я... я не понимаю.

Она вздохнула:

– Это вроде того, что я говорила раньше: ты будешь делать то, что лучше для твоей семьи. Я буду исходить из интересов дэвов. И если когда-нибудь наступит время, когда кому-нибудь из нас придется делать выбор... – Нари поймала его взгляд, и печаль в ее темных глазах пронзила Али до глубины души. – Я думаю, было бы лучше, если бы мы не были друзьями.

Нари отпустила его руку. Али молчал, а она встала со скамьи, аккуратно накинута чадру на голову и теперь опять предстала перед ним в том облачении, которого требовали ее обязанности. Ему почти хотелось возразить ей, но Нари, как это и было ей свойственно, уже расставила все точки в их разговоре.

– Могу я чем-нибудь помочь тебе? – спросил Али; его сердце разрывалось от боли за нее. – Это так мучительно – видеть тебя такой несчастной.

– Укради меня отсюда контрабандой, если отец позволит тебе уехать. – Это прозвучало, как шутка, но он слышал нотки отчаяния в ее голосе. – Хороший книготорговец наверняка пригодится в Бир-Набате.

Али вымучил улыбку, хотя отчаяние охватывало его.

– Буду иметь в виду, что нужно будет захватить один дополнительный чемоданчик размером с Бану Нахиду.

– Буду тебе очень благодарна. – Нари направились было к выходу из беседки, отодвигая ветви на своем пути. – Хотя постой... ты мог бы сделать для меня одну вещь. Но только если это не составит тебе труда. Поскольку ты и так уже планируешь сад.

– И что это за вещь? – спросил он. Она повернулась к нему не полностью, и он лишь частично видел ее профиль, хотя чадра закрывала щеку.

Голос ее звучал неуверенно, смущенно.

– На холмах растут такие маленькие пурпурные цветы. Я никогда не видела их вблизи... Твой отец не позволяет мне выходить за городские стены. Но ты знаешь, о чем я говорю.

Али с удивлением понял, что знает:

– Я думаю, их называют ирисы.

– А мы можем посадить их здесь? – спросила Нари. – Они одними из первых расцветают весной, а их вид всегда вселяет в меня надежду.

– Тогда я посажу их повсюду, – автоматически сказал Али. Но, поняв, что его слова прозвучали, как некая торжественная клятва, он поспешил добавить: – В любом случае попробую.

Подобие того, что, возможно, было улыбкой, изогнуло ее губы.

Али провожал взглядом Нари, которая возвращалась в лазарет, продираясь через лозы. Он хранил молчание, хотя на язык ему просились с дюжину еще не сформулированных толком предложений, путаница чувств и эмоций, которую он был не в силах расплести.

А потому он беззвучно привел в действие свой маридский магический дар, наличие которого у себя только что отрицал, и осторожно прекратил дождь, прежде чем его капли коснулись ее головы.

Зейнаб

Эти события происходят сразу же по окончании действия «Медного королевства». Спойлеры к двум первым книгам.

– Такой? – спросил Али, низко опуская голову, чтобы она могла обследовать его тюрбан.

– Нет, не такой. Дай-ка я... – Зейнаб быстро перемотала тюрбан. Легкая, как перо, ткань безропотно подчинялась ее рукам. – Тебе нужно, чтобы складки были жестче. И тебе понадобятся ювелирные украшения.

Она отвернулась и из груды, лежащей на ее кровати, выбрала два украшения.

Али скорчил гримасу, когда она надела ему на шею жемчужные бусы.

– Если бы я не знал, как оно на самом деле, то сказал бы, что ты получаешь от этого удовольствие.

– Мне нравится. Я словно опять играю с куклами, а за тобой теперь будет должок.

Зейнаб взяла поднос с благовониями, принялась раскачивать его над головой брата, чтобы аромат впитался в его одежду.

– Я упомянул это все в части «на скорую руку», да?

– Особы королевских кровей не очень заботятся о пунктуальности. – Она надела серебряное колечко ему на палец. – Розовый алмаз для Та-Нтри. Будь ты поумнее, младший братик, так ты бы постарался, чтобы хотя бы один элемент твоей ежедневной одежды был нтафрановый. Напоминал бы людям, что в тебе течет кровь двух влиятельных семей.

– Зейнаб, за всю мою жизнь не было и дня, чтобы кто-нибудь не напоминал мне о том, что я аяанле. Обычно это делалось в грубоватой форме. – Али сделал шаг назад и выпрямился. – Ну, и как я выгляжу?

Зейнаб моргнула. Да, это она была автором плана похищения церемониальных одеяний Мунтадира в отчаянной попытке в последнюю минуту не допустить срыва встречи Нары со священниками Храма, и все же вид ее брата в королевских одеяниях по-прежнему поражал ее. В высоком импозантном мужчине, стоявшем перед ней сейчас, не было почти ничего от болтливой мальчишки, который обычно тащился за ней по саду гарема. С помощью одной из своих горничных она волшебным образом удлинила черную мантию, и теперь подол доходил Али до щиколоток. В цветах рода Кахтани вид у него был поразительный, пурпурные и золотистые узоры переплетались между собой. Он по-прежнему носил зульфикар и ханджар – убийственные клинки с потертыми рукоятками резко контрастировали с его пышным убранством, которое выделяло их еще сильнее.

– Ты похож на настоящего короля, – тихо сказала Зейнаб, ее сердце покалывало, как и всегда, когда ее чувства разрывались между двумя братьями. Это было непросто. Она любила Мунтадира и желала ему всего лучшего. Но к ней всю ее жизнь звать и гезири, и аяанле относилась как к немного «другой», Зейнаб не могла отрицать той яростной гордости, которая горела в ней, когда она видела аяанле, одетого королем. – Только ты уж постарайся никогда в таком виде не попадаться на глаза Амма, – предупредила она его. – У нее от этого в голове могут родиться очень опасные идеи.

Али пробрала дрожь.

– Ты даже шутить так брось. Она слышит все. – Он провел рукой по своей бороде. – Как ты думаешь, что-нибудь из этого получится?

– У тебя есть какие-нибудь другие идеи?

– Я мог бы пообещать Диру, что снова прыгну в озеро, если он пойдет в Храм.

Зейнаб хлопнула его по плечу:

– Не смей так шутить. – Она показала на горку принесенных им свитков. Али и бумажная работа в последнее время были неразлучны. – Тебе все это нужно?

– Али перебрал свитки.

– Может быть, некоторые из основополагающих планов... впрочем, священники с большинством из этих планов уже знакомы. – Он сунул один из свитков под мышку. – Господи, надеюсь, все получится. Я больше не могу ее подводить.

«Не могу больше ЕЕ подводить». Не лазарет. Нарі. Заметил ли Али, что проговорился, подумала Зейнаб. Ее бестолковый братишка даже не представляет, на какую опасную дорожку он ступает.

Она взяла его под другую руку.

– Все будет хорошо, – пообещала она. – А теперь идем. Нам еще нужно украсть Мунтадинова коня.

НОВЫЙ УКОЛ БОЛИ ВЕРНУЛ ЗЕЙНАБ В НАСТОЯЩЕЕ, ее воспоминания об Али померкли. Она вздрогнула и проскрежетала:

– Ну, ты уже почти закончила?

– Нет, – ответила врач-шафитка. Субха, вспомнила Зейнаб ее имя. – Сидите спокойно.

– Ты не скажешь, сколько еще...

– Вам нужно перестать говорить...

– Это тебе нужно перестать говорить. – Зейнаб была потрясена тем, что ее так грубо прервали, но доктор ни на мгновение не приостановила свою работу.

– У вас повреждено горло, ему требуется отдых. Когда вы в следующий раз соберетесь кричать на весь город, сначала выпейте немного теплого оливкового масла.

Зейнаб задумалась о словах «кричать на весь город» – описывать таким образом адресованное дэвабадским гезири предупреждение о том, что их может убить их собственная реликвия, представлялось ей банальностью, но она слишком устала и была к тому же сражена горем, чтобы вступать в спор. А потому она только скорчила гримасу и постаралась не шевелиться, пока Субха накладывала лубок на ее запястье. Боль отдавалась во всем ее теле.

Зейнаб считала себя опытным наездником; она едва ходить научилась, а Мунтадир уже начал приучать ее к седлу. Но прошлым вечером она получила жестокий урок, узнав, что одно дело – скакать рысцей по персональным тропинкам в дворцовом саду и совсем другое – мчаться бешеным галопом по Дэвабаду, уворачиваясь от бегущих джиннов и стонающих гулей, одновременно выкрикивая остережения для всех гезири, находящихся в пределах слышимости.

Но урок того стоил. К тому времени, когда смертоубийственные медные пары, двигающиеся, как голодный зловредный туман, накрыли Квартал гезири, ее народ был уже готов: реликвии были удалены со своих привычных мест и спрятаны. Пусть Зейнаб посадила свой голос и теперь долго еще не сможет подходить к лошадям, но она и Акиса спасли тысячи жизней. Они были героями.

Но Зейнаб не чувствовала себя героем. Герои не увлекают своих младших братьев в город, где те встречают смерть, которую по большому счету могли избежать. И опять воспоминание об Али в королевском одеянии возвращалось к Зейнаб. Он ведь уже приспособился жить в Ам-Гезире. Он был там счастлив.

А теперь он, скорее всего, мертв. Потому что Зейнаб и Акиса выполнили только первую часть своей миссии. Да, они должны были предупредить обитателей квартала Гезири об опасности, надвигающейся на них. Но после этого они должны были поспешить в Цитадель. Чтобы предупредить Али и офицеров, присоединившихся к его бунту, о том, что переворот похуже уже произошел и, чтобы спасти ситуацию, им нужна армия – грозная Королевская гвардия Дэвабада, тысячи ее хорошо вооруженных, хорошо подготовленных солдат.

Когда они прискакали туда, никакой Цитадели уже не было. Глазам Зейнаб и Акисы предстала сцена из ада: могучей крепости Зейди аль-Кахтани – первого места, построенного ее семьей в Дэвабаде, и последнего, где видели Али, – более не существовало. Ее массивная башня была лишена опор, разбита и сброшена в озеро. Остальное выглядело немногим лучше. Все было превращено в груды обломков, а от дворов остались ямы, наполненные непонятным месивом, все было иссечено траншеями, наполненными водой и кровью, словно какое-то громадное животное разодрало здесь землю своими когтистыми лапами.

И мертвые тела. Столько тел, что Зейнаб и счесть не могла. Искалеченных, утопленных, разорванных на части – окровавленные лоскуты их солдатской формы были единственным маркером, по которому можно было догадаться, что когда-то они были живыми людьми. Часть тел была погребена под руинами, часть лежала на мокром песке, часть плавала в озере, часть была придавлена рухнувшей башней. Десятки явно были сожраны живьем, останки гулей лежали в сплетении их переломанных конечностей.

Зейнаб вскрикнула. Она подскочила к яме, выкрикивая имя Али. Но, словно отвечая на ее скорбь, землетрясение взорвало остров. Лошадь испугалась и сбросила Зейнаб. Зейнаб неудачно приземлилась и сломала запястье. В окружении сотрясающихся зданий, впавших в панику людей и падающих обломков она попыталась отползти куда-нибудь в убежище. Но все же по пути она успела увидеть, как раскалывается само небо, та материя, которая

отделяла их королевство от человеческого мира. Когда небо исчезло, оно забрало с собой магические огни джиннов, откапывавших выживших. Забрало и колдовские летающие ковры, с помощью которых транспортировали раненых. И когда исчезла вся дэвабадская магия, вот тогда начался настоящий крик.

К тому времени Акиса добралась до Зейнаб и поставила ее на ноги, потом усадила ее на лошадь, и они поспешили в лазарет.

– Если ты попытаешься бежать, я тебя прикую цепью, – предупредила Акиса Зейнаб, оставляя ее на попечение Субхи. – Я пойду искать твоего брата. Тебе это видеть необязательно.

Зейнаб пребывала в ступоре от боли и потрясения, а потому только после ухода Акисы поняла смысл сказанных ею слов.

Акиса не рассчитывала найти Али живым.

С того времени прошло несколько часов. Квадрат неба, видимый в окне, побледнел ранней утренней голубизной, алый цвет рассвета исчез. Но если рассвет остался позади...

На предрассветную молитву никто никого не созывал. От этой мысли ей стало нехорошо. Ни одного такого случая Зейнаб за всю свою жизнь не могла вспомнить. Впрочем, и она сама сейчас не была способна ни на какую молитву. Если бы она попыталась сейчас воззвать к господу, то начала бы рыдать и не смогла бы остановиться.

«Амма, ты мне нужна. Мне нужен Абба. Мне нужны мои братья».

Но никто из тех, кого она вспоминала, не отзывался, и Зейнаб набрала в грудь побольше воздуха, пытаясь успокоиться.

– Были какие-нибудь известия из дворца?

Врач отрицательно покачала головой:

– Все, что я слышала, – сплошное безумие. Люди кричат, что новый Сулейман пришел, чтобы отобрать у нас нашу магию и обрушить на нас гнев создателя.

– Ты в это веришь?

– Нет. – Субха посмотрела на нее темным взглядом. – Я думаю, боги давно умыли руки, забыли об этом месте.

Движение в дверях привлекло ее внимание, она посмотрела в ту сторону и увидела входящую Акису. Если она и почувствовала какое-то облегчение при виде Акисы, то оно было мимолетным. Акиса вся была в крови, а лицо ее стало пепельно-серым.

– Акиса! – Зейнаб дернулась было, собираясь броситься к Акисе, но боль в руке напомнила ей, что Субха еще не закончила накладывать лубок. – Помогите ей! Она ранена!

– Я не ранена. Это не моя кровь, – хриплым голосом возразила Акиса. Если она и была цела, то ее состояние оставляло желать лучшего. Она с трудом вошла и тяжело прислонилась к стене, ее убийственное изящество исчезло. Вид у нее был загнанный, Зейнаб даже не представляла, что ее горделиво резкая, казавшаяся бесстрашной подруга может так выглядеть.

– Ты нашла его, – с разбитым сердцем сказала она.

Акиса в ответ с трудом отрицательно покачала головой:

– Не Али. Я нашла Любайда. Его убил какой-то ифрит. – Слезы сверкнули в ее серых глазах. – Убил его ударом топора в спину. Вот ведь дурак. Ну, не должен он был погибнуть от руки ифрита.

Любайд. Говорливый друг Али с медвежьим сложением и повадками, еще один джинн, который оказался в Дэвабаде вследствие махинации Зейнаб.

– Прости меня, Акиса. Я так виновата.

Акиса отмахнулась от нее:

– Ты не виновата. Никто из нас не виноват.

Субха закончила накладывать лубок на запястье Зейнаб, в воздухе висел запах лайма и гипса.

– Любайд был добрым, – тихо сказала Субха. – Я часто выпроваживала его из лазарета за курение, но он всегда был таким нежным с детьми рабочих.

– Я убью существо, которое сделало это. Господом клянусь. – Акиса отерла глаза, потом рвано вздохнула. – Зейнаб, твой брат... Я говорила с выжившими, которых сумела найти. Они все говорят одно. Тот ифрит, который убил Любайда... он забрал и Ализейда.

– Что? Что ты имеешь в виду – «забрал»?

– Не знаю. Они сказали, что этот ифрит исчез. Ударил молния – и они оба исчезли.

«Исчезли». Это слово долго звенело в ее ушах. Зейнаб открыла было рот, но слов у нее не нашлось. Она бы предпочла сама найти тело Али, в каком бы состоянии оно ни было. Она сожгла бы его и молилась бы, как молятся ее соплеменники. По крайней мере, знала бы, что он умер мучеником и его глаза открыты раю.

Теперь он придет в себя рабом человека. А впереди его будут ждать века страданий от рук народа, чьим миром он всегда так восхищался.

– Это моя вина, – с трудом проговорила она. – Я во всем виновата. Я никогда не должна была содействовать его возвращению...

– Зейнаб. – Акиса неожиданно оказалась рядом с ней, положила руки ей на плечи. – Послушай меня. Ни в чем ты не виновата. Ты не могла предвидеть,

что город подвергнется нападению. И велика вероятность, что Ализейд жив. Мы не знаем, что ифриты хотели от него.

Слезы обжигали глаза Зейнаб.

– Они всегда хотят одного.

– Ты этого не знаешь, – не сдавалась Акиса. – Возможно, ифриты у нас за спиной сговорились с дэвами. Иначе зачем они вообще здесь?

– Что? За этим стоят дэвы?

– Короля убил этот бесхребетный великий визирь, это он выпустил яд, целясь в мой народ. – Акиса сплюнула. – Я его убью.

Убийственные заявления Акисы ненадолго вывели Зейнаб из отупляющего облака скорби, грозящей поглотить ее целиком. У нее не было времени предаваться горю.

– Я не думаю, что во всем виноваты дэвы, – сказала она. – В конечном счете ведь именно Нарі нас предупредила. Она и Мунтадир остались во дворце, чтобы мы смогли предупредить квартал Гезири, а потом направить Али и королевскую гвардию на поле боя.

Субха принялась расхаживать из одного конца комнаты в другой.

– Нехорошо это. У меня десятки пациентов-дэвов – жертв атаки на Навасатемское шествие. Если пойдут слухи о том, что за тем, что случилось с Цитаделью стояли дэвы... – Она посмотрела на Зейнаб. – У вас есть вне дворца союзники, которые в состоянии нам помочь? Родственники?

– Мои отец и мать были единственными детьми в своих семьях. У меня есть дальняя родня и дядюшки, которые служат в Дэвабаде, но... – Зейнаб проглотила комок в горле. – Но они должны были находиться в Цитадели.

– А по материнской линии? – настаивала врач. – Королева финансировала половину всех работ. У нее должны быть связи, родня...

– Большинство вернулись с нею в Та-Нтри. – Произнеся эти слова вслух, Зейнаб почувствовала невыносимое одиночество. Ее отец умер, ее мать на другом конце света. От Мунтадира и Нарі ее отделяет целый город, а Али...

Спасаясь от боли в груди, Зейнаб сделала резкий вдох. Нет, сейчас она не будет думать об Али.

– Значит, у вас нет союзников, – без лишних церемоний сказала Субха. – Принцесса без всякого влияния – просто лицо, занимающее койку в лазарете. Как мы можем предотвратить приход сюда остатков королевской гвардии, желающей расправиться с моими пациентами-дэвами?

– Королевская гвардия послушается ее, потому что она принцесса, – сказала Акиса, сверкнув глазами. – Зейнаб в той же степени потомок Зейди аль-Кахтани, что и ее братья. Наш народ исполнен лояльности. Они сплотятся, подчиняясь ей.

– Ваш народ консервативен, – возразила Субха. – Они с большей вероятностью ради ее же безопасности запрут ее в каком-нибудь доме, а сами будут сражаться между собой за наследство вашего отца, пока от города не останется ничего. – Акиса в ответ издала шипение, и Субха глумливо фыркнула: – И не пялся так на меня. Я слишком много раз видела, как мой народ оставляют в несчастье без помощи, так что больше не боюсь никакого набычившегося бандита.

– Я тебе покажу набычившегося...

– Хватит, – сказала Зейнаб, повернувшись к Акисе. – С кем ты там разговаривала?

Стрельнув напоследок злобным взглядом во врача, Акиса ответила:

– В основном с солдатами. Их осталось несколько десятков, но ни одного высокого ранга. Я видела двоих благородных кровей, но они готовы обмочиться со страху – главный садовник и министр почетных резервов.

– Почетные резервы? – спросила Субха. – Имеется в виду оружие?

– Под резервами имеются в виду мантии, – слабым голосом сказала Зейнаб. – Почетные мантии для гостей.

– Так, – сказала врач, ущипнув себя за переносицу. – Мы все умрем.

– Ничего мы не умрем. – Зейнаб, держась за Акису, встала на свои ослабевшие ноги, которые словно стали резиновыми в тех местах, где она не испытывала боли, и дурной запах наполнил комнату. Зейнаб сморщила нос, поняв, что она и есть источник этого запаха. Платье на ней было покрыто грязью, замарано землей, кровью и еще бог знает чем, налипшим на темную накидку, в которую она завернулась, в спешке выходя из дома.

К счастью, ее тюрбан не пострадал, и ей удалось отмотать с конца достаточно материи, чтобы закрыть лицо.

– Я хочу поговорить с этими людьми.

Акиса посмотрела на нее:

– Ты похожа на гуля.

– Королевских кровей?

Женщина-воин наклонила голову:

– Может быть.

– Ты такой замечательный источник утешения. Придется довольствоваться хотя бы этим.

Осторожно неся руку в лубке, Зейнаб последовала за Акисой из маленькой комнаты в главный коридор лазарета.

Со двора доносились громкие голоса с явным гезирийским произношением, но совершенно неразборчивые. Несмотря на несколько сменявших друг друга учителей, Зейнаб так и не смогла освоить язык отца, и это постоянно отдавалось болью в ее сердце.

Теперь она надеялась, что это не будет недостатком, который не позволит ей взять в свои руки те рычаги власти, что были ей доступны.

– Идиоты! – рявкнула по-джиннски Акиса, когда они вошли во двор, наполненный спорящими джиннами. Зейнаб молча благословила ее за то, что она перевела толпу на другой язык. – Прекратите лить слезы и скрежетать зубами. Здесь ваша принцесса, она хочет говорить с вами.

Зейнаб даже не знала, что мужчины могут смолкать в одно мгновение. Она вышла из-за спины Акисы. Около дюжины мужчин-гезири устали на нее, они были облачены в разные формы, окровавленные и драные. Ни одного знакомого лица Зейнаб не увидела и подавила в себе инстинктивный позыв убежать, спрятаться.

– Ваше... ваше высочество, – пробормотал человек с сильно сломанным носом. Его широко расставленные глаза некоторое время смотрели на нее с распухшего посиневшего лица, потом он резко перевел взгляд вниз, а потом так быстро рухнул на одно колено, что, вероятно, его пронзила боль. Он шлепнул стоящего рядом с ним человека, и вскоре все они опустили на одно колено, и теперь ни один из них не смотрел на нее.

Это привело лишь к тому, что Зейнаб почувствовала себя еще больше не в своей тарелке. Она, вероятно, знала некоторых из их женщин, жен и дочерей, которыми она уверенно командовала в гареме. С такого рода властью над людьми Зейнаб была знакома: ряд команд, которые проходили по миру женщин и могли опрокинуть трон. Союзы, основанные на браках и торговых связях, передающиеся шепотком слухи... этими инструментами Зейнаб хорошо владела и орудовала ими с приятной улыбкой, а ее придворные старались изо всех сил заслужить эту улыбку. Она любила эту власть. Она уже пользовалась ею, чтобы спасти Али и вернуть его домой; она пыталась использовать эту улыбку, чтобы погасить войну, разгорающуюся между ее братьями. Зейнаб часто ненавидела физические ограничения ее роли – она знала, что эти ограничения происходят из беспокойства ее отца в большей мере о ее безопасности, чем о приличиях – и ей хотелось лучше познакомиться с городом, с миром. Но, по крайней мере, эта роль была ей знакома.

Из того, что происходило сейчас, ей ничто не было знакомо. Зейнаб не знала, как командовать солдатами. Это должны были делать Мунтадир. Али.

«Должны, но это невозможно – осталась только ты. И каждая потраченная тобой без пользы минута ставит их в еще более опасное положение».

Зейнаб расправила плечи и попыталась вспомнить, как вела себя ее мать. Хацет постоянно имела дело с мужчинами, презрев напускное смирение с королевской традицией затворничества, соблюдаемого женщинами благородных кровей. Мать не раз говорила ей: «Ты забываешь, дорогая дочь, что в Та-

Нтри у меня был собственный двор. И меня мало волнуют странные традиции этой дэвской скалы».

«Ах, Амма, как мне тебя сейчас не хватает». Зейнаб набралась мужества и заговорила, придав своему голосу командный тон:

– Я хочу знать, что происходит. Начиная с того, что нам известно об атаке на дворец.

Вперед вышел пожилой человек в помятой одежде дворецкого:

– Известно, прошу прощения, принцесса, немного. Похоже, что вы и дама Акиса – единственные уцелевшие джинны. Принц Ализейд раньше этим вечером выстроил баррикады вокруг района шафитов и Квартала Гезири. Мы бы знали, если бы кто-то пытался проникнуть через них внутрь.

Холодок пробежал по спине Зейнаб.

– Баррикады? Вы это о чем?

Несколько мужчин переглянулись.

– Он закрыл ворота мидана, – мягко сказал дворецкий таким тоном, что Зейнаб почувствовала себя идиоткой. – Он укрепил стены, поставил сторожевые посты. Это означает, что наши соседи – гезири и шафиты – довольно неплохо защищены и отделены от остального города. Это означает, что между нами мощные стены и солдаты и тот, кто атаковал дворец, но...

– Но означает, что все, кто по другую сторону, находятся в ловушке, – закончила Зейнаб.

– Во всем, что случилось, виноваты огнепоклонники, – прошипел кто-то из солдат. – На берегу находились бойцы-дэвы. Мы должны избавиться от тех, которые здесь, прежде чем они набросятся на нас.

– Тот, кто посмеет притронуться к дэвам в лазарете, очень об этом пожалеет! – рявкнула Зейнаб. Наверное, в ее голосе слышался ее отец, потому что половина солдат резко отпрянула назад. – Ко мне пришел не кто иной, как Бану Нари, чтобы я могла предупредить остальных из вас о яде. Я не желаю слышать о каком-либо притеснении ее племени. – Она снова посмотрела на собравшихся мужчин, вспомнила слова Акисы, которая рассказала ей, что лишь немногие солдаты остались живы после атаки на Цитадель. – Нам нужна помощь. Ваджед перед атакой покинул город, но далеко он не мог уйти. Среди вас есть разведчики? Может быть, мы не владеем магией, но мы определенно можем отправить на поиски нескольких посыльных на лодках и лошадях.

Казалось, толпой сразу же овладело какое-то беспокойство. Несколько человек зашевелились, но никто не заговорил.

Отлично, значит, она в полной мере превратилась в Гассана и напугала их так, что они рот боятся раскрыть.

– Ну, – подбодрила их она, стараясь говорить не слишком утрашающим голосом. – Так что скажете?

– У нас... у нас нет лодок, принцесса, – ответил один из солдат. – Вечером на пристань пробрались два ифрита и сожгли все. Не осталось ничего, даже самых маленьких лодчонок. И еще убили нескольких человек, которые пытались затушить огонь. Нам с острова теперь не уплыть.

Акиса выругалась:

– А плоты мы можем сделать?

Солдат помотал головой:

– Конечно. Собьем плот. А потом поспорим, кто нас убьет первым – ифрит или марид.

Зейнаб положила руку на запястье Акисы, прежде чем та успела сказать что-нибудь неудобоваримое. Собравшиеся смотрели на нее теперь, и тяжелый груз их взглядов давил на нее. Они были испуганными, неуверенными, а она была одной из Кахтани. Предполагалось, что она должна отдавать команды.

Но Зейнаб понятия не имела, как отдавать команды в такой ситуации.

– О моих братьях известно что-нибудь? – Ох как не хотела она задавать этот вопрос. Ведь задавая его, онаставляла напоказ свою слабость. Она испытывала почти физическую потребность увидеть свою семью, обнять Мунтадира и Али, прижать их к себе, вместе решить, что делать дальше.

Лицо дворецкого посерело еще сильнее.

– Нет, ваше высочество.

– Принцесса Зейнаб?

Зейнаб оглянулась. В арке стоял громадный шкафит в запачканном кровью фартуке, заполненном всевозможными медицинскими инструментами. На его лице застыло нервное выражение.

– П-простите меня, – запинаясь, проговорил он. – Моя жена – доктор Сен – сказала, что я должен привести вас.

Акиса подошла поближе к Зейнаб.

– Зачем? – спросила она с ноткой подозрительности в голосе.

– Мы нашли одного выжившего из дворца.

Ребенок был крошечным, а поскольку он раскачивался под одеялом, прижав колени к груди, то казался еще меньше, чем на самом деле. Больше о нем Зейнаб почти ничего не могла сказать – ни о его возрасте, ни о его одеянии, ни о его происхождении, – потому что он был весь залит кровью и

обсыпан пеплом, его черные, широко раскрытые глаза смотрели загнанным взглядом с грязного лица.

Темнота его глаз сбила ее с толку.

– Дэв? – шепотом прошептала она Субхе, муж которой, Паримал, тем временем снова подошел к мальчику и принялся осторожно отирать его лицо.

Доктор отрицательно покачала головой:

– Шафит, но жизнью он обязан дэвам. Судя по всему, они собирают в библиотеке всех джиннов и шафитов, выживших во время атаки. Ученый дэв схватил его и вытащил оттуда, сказав, что он дядя мальчика. Наши солдаты нашли его в мидане – он пытался перебраться через стену.

– Почему вы принесли его сюда?

Они были в хорошо обставленной комнате на верхнем этаже лазарета. Как сказал Паримал, здесь же находился кабинет Нари. Здесь был фонтан полный лотосов и изящное место для отдыха с отделанными бархатом подушками и затейливыми деревянными ширмами; место было приятное, но не самое естественное для обработки ран травмированного ребенка.

– А вы послушайте, что он говорит. – Субха встретила взгляд Зейнаб, и впервые Зейнаб увидела в глазах врача Субхи тревогу. Это вызвало у нее беспокойство – ведь Субха была так спокойна, когда они обсуждали гулей и напускаемые колдовством хвори. – О том, кого видел во дворце.

– И кого он там видел?

Субха замаялась:

– Он еще такой маленький, может быть, что-то напутал. Посмотрим, назовет ли он вам то же имя, а если назовет, тогда из этого и будем исходить.

Ответ был не слишком утешительный. Зейнаб взяла себя в руки и подошла к мальчику.

– Мир тебе, мальчик, – приветливым голосом сказала она, села рядом с ним, сняла вуаль с лица. – Меня зовут Зейнаб. А тебя?

Он моргнул, глядя на нее, вокруг его глаз от слез образовалась краснота.

– Ботрос, – прошептал он, сжимая в руке пустую медную чашку.

– Хочешь, мы принесем тебе водички, Ботрос? – предложила она и, взяв у него чашку, поманила к себе Акису. – Как ты себя чувствуешь? Болит где-нибудь?

Его пробрала дрожь.

– Я повредил пальцы, когда пытался подняться на стену, но доктор их перевязала.

Маленький мальчик поднял руки. Зейнаб побледнела, увидев, что кровь просачивается сквозь бинты с кончиков пальцев. Он в буквальном смысле пытался вскарабкаться по стене. Что же так сильно напугало его? Кто?

Она откашлялась:

– Ботрос, ты можешь мне рассказать, что ты видел во дворце?

– Монстров, – осторожно проговорил он. – Гигантских монстров из дыма и огня.

«Гигантские монстры из дыма и огня?» Зейнаб над плечом Ботроса поймала взгляд Акисы, вернувшейся с чашкой воды. Женщина-воин только пожала плечами. Зейнаб не могла ее винить. После сегодняшней ночи гигантские монстры из дыма и огня определенно не казались какой-то небывальщиной.

Она протянула чашку Ботросу:

– Ты можешь мне рассказать о нападавших? Ты видел каких-нибудь солдат?

Он дрожащими губами приложился к чашке:

– Видел. Солдат-дэвов.

Опять дэвы. Отрицать это было невозможно. Это сделал Каве – он убил короля и разлил яд. И солдаты-дэвы сопровождали ифритов на берег. Случилась вспышка сектантского насилия – оправдались худшие страхи ее отца. Он предупреждал, что эта катастрофа – единственная крупнейшая угроза дэвабадскому покою, она может привести не только к кровопролитию, которое не в силах усмирить даже королевская стража и которая по числу жертв будет сравнима с резней после падения Нахидского совета во время войны.

Катастрофа, которую теперь должна была предотвратить Зейнаб.

Субха прикоснулась к плечу мальчика:

– Ты можешь рассказать, что видел в библиотеке?

Глаза Ботроса тут же наполнились слезами.

– Я не хочу об этом говорить.

– Я тебя понимаю, малыш, но это очень важно. – Доктор поправила его одеяло. – Ты попробуй. Ты здесь в безопасности, можешь мне верить.

Мальчика снова пробрала дрожь, но он заговорил:

– После землетрясения солдаты сказали, что мы должны пройти в библиотеку. Все кричали от страха. Они убивали всех, кто пытался сопротивляться или бежать. А потом... а потом... когда они привели нас в библиотеку... – Его так трясло, что он расплескал немного воды себе на колени. – Потом я увидел его.

– Увидел кого? – спросила Зейнаб, сцепив руки, чтобы скрыть дрожь.

Она впился в нее взглядом, глаза у него были раскрыты и полны ужаса.

– Бича.

Она уронила руки, и ее тело резко подалось назад.

– Ты, наверно, ошибся. Этот Афшин мертв. Принц Ализейд убил его много лет назад.

Маленький мальчик скрючился под одеялом:

– Простите, моя госпожа. Я не хотел вас расстроить.

Чувство стыда нахлынуло на нее. Господи, если она не может утешить одного-единственного ребенка, то как ей успокоить и привести к миру население целого городского района.

– Нет, это ты меня прости, я не хотела тебя пугать. Но то, что ты говоришь...

Субха оборвала ее на полуслове:

– Ботрос сказал мне, что другие дэвы называли его Афшин. – В ее голосе слышался ужас. – Он сказал, что у этого человека ярко-зеленые глаза, а на лице татуировка стрелы.

– Он много кричал, – добавил мальчик, которого снова пробирала дрожь. – Но все слова на дивасти, хотя было ясно, что он злится. Он дрался с эмиром и...

– С эмиром? – охнула Зейнаб. – С эмиром Мунтадиром?

Ботрос кивнул:

– Когда мы вошли в библиотеку, они его вязали. Он кричал что-то Бичу, а потом Бич... он вызвал какую-то летающую дрянь. – Он опустил глаза. – Простите. Я так испугался. Начал плакать. Вот тогда-то один из ученых-дэвов и схватил меня.

Афшин здесь. Афшин захватил Диру. Образ ее улыбающегося старшего брата, сильно искалеченного, вторгся в ее разум. Мунтадир, умоляющий сохранить ему жизнь. Мунтадир, сожженный заживо Афшином, этим позорным Бичом...

– Это невозможно, – прошептала она. – А Бану Нахиду ты видел? – взволнованно спросила она. Ведь Мунтадир все же был вместе с женой. Где, черт побери, находилась Нари, их предполагаемая союзница, когда происходило все это?

Ботрос отрицательно покачал головой.

– Зейнаб. – Акиса стояла у окна. В ее голосе слышалось беспокойство.

Зейнаб, предчувствуя нехорошее, мгновенно встала и присоединилась к Акисе у окна.

– Посмотри на дворец.

Зейнаб посмотрела в прорезь в ширме. Сориентироваться сразу же было нелегко. Она всю жизнь смотрела с другой стороны: на город – с высоких стен дворца.

Но в конце концов она увидела. Дворец. Ее дом. Древний дэвский зиккурат, гордо стоящий на холме, окруженный стенами, на которых разместились статуи шеду, а на краю два изящных минарета и золотой купол.

Она ахнула:

– Что это?... Неужели стены.. двигаются?

– Они растут, – прошептала Акиса. – Я поначалу не была уверена, потому что это происходит медленно, но они определенно становятся выше.

– Н-но это же невозможно, – проговорила Зейнаб. – У нас нет магов.

И тут, словно сорванные тысячью невидимых рук, упали все знамена Кахтани, украшавшие дворец.

Они спорхнули дождем белоснежной материи. Узкие штандарты, сорвавшиеся с медных древков, и более широкие знамена, украшавшие стену. Ее семейный флаг всегда был разительно прост: никаких гербов, никаких слов, никаких персональных гребешков. В конечном счете Зейди аль-Кахтани был простолюдином, и сражался он за более справедливый мир, в котором у всех будут равные возможности.

Новые знамена, разворачивающиеся во вспышках света и под тихое шуршание золотистого дыма, не были простыми. Они поражали своей красотой, привлекали к себе взгляд. Ярко-голубой шелк, на котором крылатый лев медного цвета рычал на восходящее солнце.

Флаг Нахид.

Акиса, вероятно, тоже узнала это знамя.

– Я ее убью, – поклялась она. – Я всажу ханджар Любайда в ее лживое сердце, вырежу его и подарю на блюде ее Афшину.

Ни малейших сомнений в том, кого она имеет в виду, не возникало. Но, приглядевшись к нахидским знаменам, Зейнаб заметила в них что-то необычное:

– Я вовсе не уверена, что за этим стоит Нари.

Акиса резко повернулась к ней:

– Да бога ради, что происходит с твоим семейством, стоит только завести разговор об этой девке? Конечно, она стоит за этим! Это ее флаг висит над дворцом! Это ее Афшин убивает людей в твоём доме!

В голове Зейнаб в одно мгновение промелькнуло все, что она знала о своей сестре поневоле, о своей невестке. Нари умела выживать, умела преодолевать трудности и делала это блестяще. Она пересилила Гассана и защищала своих соплеменников с яростным прагматизмом, которым Зейнаб всегда безмолвно восхищалась. Она была коварной и способной.

Но Зейнаб никак не видела в ней убийцу.

– Я не думаю, что это была Нари, – сказала она теперь с большим пристрастием. – Не думаю, что она спланировала этот бунт.

Судя по выражению на лице Акисы, она теперь взвешивала, не пронзить ли ей ханджаром сердце Зейнаб, а не Нари.

– И кто же тогда?

– Не знаю. – Зейнаб снова принялась разглядывать нахидские знамена, полоскавшиеся на ветру под бледно-голубым небом над дворцом. А внизу, под дворцом распростерся город: дома с закрытыми ставнями, магазины, школы и храмы, десятки тысяч людей, которые называли этот туманный волшебный город с его историей насилия своим домом. Сколько народу из них видело, как исчез флаг Кахтани. И вселило ли это зрелище страх в их сердца, чувство неопределенности – ведь они теперь не знали, кто ими правит?

«Им все равно, кто ими правит». Да и что означало теперь слово «правит»? Их волшебство исчезло, тысячи были убиты, а их город превратился в кровавые руины. Ее соплеменников вряд ли волновало, какой флаг висит сегодня над городом. Они, наверное, прятались со своими детьми или рыскали по городу в поисках еды и припасов, прежде чем начнется настоящий хаос, неизбежный, когда ты оказываешься на завоеванном острове без надежды его покинуть. Они, скорее всего, оплакивали своих убитых и планировали возмездие.

«Дэвабад прежде всего». Такой была постоянная мантра ее отца, его предупреждение, и теперь Зейнаб впервые в жизни поняла, что же значат эти слова. Прежде всего народ Дэвабада. У Зейнаб не было времени оплакивать братьев. Горевать об отце или молиться о том, чтобы ее мать и Ваджед вернулись и спасли их.

Никто не собирался их спасти.

– Хорошо, – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к кому-то другому. – Хорошо. – Зейнаб отошла от окна, ее движения стали выверенными, точными. – Я хочу поговорить с солдатами, какие у нас остались, и убедиться, что эта предполагаемая стена надежно защищает нас от остального города. Все гезири, жаждущие отмщения, могут направить свою энергию на поиски выживших в том, что осталось от цитадели, и в зданиях, рухнувших при землетрясении. Возможно, они ранены, и у нас мало времени спасти их. Все, у кого проблемы, могут обращаться к нам.

– К нам? – повторила Субха.

– К нам, – твердо ответила Зейнаб. – Идем, доктор, я хочу поговорить с твоими пациентами-дэвами.

Мунтадир

Эти события происходят в конце «Золотой империи». Спойлеры ко всем трем книгам.

– Господи боже, какое прекрасное зрелище, – восторженно сказал Мунтадир, увидев, как горит его брачный контракт.

Нари чокнулась своей чайной чашкой с его:

– За конец худшего в мире политического брака.

– Ты не считаешь, что огонь – это уже нечто избыточное? Ведь и Картир, и этот твой пациент-имам уже законным образом расторгли брак?

– Я думаю, что огонь точнее всего отражает мое отношение к нашему браку.

– Я рад, что мы хоть в чем-то пришли к согласию. – Мунтадир пошевелился на подушках, чтобы облегчить боль в спине. Хотя чувствовал он себя лучше, чем прежде, когда его только освободили из подземной темницы – тогда его брату и Джамшиду в буквальном смысле пришлось нести его на руках, – его тело все еще было безобразно хрупким, и после малейшего движения ему приходилось переводить дух.

Нари обратила на это внимание.

– Поешь, – сказала она, подталкивая к нему чашу с манной кашей, которую она пыталась скормить ему все утро, словно он был капризным ребенком. – Ты настоящий скелет.

– Очень недобрая характеристика. К настоящему времени я уже похож на гуля, не совсем лишённого привлекательности. – Мунтадир помотал истонченным запястьем. – Насколько я понимаю, это было условием моего освобождения отсюда.

– Я бы хотела, чтобы ты провел в лазарете еще несколько дней. Тебе нужен отдых.

– И это говорит женщина, которая менее двух дней назад, двигая горы, упала в обморок от напряжения, но уже вернулась на работу. – Нари недовольным взглядом посмотрела на Мунтадира, а тот поднял руки в примирительном жесте – его бывшая всегда немного пугала его. – Тут у меня Зейнаб совсем рядом за углом. Она будет ухаживать за мной и засовывать мне в рот еду еще нахальнее, чем ты, клянусь тебе.

– Хорошо. – Пристальный взгляд Нари (если только это можно было назвать пристальным взглядом, потому что Мунтадир привык видеть в нем только различные уровни агрессии: от желания сжечь весь мир до желания сжечь персонально его) теперь пронзал его с большего расстояния – она отодвинулась от него и взяла в руку свою чашку чая. – Али остается с вами двумя?

– Зейди не давал о себе знать с того дня, как оставил лазарет, но я и не ждал от него иного. Я думаю, гражданский хаос, в котором он может изматывать себя до изнеможения, переписывая налоговый кодекс и превращая тронный зал в благотворительную столовую, это настоящий рай для моего брата.

– М-м-м. – Нари издала звук, который был тщательно выверен таким образом, чтобы в нем не слышалось ни удовольствия, ни неудовлетворенности.

Губы Мунтадира искривились в то, что можно было бы назвать улыбкой, если бы он чувствовал, что снова может улыбаться.

– Зейнаб говорит, что вы двое держались за руки у тебя в кабинете.

Ага, вот оно. Он снова ощутил на себе ее убийственный взгляд. Однако дразнить самую опасную персону из тех, с которыми он спал, было предпочтительнее, чем обсуждать куда как более опасные темы вроде его подорванного здоровья, психического состояния и будущего, которого он не мог увидеть.

– Она говорит, это было так хорошо. Говорит, это было первое, что ты сделала, когда проснулась.

– Мунтадир. – Теперь в голосе Нари слышался лед. – Ты сам сказал... я теперь двигаю горы. Не попадайся мне под горячую руку.

– Нари, не говори глупостей, у тебя руки всегда горячие.

Она улыбнулась, и эта ее реакция была тревожнее, чем ярость, когда она подняла взгляд выше его плеча и сказала с ноткой холодного торжества в голосе:

– Джамшид... Замечательно. Я так рада, что ты смог встретиться с нами до выписки Мунтадира. Он как раз говорил, что ему тревожно, ему будет не хватать тебя.

Сердце Мунтадира упало. Вообще-то он надеялся, что не встретится с Джамшидом. Он понятия не имел, что сказать человеку, который дорог ему и чьего отца убили. Трусливо ускользнуть от него казалось меньшим злом.

Нари уже поднималась на ноги.

– Не лезь в мою личную жизнь, – прошипела она ему в ухо. – А если что сделаешь с моим братом, я уроню на тебя гору.

– Хорошо, Бану Нахида, – смиренно ответил Мунтадир, а Джамшид тем временем занял ее место.

Стоя во весь рост в саду лазарета, этот дэв был удивительно похож на Багу Нахида, настолько похож, что Мунтадир даже подумал: как же он раньше не замечал этого. У Джамшида были глаза и длинный нос Манижи, изящный профиль – жутковатый призрак женщины, которая руководила пытками Мунтадира. Они так быстро поменялись местами, что Мунтадиру казалось, будто мир перевернулся. Облаченный в одеяния целителя, с кучей инструментов в карманах, облитый микстурами и покрытый пеплом, Джамшид казался здесь воистину королевской особой: Нахид в городе своих предков. Он мог теперь исцелять простым прикосновением пальцев, останавливать боль, душевные страдания. Он мог воссоединять семьи, друзей и любовников, которые, если бы не он, так никогда больше и не встретились бы.

Джамшид и в самом деле являл собой полную противоположность Мунтадиру. Инстинктивные ответы ударом на удар эмира не равнялись ни тому мужеству, которое проявила Зейнаб, объединяя в единый блок гезири и шафитов, ни самопожертвованию Али перед маридами. Нет, Мунтадир отвечал врагам ложью, плутовством и местью, в его арсенале не было ничего такого, что исцелило бы хотя бы одного человека.

Джамшид показал на место, которое освободила Нар:

– Могу я присесть?

Реакция Мунтадира была довольно нелепой: он покраснел.

– Конечно, садись.

Джамшид сел, движения его были изящны без всяких к тому усилий. Мунтадир мог быть дипломатом, политиком, каждый жест которого отточен и выверен, но Джамшид шел по жизни, неизменно поражая Мунтадира какой-то своей изысканностью.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он Мунтадира.

– Отлично, – солгал Мунтадир. – Никогда не чувствовал себя лучше.

Прежний Джамшид непременно закатил бы глаза, услышав такой ответ, непременно поймал бы своего эмира на лжи. Но нынешний, новый, даже не моргнул.

– А твой глаз? – спросил он тоном, каким говорят только профессиональные целители. – Я могу его еще раз проверить до твоей выписки.

– Нет, – быстро ответил Мунтадир. Одна только мысль о том, что он на своем лице почувствует пальцы Джамшида, обследующие его травму, с которой

ему еще предстоит примириться, чуть не разрушила тот благопристойный фасад, который пытался демонстрировать Мунтадир. Прикоснись к нему Джамшид – и все будет кончено.

– Извини, – сказал Джамшид, сожаление смягчило выражение его лица. – Жаль, что мне с Нари не удалось сделать больше.

– Пожалуйста, не извиняйся. Ты ни в чем не виноват передо мной. И никогда не был виноват. И со мной все в порядке. – Никакого порядка с ним, конечно, не было. Хотя он не питал особых надежд относительно своей травмы, какая-то его часть все еще сокрушалась после того, как он узнал, что в силах Нари всего лишь не допустить инфекцию и обеспечить чистое заживление шрама; он остался без глаза. Но черт его подери, если он будет нагружать своим горем отважных, любимых им людей, и он поделился с Джамшидом иной правдой: – Другие заплатили гораздо большую цену. Так что забудь обо мне. Как твои дела?

Джамшид вздохнул, впервые с момента своего прихода демонстрируя неуверенность:

– Ну... я недавно осиротел, и это случилось вскоре после знакомства с моей матерью – с тираном, которого я никогда не пойму и которого не могу оплакивать. Я теперь вхожу в тройку целителей, которым поручено восстановить здоровье бесконечного числа жертв этой гражданской, как назвала ее мать, войны. И все это после нескольких месяцев взаперти в ожидании казни и в скорби о человеке, которым я дорожил и оплакивал, как убитого. – Он посмотрел на свои руки, потом перевел ошеломленный взгляд в сад. – Не знаю, что я должен чувствовать. Оказывается, я Нахид... это какой-то сон. Я абсолютно уверен: это твой брачный контракт сторает на моих глазах, и это еще один сон. И в то же время мне кажется, что я иду по месту, где происходит кошмар. Я так зол. Я так... потерян. У меня столько вопросов, и я никогда не получу ответы на них. Я владею способностями, которые вызывают у меня желание кричать, просить, умолять и все же... и все же... – Он повернул лицо к Мунтадиру. В его глазах блеснули слезы. – Я просто грущу. Мне позволительно грустить? Ведь я не должен грустить, правда? И все это хорошо, правда? То, что мы победили?

Мунтадир потянулся к руке Джамшида, крепко сжал ее:

– Тебе позволительно грустить. Я прошел через ад и вернулся. Ты прошел через ад и вернулся. Любой в твоём положении чувствовал бы себя, как в кошмаре. И ты все еще не пришел полностью в себя, пробудившись из той тьмы, ты все еще потеешь и тяжело дышишь. Пытаешься осознать, что кошмар кончился. Позволь себе оплакивать мертвых, позволь себе злиться или чувствовать себя счастливым или печальным – позволь себе все, что тебе нужно.

Но голос Джамшида в ответ прозвучал еще более устало:

– Мы должны сегодня вечером вернуть мою мать огню, а я не знаю, смогу ли я хотя бы стоять рядом с ней. Я не знал, что можно одновременно так любить и ненавидеть.

Мунтадир помедлил:

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Я бы никогда не стал просить тебя об этом.

– Ты можешь просить меня о чем угодно.

Джамшид зажмурил глаза, явно изо всех сил стараясь не заплакать. Мунтадир использовал все, что у него было, чтобы Джамшид не бросился обнимать его. Но он был причиной, по крайней мере, части той боли, которую испытывал Джамшид, и отчаянно не хотел дать повод для ее усиления.

– Но не об этом, эмир-джун, – сказал наконец Джамшид. Эти слова разбили сердце Мунтадира.

– Не думаю, что можешь теперь называть меня так. – Я больше не эмир.

– Для меня ты всегда будешь эмир-джун. – Джамшид протер глаза. – Нари говорит, что ты будешь жить с Зейнаб в квартале Гезири?

– Вернуться во дворец я не могу, – признался Мунтадир. – Я еще не сказал об этом моим брату и сестре, но я никогда не захочу туда возвращаться. Там для меня осталась только смерть.

– Я не буду делать вид, что разочарован, если ты никогда больше не переступишь порога дворца. – Джамшид провел большим пальцем по костяшкам Мунтадира. – Не хочешь прогуляться?

– Прогуляться?

– Нам нужно поговорить, и этот разговор из тех, к которым я не очень готов. Для меня роль Нахида в новинку, но я не думаю, что мои рыдания перед лицом пациентов будут очень вдохновляющим зрелищем.

Во рту Мунтадира образовалась сушь. Он знал, о каком разговоре идет речь. И да простит его бог, но он к этому разговору не был готов.

– Не думаю, что я, висящий на твоей руке, буду привлекательным попутчиком.

Глаза Джамшида перескочили на него.

– Тебе необязательно делать это, ты сам знаешь.

– Делать что?

– Шутить над тем, что доставляет тебе боль.

Черт побери, этот человек видит его насквозь. Мунтадир неудачно попытался изобразить улыбку.

– Ничего другого я не знаю.

– Ты умен. Я уверен, ты сможешь научиться.

Джамшид сунул руки Мунтадиру под мышки. Слезы обожгли ему глаза, когда он почувствовал знакомое тепло Джамшидова тела и ту мягкость, с которой он поставил Мунтадира на ноги.

– Тебе необязательно делать это, – слабо возразил Мунтадир. – Я не заслуживаю твоей помощи.

– Мунтадир... Пожалуйста, заткнись. Обопрись на мою руку своей левой, а в правую возьми трость. Это ты сможешь. Я ощущаю мускулы в твоих ногах. Им требуется некоторая тренировка.

Мунтадир яростно заморгал, исполненный решимости не расплакаться. Он не хотел нагружать Джамшида своей слабостью. Не хотел.

– Ты мне говоришь, чтобы я не шутил над собой, а потом произносишь вот эти слова. Как я могу пристойно реагировать на это?

– Меньше тормози, больше двигай ногами. – Джамшид крепче ухватил его, и Мунтадир почувствовал жар в руке. Это чувство нахлынуло на него теплой волной, которая оставила после себя силу, словно он выпил десяток чашек кофе.

Он охнул, дрожь прошла по всему его телу.

– Не знал, что я так умею, да? – весело спросил Джамшид.

– Я преклоняюсь перед мудростью всезнающего Баги Нахида. – И Джамшид был прав: чем больше они шли, тем большую силу ощущал в себе Мунтадир. – Дай-ка я попробую сам.

Джамшид отпустил его. Они пошли дальше, а Мунтадир старался все меньше опираться на свою трость. Если бы он смог отказаться от этой чертовой палки ко времени его переезда к Зейнаб, было бы еще лучше. Он не хотел, чтобы она носилась с ним, как с ребенком, он прекрасно знал, что у сестры есть гораздо более важные дела.

У всех есть гораздо более важные дела. У Зейнаб и Али, у Джамшида и Нари. У первого встречного торговца или работяги на улице. Легко было увидеть, где они пригодятся в этом новом мире, который они хотели создать – в Дэвабаде, построенном на равенстве и правосудии. Не тот Дэвабад, который знал Мунтадир, не тот, что был построен на лжи, уловках и убийственной разновидности политики, которую его отец давным-давно вбил ему в голову. Да, Мунтадир остался в живых, но та судьба, ради которой его вырастили, была мертва и похоронена.

Джамшид привел его в просторную комнату напротив аптеки. В комнате вроде бы шел ремонт, о чем свидетельствовали стопки лимонно-желтой плитки на полу рядом с незаконченными полками из кедра. В комнату без штор на окнах проникали солнечные лучи, освещавшие стол с книгами и голубыми свитками, такие свитки, как заметил Мунтадир, Нари и другие целители использовали для записей сведений о пациентах.

– Мой будущий кабинет, – сказал Джамшид, обводя рукой комнату. – Тебе нравится?

Мунтадир не упустил горделивую нотку в голосе Джамшида.

– Мне нравится, – искренне ответил он. – Я рад, что у тебя есть место, которое ты можешь назвать своим. Ты его заслуживаешь. Ты заслуживаешь всякого счастья.

– Мне об этом ничего не известно. – Джамшид уставился на него. – Мне нужно сказать тебе кое-что.

– Что?

– Ты помнишь банкет, который устроил твой отец по случаю возвращения Ализейда? Тем вечером, когда его отравили?

В голосе Джамшида слышалась какая-то нервная энергия, причин которой Мунтадир не мог понять.

– Да...

Джамшид громко проглотил слюну. Красные пятна зацвели на его лице.

– Я... Это сделал я, Мунтадир. Это я отравил твоего брата.

Мунтадир отшатнулся от Джамшида. Он никак не ожидал от него такого признания, а тем более сегодня. Тот банкет, на котором Али чуть не умер, принадлежал, казалось, другому десятилетию, другому миру, но Мунтадир без труда вспомнил подробности этого обильного пиршества, которое закончилось криками, когда его младший брат принялся расцарапывать себе горло. Тогда Мунтадира ошарашила мысль о том, что кто-то мог нанести удар по их семье, которая обитала, казалось, на вершине мира, а присутствие его отца делало их всех неприкосновенными.

Какими же наивными они были.

– Зачем? – услышал Мунтадир собственный голос. Такой поступок не мог совершить Джамшид, которого он знал. – Зачем ты это сделал?

Джамшид выдохнул:

– Я боялся. Я так боялся за тебя, Мунтадир, что сошел с ума. Я был убежден, что Ализейд вернулся, чтобы украсть твое место, а твой отец не собирался тебя защищать. И тогда я сам решил защитить тебя. Но это была ошибка. Я совершил ошибку, а потому на мне кровь всех тех, кто был наказан за это, наказан вместо меня, их кровь у меня на руках до конца моих дней.

Дурные опасения охватили Мунтадира. За такие секреты в Дэвабаде платят высокую цену.

– Кто-нибудь зна...

– Знает ли кто-нибудь? Да. Я признался и Нари, и твоему брату. Но тебе я об этом говорю сейчас не поэтому. Я говорю тебе об этом, потому что мне нужно очистить воздух между нами. Потому что мне нужно, чтобы ты говорил со мной без страха осуждения с моей стороны. – Джемшид подошел ближе, его черные глаза словно пригвоздили Мунтадира к месту. – Правда ли то, что говорят о смерти моего отца? Правда ли, что он умер на улице, как... как об этом говорят? Правда ли то, что он умер от рук дэвской знати, которая подчинялась тебе?

Мунтадир знал, что Джемшид задаст ему этот вопрос, знал он и то, что его ответ поставит точку в их отношениях. И все же он сказал правду в ответ:

– Да.

Выражение лица Джемшида не изменилось, им обоим было очевидно, что он и без того уже все знает.

– Зачем? – спросил он, зеркаля вопрос Мунтадира, выслушавшего только что его собственное признание касательно Али.

– Затем, что я не видел иного выхода. – Несколько мгновений Мунтадиру казалось, что ноги сейчас подогнутся под ним, и потому он оперся на кромку стола Джемшида. – Каве распылил яд, который поубивал моих соплеменников. Моего отца. Моих родственников. Всех гезири, которых я знал во дворце с самого детства – от моих наставников до моего виночерпия. Женщин. Детей. – Он подавился последним словом. – Ты помнишь волну путешественников из южной Ам-Гезиры – я еще был так горд, что принимаю их? Лагерь и рынок, которые мы оборудовали в дворцовом саду? – Говоря об этом, Мунтадир с трудом подавлял тошноту. Он никак не мог предвидеть ужасную судьбу лагеря, но чувство вины до сих пор не давало ему покоя. – Я видел, что осталось от лагеря перед тем, как они сожгли тела, Джемшид. Люди затаптывали друг друга, пытались спастись. Я видел маленьких мертвых детей с конфетой в руке, и я... – Рыдания все же прорвались из его груди. – Прости.

– Значит, это была месть? – тихо спросил Джемшид.

Мунтадир отрицательно покачал головой, его движения стали неровными.

– Это была не только месть. Афшин после атаки пытался перетянуть меня на их сторону. Ты знаешь об этом? Я думаю, он и Каве даже хотели этого, но я слишком хорошо знал Манижу. – Комок в горле мешал ему говорить. – Я знал, что сделал с ней Дэвабад, потому что то же самое этот город сделал и со мной. И с моим отцом. Гезири, оставленные живыми в городе, всегда были бы угрозой для нее. Моя сестра на свободе и по другую сторону была угрозой. Угрозам нельзя позволять гноиться.

Теперь у Джемшида сделался больной вид.

– И ты отказался.

– Да. Отказался. Маниже нужно было перетянуть знать дэвов на ее сторону. Но я переманил их на свою. Ей нужна была ее силовая опора, ее Афшин. Я организовал его убийство. – Мунтадир закрыл глаз, избегая взгляда

Джамшида. – И ей нужен был твой отец. В некотором роде никто другой ей и не был нужен. Ей был нужен его политический опыт и его присутствие. И потому, когда представилась возможность...

– Ты ею воспользовался. – В голос Джамшида слышалась хрипота. – «Прежде всего Дэвабад».

Эти слова будто повисли между ними в воздухе, слова, которые с самого начала преследовали их, кредо, определившее жизнь Мунтадира.

Наконец Джамшид снова заговорил:

– А ты не подумал, что есть и другой способ сопротивления? Не подумал, что Али и Нари могут вернуться? Что, возможно, еще жив я?

– Нет, не подумал, – честно ответил Мунтадир. Он и в самом деле не подумал. – Может быть, сначала у меня и были такие мысли, но когда она посадила меня в камеру... – Он замолчал, подыскивая слова. Как он мог объяснить Джамшиду, что случилось с ним в эти бесконечные дни в клетке, где нет света, где на протяжении веков оставляли гнить тела других заключенных? Как мог объяснить, что он пытался покончить с собой, опасаясь, что под пыткой может выдать сведения, которые поставят под угрозу жизни его соплеменников. Он пытался разбить голову об стену, но его заковали в кандалы так, что он даже шеей не мог пошевелить. Что он, не молившийся много лет, начал молиться, но только о смерти – для себя и для своих врагов. Что господь не услышал его молитв – их слышали демоны, гудевшие в его голове, шепотком напоминавшие ему о самых его кошмарных предположениях. О том, что Манижа, скорее всего, утопила Али и Нари в озере, потому что живыми они ей мешали, но при этом требовалась преданность Афшина. Что Ваджед – преданный королю, которого он любил, как брата, и принцу, которого воспитывал, как сына, – узнав о том, что сделал Каве, убил бы Джамшида. Что Мунтадир не слишком упорно сражался, не слишком быстро действовал, чтобы спасти во дворце тысячи гезири, которые умерли мученической смертью.

Но Зейнаб... Зейнаб осталась живой – он видел, что так оно и есть, несмотря на свирепое желание Манижи уничтожить ее. Она была живой, как и остальные жители Дэвабада, выжившие в начальной фазе вторжения. И потому Мунтадир не горевал. Он планировал. Он позволил превратить себя в безжалостное оружие, о каком его отец мог только мечтать. И когда Дараявахауш освободил его, у него оставалась одна только мысль: как наилучшим образом сжечь их всех.

Как же нелегко далось ему сказать эти слова человеку, пришедшему на эту землю, чтобы исцелять.

– Я не знал другого способа ответить ударом на удар. Единственный известный мне способ защитить людей, которых я любил, город, которому я должен был служить... состоял в том, чтобы избавиться – пусть и самым коварным и жестоким способом – от всех, кто может им повредить. Я знаю... во что это превращает меня.

– И во что?

«В монстра. В убийцу».

– В моего отца, – прошептал Мунтадир.

Джамшид поднялся на ноги и отошел подальше от него. Мунтадир не мог винить Джамшида в том, что тот хочет быть подальше от него, но в самой эгоистичной части его сердца возникло желание заплакать. Броситься в ноги Джамшида и, рыдая, просить прощения, пока не онемееет язык.

– Это вовсе не обязательно. – Мунтадир поднял глаза, но Джамшид не смотрел на него. Слова Баги Нахида, казалось, были обращены к стене: – Если ты не хочешь. То и никто из нас не хочет.

В голосе Джамшида слышалось какое-то странное волнение, причину которого Мунтадир не мог понять.

– Ты что имеешь в виду?

Джамшид отвернулся:

– Я хочу, чтобы ты пошел со мной домой.

Мунтадир быстро заморгал:

– Не понимаю.

– Идем со мной домой, эмир-джун. Ты сам сказал, что не хочешь возвращаться во дворец. И не знаешь, что припасла тебе судьба. Так пусть у нас будет общая судьба.

Мунтадиру показалось, будто его ударили. Иметь общую судьбу с Джамшидом – это то, чего он желал более всего в жизни. Он желал это много лет. Но принять его предложения не мог. Сейчас не мог. И не мог принять вот так.

– Я не могу, – сдавленным голосом проговорил он. – Я не могу просить у тебя такого прощения.

Джамшид пересек разделявшее их пространство, взял Мунтадира за плечи, и тот в конце концов проиграл это противостояние – слезы потекли из его глаз.

– Это не ты просишь меня о чем-то. Это я прошу тебя. – Джамшид отер слезы с глаз. – Ты дорог мне. Может быть, это делает меня худшим из сыновей в мире, но все же я... И я приглашаю тебя – живи со мной.

Сердце Мунтадира колотилось, как бешеное, – он от этого едва дышал. Это было невозможно. Невозможно.

– Люди будут говорить.

– Ну и пусть – мне плевать. Не мы первые, не мы последние, и если судьба уготовила мне служение этому городу, то я должен иметь рядом с собой человека, которым дорожу.

Мунтадир уставился на Джамшида, одолеваемый противоречивыми чувствами:

– Я не заслуживаю такого.

– А я не заслуживаю потерять тебя только по причине решений, принятых когда-то нашими родителями. Ты и в самом деле имел в виду то, что сказал Нари той ночью? Что ты жалеешь, что не встал на мою сторону раньше?

Мунтадир надавил рукой на грудь Джамшида, даже не осознавая, что делает. И для чего – то ли чтобы тот подошел к нему поближе, то ли чтобы отодвинулся подальше.

– Да, – ответил он охрипшим голосом.

– Так встань на мою сторону теперь. На нашу сторону. По крайней мере... – Джамшид запнулся. – По крайней мере, давай попробуем. Мы ведь можем попробовать, правда? Разве мы не заслужили этого?

В его черных влажных глазах была мольба, идущая от самого сердца. В глазах, которые Мунтадир потерял более десяти лет назад. Глаза, которые в худших предчувствиях Мунтадира могли никогда не открыться, после того как Джамшид, ни мгновения не колеблясь, защитил его своим телом, приняв на себя семь стрел, предназначенных эмиру.

«Ты со мной», – сказал тихим голосом Джамшид, когда пришел наконец в себя после нападения на лодку и нескольких месяцев борьбы со смертью. Мунтадир умолял Джамшида сказать ему, о чем он думал в тот роковой момент. Джамшид, все еще пребывавший в бредовом состоянии, так и не сказал, что сделал это из чувства долга, потому что Мунтадир был его эмиром.

Он теперь просто был с Джамшидом.

И его Бага Нахид заслужил это. Может быть, Мунтадир не стал бы делать это для себя, но ради Джамшида он был готов попробовать.

Он обнял Джамшида:

– Я на твоей стороне.

– Отведи меня домой.

Альтернативный эпилог к «Золотой империи»

Спойлеры ко всем трем книгам

Дараявахауш э-Афшин командовал сражениями и руководил движением сопротивления. Он путешествовал на ветрах, как ни один дэв за тысячу лет, он нанес поражение Бану Маниже э-Нахид. Он ушел на своих ногах от самых райских врат, исполненный решимости заслужить райский мир, искупив свои преступления.

Ни один из тех его подвигов не вызывал у него такого страха, как посещение этой таверны, проклятой создателем.

Дара прошелся по сводчатой крыше разрушенного мудхифа. Эта с умом сооруженная постройка из тростника, вероятно, была приятным для созерцания объектом во времена, когда здесь жили люди. Массивные, плотно сбитые колонны из тростника были связаны и изогнуты таким образом, что в результате получалось просторное помещение. Окнами служили изящно сплетенные из травы сетки, и, хотя восточная сторона мудхифа сторела, он казался достаточно прочным, и люди вполне могли его еще отремонтировать, если бы сюда первыми не пришли джинны. И на самом деле в этот момент Дара не сомневался, что ближе чем в трех днях пути здесь, куда ни пойдешь, нет ни одного человека.

Потому что это место вовсе не было каким-то обычным в районе болот вдоль Евфрата: это была Бабили, свободная конфедерация скрытых руин, криминальных аванпостов, спрятанных от посторонних глаз поселений, внезапно возникающих ночных базаров и шумных таверн, конфедерация, которая издавна считалась сердцем пограничья между Дэвастаном и Ам-Гезирой. Это место временами шумело. Временами бесилось. И Дара из собственного опыта знал, что люди склонны с криками бежать из мест, в которых ночи полны громкими спорами и смехом невидимых духов.

Дара в настоящий момент пребывал в обличье собственного невидимого духа. Он оставался бесформенным со времени своего прибытия в Бабили, предпочитая парить над мудхифом и следить за посетителями таверны, будучи горячим ветром. Многих джинов бросало в дрожь, когда он пролетал мимо, а один раз он сильным своим порывом случайно перевернул шахматную доску... за что игрок, игравший белыми фигурами, должен был бы поблагодарить его.

А теперь он подкрался к краю крыши, откуда принялся с завистью смотреть на тройку лавочников – они смеялись и сплетничали, попивая из глиняных чашек какой-то горячий – над чашками поднимался парок – напиток. Дара отчаянно хотел и сам пользоваться такой же свободой. Он хотел иметь достаточно мужества, чтобы войти в какую-нибудь таверну, деревню, город. Хотел заказать себе выпивку и завязать разговор так, чтобы метка Афшина на его лице не отпугивала других людей.

«Не по этой ли причине ты покинул Дэвабад?!» Дара помнил ту уверенность, с которой он убеждал Нари, что больше ему не придется скрываться. Выбрав охоту на ифритов и служение своему народу, он в конечном счете сможет воссоединиться с ними. И в некотором – ограниченном – роде ему это удалось. Путешествуя по дальним пределам Дэвастана, он сделал несколько остановок и оказал помощь нескольким поселениям: то прогонял Рух, свившую себе гнездо в капустном поле селян-земледельцев (за что он получал

хорошее – или не очень – вознаграждение в виде домашнего вина), то убивал оборотня, пожиравшего пастухов в удаленном горном городке.

Но монстров для своей охоты он здесь не видел... ну, разве что одного, это уж как посмотреть. И Бабили вовсе не был маленькой дэвской деревней на краю света, не затронутой войной, которую он принес в Дэвабад. И по контрасту Бабили был готов принять джиннов и дэвов со всех концов магического царства. Сюда приходили, чтобы обменяться новостями и идеями, чтобы торговать, заключать союзы и подраться. Здесь у всех были свои мнения о войне, и многие были запятнаны насилием. Путешественники открыто пили или молились в память о тех, кого потеряли, и проклинали правителей, которые привели их в такое жалкое состояние.

Дара знал все это – он наблюдал за таверной и следил за ее завсегдатаями. Он уже знал, что дэву-барменшу зовут Рудабе и она заслуживает того, чтобы провести третье столетие своей жизни с кем-нибудь получше, чем ее никудышный муж. Он знал, что у грузчика, который таскал товары торговцев на склад, проблема с пьянством и он мечтает заработать достаточно денег, чтобы вернуться на Сахрейнские берега. У старого погонщика быков родом из Агниванши, скорбно смотревшего на звезды, денег едва хватало на две дополнительные порции еды, если только его не нанимал какой-нибудь караван. Юный внучок Рудабе приходил пораньше, чтобы пофлиртовать с девчонкой-гезири, которая утром привозила хлеб из своей деревни, расположенной вниз по течению реки.

Они говорили о войне и бурном послевоенном восстановлении Дэвабада, и Дара безмолвно благодарил творца каждый раз, когда слышал, что никаких крупных кровопролитий там больше не случилось. Нари в основном хвалили, и многие путешественники-шафиты называли ее «наша», а еще он слышал, как торговцу солью с ужасной открытой раной в животе советовали поспешить в Дэвабад, где «хотя бы лазарет работает бесперебойно». Нешумная группа песчаных моряков целый день составляла планы ухода от импортного сбора, установленного этим «маридоглазым изувером». Дара решил, что так они называют Ализейда. Два дэвских пилигрима негромко разговаривали о том, что хорошо бы посмотреть перенесенный в Храм Нахид трон с шеду.

О себе Дара мало что слышал. Что его ничуть не удивляло – ведь он находился на краю света, в поселении, которое расположилось между гезири и дэва и вынуждено было проводить политику и нашим, и вашим. Его имя вызывало не громкие обвинительные речи, а зловещий шепоток, который, казалось, сразу же убивал настроение, царившее в таверне. «Проклятая трагедия», – услышал он как-то раз. «Бич», – слышал он не единожды.

Прежде чем возвращаться в общество, разумно было бы подождать несколько лет, чтобы улеглись эмоции. Или несколько десятилетий. Но Дара собственной шкурой чувствовал, что у него нет этого времени, если он хочет найти Визареша и похищенные сосуды. Ему нужно было отслеживать слухи: места удара неестественных молний и истории о людях с необыкновенными способностями. Пусть Дара был сильнее, но ифрит опережал его на тысячу лет в том, что называлось умением скрывать свои следы. Той малости, что знал Дара об изначальных чарах дэвов, его научили Визареш и Аэшма. Использование такой магии против них самих было подвигом, который он и представить себе не мог.

«И ты никогда не найдешь достоверных наводок на место нахождения Визареша, если еще пять дней будешь только разгуливать по этой крыше». Дара сделал глубокий вдох. Он мог в любой момент снова оседлать ветер, если дела пойдут плохо, разве нет? Это не послужит созданию самых вдохновляющих впечатлений, но его репутации уже некуда было ухудшаться.

Он собрал себя в кулак, слетел вниз и обрел видимую форму – облачился в темно-синий плащ поверх штанов, в обувь, какую мог надеть обычный дэв. Дара воспротивился желанию закрыть лицо – это никогда не приводило к нужным ему результатам – и вызвал шапку с плоским верхом, надел ее наискосок, чтобы скрыть метку Афшина.

Сердце его колотилось, как сумасшедшее, пока он обходил мудхиф. Дара слишком поздно понял, что у нормальных путешественников при себе имеется хоть какой-то багаж – они не используют древнее колдовство, чтобы вызвать себе нужное. Но он уже входил в дверь, и это казалось меньшей из его проблем.

Дара остановился, чтобы внимательно оглядеться. Посетители, похоже, даже не поняли, что их оценивают на потенциальную опасность. Или даже вообще оценивают. Или были в состоянии написать слово «оценивают». Большинство пребывало в пьяном состоянии. Человек с длинной, поразительно серебристой бородой раскачивался и напевал что-то облачку дыма, покоящемуся в его руках. Напротив него три старьевщицы-гезири спорили над потрепанной картой, пометки на которой смещались и приобретали новые очертания, изменяя границы какой-то неизвестной земли. Группа побольше, состоящая из джиннов и дэвов, собралась вокруг двух человек, бросавших игральные кости, украшенные драгоценными камнями, кости при этом испускали яркие фиолетовые и бронзовые искры, словно фейерверки в миниатюре.

Но самое главное, что никто из присутствующих даже взгляда не бросил в его сторону, а потому Дара, опустив глаза, прошел к высокому прилавку, где Рудаве замешивала свои напитки. Прилавок, видимо, был сделан из украденной человеческой лодки, которую перевернули и положили на два пенька – получилась надежная ровная поверхность.

– Я тебе сто раз говорила: выскребывай чашки по-настоящему, не полагайся на то, что алкоголь их очистит, – раздраженно бросила барменша посудомойнице и поспешила навстречу Даре. – Пусть огонь ярко горит для вас, незнакомец. Что вам подать?

Дара взвесил свои варианты. Ему не раз говорили, что его предпочтительный напиток – финиковое вино – считается тошнотворно сладким пойлом – пережитком старых сплетниц-алкоголичек; это мнение категорически оскорбляло его, но, как он догадывался, не делало финиковое вино популярным в бандитских пивнушках на пыльных дорогах между Дэвастаном и Ам-Гезирой.

– Любое открытое вино, какое у вас есть, – скованно ответил он, стараясь скрывать свое произношение. Еще один пережиток давно ушедшей эпохи.

– Нет проблем. – Она достала щербатую керамическую чашу из шкафа, веселенькая розовая окраска которой видела когда-то лучшие дни, и налила

в нее черпаком немного вина из большой глиняной амфоры, наполовину стоявшей в земляном полу. Она встретила его взгляд. – Вы откуда... ой!

Рудабе отскочила назад, вскрикнув, выронила чашу. Рука Дары метнулась вперед и успела схватить сосуд.

– Из Дэвабада, – откровенно ответил он. Не имело смысла лгать. Дара знал причину ее ужаса – она узнала его.

Дрожал черпак, зажатый в ее кулаке.

– Господи милостивый, – прошептала она. – Вы – это он. Вы – Афшин.

Ее вскрик еще не привлек внимания – это сделало произнесенное ею имя. Таверна погрузилась в тишину, пьяный смех и оживленные коммерческие переговоры смолкли с быстротой, какая, по мнению Дары, была невозможна. Один из игроков уронил свои игральные кости, и они взорвались веселыми искрами, затрепавшими в мертвой, потрясенной тишине.

Дара нервно откашлялся.

– Приветствую, – неловко сказал он, пытаясь воспользоваться этим моментом потрясения, прежде чем джинны станут тянуться за оружием. Он начал было поднимать руку, но тут же остановил ее движение, которое заставило вскочить несколько человек. – Я здесь проездом и никому не желаю зла. – Он вымучил улыбку. – Договорились?

Наступило затянувшееся мгновение тишины, а потом трое гезири молча поднялись со своих мест. Одна из женщин сунула в сумку карту, а другая кинула горсть монет в их недопитые чаши.

Но оружия никто не вытащил, они, выходя из таверны, ограничились стрельбой в него ненавидящими взглядами, но ничем более убийственным. Дара попытался не реагировать, жаркая волна стыда нахлынула на него. Он не мог осуждать гезири за их враждебность. Во всяком случае, не мог после того, что Манижа сделала с их родней в Дэвабаде.

«После того, что ты позволил ей сделать».

«После того, что сделал ты сам».

Его лицо запыхало еще жарче. На кончиках его пальцев ожили язычки пламени. Дара быстро их пригасил. Ах, как ему хотелось напиться. Он неохотно поставил чашу и, сделав вид, что роется в кармане, выколдовал несколько золотых монет.

– Тебе за беспокойство, Рудабе. Я плачу за все, что захотят выпить посетители.

Барменша не двинулась с места:

– Откуда вы знаете мое имя?

«Я пять дней отслеживал тебя».

– Я... вероятно, слышал его, проходя мимо. – Дара подвинул к ней монетки. – Пожалуйста.

Рудабе чуть более беспощадно осмотрела деньги:

– Удвойте это, и я сделаю так, что вас никто не побеспокоит.

Ну и ну. Кажется, кто-то слишком быстро отошел от испуга.

– Договорились, – согласился Дара и выколдовал еще горсть монет.

Барменша уважительно наклонила голову, а потом смела деньги в карман юбки.

– Этот Афшин говорит: заказывайте что хотите, – громко сообщила она, вынимая из шкафа несколько стеклянных бутылок. Одна была покрашена в серебристый цвет, другая была из голубого фарфора с вкрапленными в него драгоценными камнями. – Это его подарок.

Она принялась обходить клиентов одного за другим, а Дара опустил взгляд, склонился над своей чашей. Он сделал глоток вина, и, хотя на языке ближе к горлу у него осталось кислое послевкусие, вино вовсе не показалось ему таким уж отвратительным. Уши его обжигал шепот сплетен про него, и он чувствовал спиной все взгляды, устремленные в его сторону. Но хотя бы кровь не лилась. Пока.

«Ты сможешь», – сказал себе Дара; допив вино, он оперся о прилавок, дотянулся до черпака Рудабе, чтобы налить себе еще чашу вина. Это чем-то напоминало тренировку, разве нет? Короткие шажки, и все такое. Может быть, он сегодня не узнает никакой полезной информации о том, где ему искать таинственного ифрита, но хотя бы допить вино он сможет, вкушать мимолетно общественный настрой и уйти с миром.

Это не значило, что он собирался вести вежливую беседу с настоящим врагом.

ЗЕЙНАБ АЛЬ-КАХТАНИ ВОЗГЛАВИЛА БЫ ЕЩЕ ОДИН БУНТ РАДИ СМЕНЫ ОБСТАНОВКИ.

Все ее тело болело, она ерзала в седле, чтобы ослабить спазмы в пояснице, и чуть было не свалилась на землю, когда ее ноги онемели настолько, что она не могла толком обхватить лошадиное брюхо. Она со стоном села поудобнее, выплюнула песок, набившийся в рот. Зейнаб понять не могла, каким образом песок пробирается за материю, закрывавшую нижнюю часть ее лица. Она отказалась от всякого сопротивления, и приблизительно в это же время стуки в ее голове усилились до такой степени, что она слышала их ушами.

«Чего бы я только не отдала за ванну и нормальную постель». Зейнаб посмотрела, как там чувствует себя Акиса, не лучше ли, чем она. Воительница перед ней ехала с голой спиной на ориксе размером в два раза меньше ее, Зейнаб, лошади. Одной рукой Акиса лениво держалась за рог. Ее

тело, окутанное облаком пыли, поднимаемой копытами орикса, изящно покачивалось, и вообще Акиса выглядела точь-в-точь как таинственная, наделенная сверхъестественной силой воительница из ночных людских кошмаров. Ее грязные одеяния полоскались на ветру, спутанные косы сдувало назад. Солнечные лучи отражались от трех пристегнутых к ней сзади кривых мечей, высвечивали их.

Ничто в Акисе не говорило, что она нуждается в отдыхе или что ей вообще когда-либо требуется отдых, и Зейнаб попыталась не впасть в отчаяние. Бабили уже где-то рядом, ведь правда? Акиса поклялась, что они доберутся до этого поселения к заходу солнца, а солнце уже подбиралось к горизонту. Зейнаб, горевшая желанием произвести впечатление на другую женщину, прежде хотела преодолеть расстояние до Бабили за один день, ни разу не отдохнув в пути.

«Вот что ты получаешь, когда на первое место ставишь приключения, а не свою семью». Будь Зейнаб хорошей дочерью, она отправилась бы в противоположную сторону, к западному берегу Ам-Гезиры, где могла бы сесть на корабль до Та-Нтри и посетить свою мать, их родные края. Она познакомилась бы с дальней родней, о которой слышала всякие истории, пока росла, прошлась бы по залам их наследственного замка в Шефале. Она, несомненно, смогла бы снять груз с сердца матери, освободить ее от некоторых обязанностей при дворе, помочь ей в работе по перезагрузке сложных отношений Аяанле с Дэвабадом во времена революционных перемен.

Но Зейнаб не сделала этого. Не могла. Пока не могла. От перспективы вернуться в политику, в мир, где все, начиная с ее драгоценностей до ее прически и ее улыбки, будут под пристальным вниманием, у нее волосы вставали дыбом. От многого в последнее время волосы у нее вставали дыбом: от ее ночных кровавых кошмаров, навеванных сражениями на улицах Дэвабада, от криков заключенных, которых пытаются в подземелье, где она ждала смерти. От выбивания ковров и пыхания инструментов кузнеца, которые возвращали ее в воспоминание о зданиях, обрушающихся на людей, и о клинках, пронзающих человеческую плоть.

И она пустилась в бега, написав бессвязное письмо матери и молясь о том, чтобы высказанное в Дэвабаде пожелание Акисы совершить совместное путешествие после посещения Бир-Набата не было пустым словословием. Али не преувеличивал, когда захлеб рассказывал о тепле и покое этого оазисного городка, когда-то приютившего его. Это было замечательно дружное сообщество, которое отнеслось к Зейнаб в большей мере как к возвращающейся дочери, чем к принцессе из далеких краев. И Акиса на самом деле была одной из их дочерей, над которой квохтала целая стая родственников.

Но они пробыли в Бир-Набате меньше месяца, когда ее подругу тоже стало одолевать неодолимое желание покинуть эти места.

– Тут повсюду Любайд, – тихо призналась Акиса в один из вечеров, когда она и Зейнаб были вдвоем высоко на одном из высоких человеческих надгробий. Место это было удивительным: высеченный из камня, высокий, как башня, фасад, к которому вел ряд ступенек, создававших впечатление, что ты поднимаешься к небесам. – Наши матери были близкими подругами, и он

был моей тенью со времени нашего рождения. Я не могу здесь оставаться – я вижу его каждое мгновение.

Зейнаб помнила выражение лица своей спутницы – резкие морщины, смягченные лунным светом. Они тогда впервые за несколько недель остались вдвоем, и это понимание наполнило ее нервной неопределенностью, которую она никак не могла понять.

– Ты его любила? – пробормотала она.

Акиса повернулась на бок лицом к Зейнаб.

– Да. Он был мне как брат. – Понять, что выражали ее глаза, было невозможно. – Почему ты спрашиваешь?

Зейнаб – принцесса, обученная оттачивать свои слова, как оружие, всегда имела умный ответ, язвительную реакцию, харизматическую дразнилку – спасовала перед этим вопросом.

– Я... ну... вы казались хорошей парой.

Взгляд Акисы оставался таким непроницаемым, что румянец залил все лицо Зейнаб. Спустя убийственно долгое мгновение она ответила:

– Знаешь, больше тебе нет нужды так думать. По поводу пар. О любви как о какой-то разновидности контракта.

Она, конечно, была права. Но Зейнаб, обреченную на политический брак, воспитывали в духе романтических представлений. Ее любовь прежде всего принадлежала ее семье и ее соплеменникам, а потом уже тому иностранному аристократу, с которым в один прекрасный день она должна будет заключить самый тесный из союзов. Она не позволяла себе рассматривать другой вариант, а если и пыталась, то заканчивалось это болью сердечной.

– Я другого не знаю, – призналась Зейнаб. – Я не жила другой жизнью.

При этих словах губы Акисы изогнулись в нечто вроде улыбки.

– Твоя жизнь не давала тебе возможности и для обучения обращаться с оружием, но мы довольно быстро ликвидировали этот пробел.

Она с этими словами подняла руку и Зейнаб запомнила свое недоумение: что собирается делать Акиса. Не коснется ли ее Акиса?

Но Акиса всего лишь уронила руку, и сделала это, видимо, с неохотой, потому что выражение недовольства поселилось на ее лице.

– Всему свое время, Зейнаб, – сказала она хрипловатым голосом, словно и себе напоминала об этом. – Вот увидишь.

На этом их разговор прекратился, но уже на следующее утро Акиса стала собирать вещи, и, собравшись, они тронулись в путь. Они даже толком не знали, куда едут, просто «отсюда». Зейнаб поклялась самой себе, что не будет обузой. Акиса оставила дом, чтобы быть ее спутницей, и Зейнаб не

собиралась перекладывать на нее то, что должна была делать сама. Она собиралась научиться охотиться и сражаться, ориентироваться по звездам и просыпаться достаточно рано, чтобы заварить кофе для них обеих.

Но в данный момент она даже не могла сказать, сколько времени ей еще удастся продержаться в седле. К счастью, когда она уже начала падать, Акиса замедлила бег своего орикса.

– Бабили, – сообщила Акиса, показывая Зейнаб, что пора останавливаться.

Зейнаб заморгала, очищая от пыли глаза, прогоняя туман из головы. Солнце наконец зашло за горизонт, а остаточное малиновое сияние почти не освещало уходящие вдаль темные болота и сверкающую воду. Зрелище было малопривлекательное, к тому же Зейнаб не увидела ничего, напоминающего человеческое поселение, только колючие деревья и кусты, вонзающиеся в небеса, как загребущие когти.

– Это город? – прохрипела Зейнаб.

Акиса подала ей еще полную флягу:

– Попей. И нет, не совсем город. Бабили не город. Воспринимай его как место, где группа джиннов и дэвов заявили свои права на различные руины и сражаются за право переправлять путешественников через реку или по настроению грабить их.

Во рту у Зейнаб снова образовалась пустыня.

– И ты именно здесь хочешь передохнуть?

– Большинство мест скорее похоже на Бабили, чем на Бир-Набат, принцесса. Пора к этому привыкнуть. Насколько я помню, там впереди есть таверна. Можно перекусить, помолиться, как полагается, и узнать новости, которые могут иметь к нам отношение.

– Можем мы сделать так, чтобы наше появление не стало частью новостей? – Зейнаб сняла с себя грязный тюрбан и встрясла его.

– Мы можем попробовать. – Акиса наблюдала за ней, но стоило их глазам встретиться, как воительница отвела свои. – У тебя внешность довольно запоминающаяся.

Пальцы Зейнаб мяли тюрбан. «Что моя внешность?» Но Акиса уже спрыгнула на землю и двинулась к внушительному сооружению из тростника на берегу реки.

– Держи свой зульфикар наготове, – кинула ей Акиса через плечо. – В этом месте принято сначала колоть, а потом уже задавать вопросы.

– Ты меня приводишь в лучшие места на свете, – пробормотала Зейнаб, но сделала то, что ей было сказано, крепче сжала в руке холодную рукоять зульфикара. Она перед своим отъездом взяла у Али чертову прорву уроков, но искусством вызывать пламя из семейного клинка овладела не в полной мере. Она шла следом за Акисой, ее сандалии хрустели, ступая по

каменистой земле, подминали траву. В воздухе пахло застоялой водой и дымком.

– Странно, – задумчиво сказала Акиса на пути в таверну. – Насколько мне помнится, тут было многолюднее. Шумнее.

От тени таверны отделились трое джиннов, они вели с собой ориксов, словно собирались отправиться в путь. Увидев Акису, один из них отделился от остальных и пошел в их направлении. Зейнаб замерла. Неужели это тот самый случай, когда надо сначала колоть?

Но человек, приблизившись к ним, только приветственно прикоснулся сначала к сердцу, потом ко лбу.

– Мир вам, сестры. – Его джиннистанский говор был грубоват, приправлен северным гезирским акцентом, знакомым Акисе. – Позвольте мне предложить вам поискать место где-нибудь получше сегодня? Компания в этой таверне сейчас оставляет желать много лучшего.

Акиса нахмурилась:

– Вы что имеете в виду?

Человек испустил звук отвращения:

– Здесь Бич. Вероятно, решил наконец выползти из той грязной ямы, в которой прятался.

– Бич? – повторила за ним Зейнаб, не веря своим ушам. – Вы же не хотите сказать...

– Здесь Афшин? – спросила Акиса. Голос ее прозвучал тихо и убийственно. – Бич? Вы уверены?

– Хотелось бы мне не быть уверенным. Он внутри, выпивает, будто на его руках нет крови тысяч погубленных жизней. – Другой джинн покачал головой, вид у него был свирепый. – В этом мире нет справедливости.

Акиса одним движением извлекла мечи у себя со спины:

– Она может наступить.

Зейнаб все еще никак не могла принять тот факт, что Дараявахауш э-Афшин – враг, с которым она сражалась, пресловутый, чтобы не сказать беглый, бывший генерал – находится в этой отвратительной, полуразрушенной таверне перед ними. Слишком поздно осознала она решимость слов Акисы.

– Акиса, стой...

Но Акиса не стала ждать. Она ускорила шаг, оттолкнула в сторону выцветшую занавеску, повешенную кем-то в жалкой пародии на дверь, и влетела внутрь. Зейнаб поспешила за ней.

Внутри было сумеречно, но тепло от огонька потрескивавшего в углу комнаты под открытым небом. Лампадки горели всего на нескольких столах, впрочем, слово «стол» было преувеличением, потому что они представляли собой то перевернутые ящики, то потрескавшийся металлический барабан, то пустые бочки какого-то явно запрещенного пойла. Света было недостаточно, чтобы прогнать наступающую темноту, но хватало, чтобы показать Зейнаб набор странностей, каких она не видела прежде. Какой-то человек попивал чай с большой черепахой, на панцире которой стояли свечи, другая пара джиннов увлеченно играла в какую-то настольную игру, передвигала фигуры в виде неровных зубов. Зейнаб двинулась было вперед, но тут же резко отскочила, наступив на руку похрапывающего человека, который свернулся калачиком на груди – представить только – обуви.

Но, как ни переполнена была таверна, Зейнаб подметила, что активность не касается одной стороны комнаты, где в одиночестве сидел спиной к двери очень крупный человек, склонившийся над чашей пойла. Одет он был просто, в темно-синий плащ и дэвские штаны, дымок, вьющийся из-под шерстяной шапки, плохо скрывал его черные волосы. Оружия у него она не увидела. Впрочем, это не имело значения.

Когда ты один, оружия тебе не нужно.

– Бич, – прошипела сквозь зубы Акиса. – Приятно проводишь время?

Дараявахауш замер, потом повернул к ней голову. Зейнаб напряглась. Она видела этого Афшина в качестве мстительного незваного гостя при дворе ее отца и кровавого полководца Манижи. Она видела его в качестве сломленного врага, который пытался перерезать себе горло, видела его в качестве присмирившего, чувствующего себя неловко посетителя у постели Нари.

Этот Афшин имел усталый вид. Усталый настолько, что, как решила Зейнаб, даже не удивился, увидев их, он словно заранее был готов к худшему.

Дараявахауш допил вино из чаши, а потом громко поставил ее на стол.

– Проводил. – Он ухватил черпак, ручка которого торчала из полужакрытой глиняной амфоры. – Хотите выпить? Это, может быть, смягчит вас немного.

– Единственное, чего я хочу, – это вонзить меч в твое горло.

И теперь таверна прореагировала, злой, вооруженной гезирийской воительницы, видимо, было достаточно, чтобы вывести из ступора самые сбитые с толку мозги. Игральные фигурки стукались друг о друга, рычали, когда их игроки отступали, а человек с черепахой прижал здоровенное животное к груди, словно защищая его.

Немолодая женщина-дэва в лоскутном платье вышла из-за прилавка, выхватила черпак из руки Афшина.

– Выметайтесь. Оба.

Зейнаб подалась к Акисе и ухватила подругу под руку.

– Идем. – Но Акиса стояла твердо, как скала.

Дараявахауш тоже не двинулся с места.

– Я не желаю вам зла, – осторожно сказал он. – Клянусь. Я всего лишь... – Его яркие глаза, в которых поселилась тревога, переметнулись с Акисы на Зейнаб. – Принцесса Зейнаб?

Он произнес эти слова достаточно громко, чтобы его услышали все, и Зейнаб почувствовала, что все головы в таверне повернулись в ее сторону.

– Разве я сказала уходить? – Выражение лица барменши изменилось так мгновенно, словно ее место вдруг заняла другая женщина. Она быстро пополнила чашу Дараявахауша, потом, сияя улыбкой, достала из потайного шкафа еще две. – Оставайтесь! Я настаиваю.

Зейнаб никак не прореагировала на ее слова. Она вдруг обнаружила, что никак не может оторвать взгляда от изумрудного цвета глаз Дараявахауша. Она помнила эти горящие глаза, которые встретили ее взгляд в лазарете, когда она пришла сдаваться. Последовавшая за этим долгая прогулка будет преследовать ее всю жизнь. Будучи верующей, Зейнаб тогда высоко держала голову и повторяла в уме Символ веры. Она полагала, что ее казнят на площади перед ее народом, что она станет мученицей последнего падения Дэвабада.

Но она не умерла. Ни тогда на улице, ни в подземелье. Как и Дараявахауш. И вот они снова оказались друг перед другом.

Он опасливо показал на подушки справа от него.

– Сядьте, – тихо сказал он. – Прошу вас. Между нами теперь мир, да?

Акиса не опустила мечей.

– Я недавно похоронила прах моего лучшего друга. – Голос ее дрожал – такого Зейнаб не слышала никогда прежде. – Один из твоих ифритов ударил его по спине топором. Твой «мир» не делает его менее мертвым.

Дараявахауша передернуло, и тут в дело вмешалась Зейнаб. Ее первоначальное потрясение от встречи с Афшином проходило, его заменяла новая решимость выяснить, что, черт побери, тут происходит.

Сказать, что Дараявахауш оставил Дэвабад в запутанных обстоятельствах, было бы сильным преуменьшением. В зависимости от того, кому вы задавали вопрос, этот Афшин мог быть монстром, который бежал от справедливого суда, а мог быть трагическим героем, который выбрал путь искупления. Зейнаб знала, по какую сторону этой кривой находится она. В ходе атаки на дворец она потеряла отца и несколько десятков близких ей людей, она собственными глазами видела ужас разрушенной Цитадели. И это было до того, как он проложил тропу смерти к лазарету. До последней попытки Манижи взять ее в плен – резни, которую Зейнаб не забудет никогда. Сведенные в кирпичную пыль многосемейные дома. Обрушенная академия в Аяанле с погребенными внутри нее учащимися.

И если часть ее могла согласиться с тем, что какая-то доля вины за последнюю атаку лежит и на ней – она была в плену у Манижи, – она не могла не задавать себе вопрос, сколько жизней можно было бы спасти, если бы он пораньше объявился у Бану Нахиды.

Но в данный момент ее личные чувства не имели значения. Дараявахауша не видели после его бегства, а Зейнаб была не из тех, кто отказывается от возможности почерпнуть полезные сведения о кровном враге ее семейства. Она подошла поближе к Акисе. Гезирский язык она знала плохо, но несколько слов помнила и немного в ее голове осталось.

– Информация, – прошептала она на гезирийском. – Для дома. Ну?

Акиса посмотрела на нее испепеляющим взглядом, а потом села, положила мечи себе на колени.

Зейнаб тоже села и, обратившись к хозяйке заведения, пустила в ход самую любезную из своих улыбок.

– Могу я попросить у вас кофе? Мы с моей спутницей предпочитаем кофе вину.

Женщина низко поклонилась:

– Мгновенно, ваше высочество.

Внимание Дараявахауша снова обратилось к вину.

– Как его звали? – спросил он, не отрывая глаз от чаши. – Вашего друга, которого убил ифрит?

Зейнаб не удивилась бы, если Акиса заколола его за этот вопрос. Но Акиса ответила, с такой силой сжимая рукояти мечей, что костяшки ее пальцев побелели:

– Любайд.

– Любайд, – повторил Дараявахауш. – Я сочувствую вашей утрате. Искренне.

– Пошел ты... – Но, сказав эти слова, Акиса все же вернула в ножны один из мечей, и Зейнаб восприняла это как положительный знак.

Прошло еще мгновение, и Дараявахауш заговорил снова:

– Должен сказать... принцесса Дэвабада, пожалуй, последний человек, которого я ожидал увидеть в местной таверне. Зачем вы отправились в такое путешествие по просторам Дэвастана?

В его голосе слышалась какая-то подозрительная нотка. И Зейнаб не могла винить его в этом. Вид у нее, вероятно, и в самом деле был ненормальный, и ее легко было узнать в этой глухомани, где ее сопровождала одна Акиса. Нет, она, вероятно, походила на шпиона, намеренного совершать злодеяния в его стране.

– Мне нужно было уехать из дома, – ответила Зейнаб, понимая, что ущерб для нее будет меньше, если она скажет в ответ правду, а не отделается саркастическим замечанием. – Куда-нибудь в новое место, где меньше воспоминаний, если вы меня понимаете.

– Я вас понимаю больше, чем мне хотелось бы понимать, – пробормотал он.

Барменша вернулась с двумя чашками, над которыми поднимался парок.

– За счет заведения, – настойчиво сказала она. – Может быть, вы скажете вашему брату, чтобы он не забыл про нас, когда дело дойдет до установления платы с караванов? Мы слышали, что он назначен на пост министра финансов.

Дараявахауш нахмурился, глядя в свою чашу. Зейнаб попыталась изобразить полный согласия кивок в сторону другой женщины.

– Да... непременно, – сказала она, сделав глоток кофе. Кофе оказался чудесно горьким, какой любила Зейнаб, хотя она не могла не задуматься над тем, повлияет ли нарушение запрета на алкоголь на улучшение финансовых дел этого мелкого заведения.

Женщина снова исчезла.

– Министр финансов? – повторил Афшин. – Он теперь занимает себя бухгалтерскими делами?

Акиса фыркнула:

– Не сомневаюсь, что он и Нари находят немало других способов, чтобы...

Зейнаб наступила ей на ногу.

– Да, он министр финансов. И Нахиды процветают, – сказала она, меняя тему разговора на ту, которая, как подозревала Зейнаб, будет ему более интересна. – Они были заняты по горло. Но Нари, кажется, счастлива. Она, Субха и Джамшид приняли первых учеников в медицинскую школу, чему все они очень радовались. И у нее теперь свой дом – небольшое строение близ лазарета. Она этот дом ремонтирует вместе с ее дедом.

Дараявахауш вздрогнул, услышав это.

– Нари нашла своего деда? – Когда Зейнаб кивнула, эмоции наполнили его глаза. – Слава творцу. Я... я рад услышать об этом. Обо всем про нее. Она заслуживает счастья. Спасибо.

Зейнаб только кивнула в ответ:

– Не за что.

Он снова уставился в свою чашу с вином.

– Я должен извиниться перед вами. Вы были правы той ночью в лесу, говоря о Бану Маниже, и я жалею, что не воспользовался вашим советом раньше. Я...

– он, казалось, запнулся. – Цену за это промедление я буду платить всю мою оставшуюся жизнь.

– Что совершенно справедливо, – пробормотала Акиса.

Зейнаб медлила с ответом:

– Говорят, что вы покинули Дэвабад, чтобы искупить вину. Найти того ифрита. Это правда?

Дараявахауш поморщился, он откинулся на своем сиденье, опрокидывая остатки вина из чаши в рот.

– Я пытаюсь. Было бы проще, если бы тот, кого я ищу, не владел несколькими тысячелетиями знаний обо мне в том, что касается моего умения скрываться, моей собственной магии и всеобщей ненависти, которую я вызываю.

– Значит, пока не везет?

Афшин со стуком поставил свою чашу на стол, и Зейнаб увидела, что несколько посетителей таверны вскочили со своих мест.

– Я потерял все нити. Я гнался за Визарешем по отметинам, оставляемым его магией, но это все равно что идти по следам, исчезающим на другой день, использовать глаза, которые невозможно открыть полностью.

Зейнаб пробрала дрожь.

– Визареш – это тот, кто украл сосуды из Храма?

– Да. – Голос Дараявахауша звучал подавленно. – Когда я думаю о том, что их передадут хозяевам-людям, хозяевам, которые будут контролировать их, как Манижа контролировала меня... – Он крепко закрыл глаза. – А я только и могу, что перемещаться, отдаваясь ветру, в надежде в один прекрасный день наконец случайно встретиться с ним.

– Я полагаю, что их преследование – это наше новое занятие. Любой джинн или дэв, наделенные рассудком, бегут в другую сторону. – Зейнаб сделала еще глоток кофе. – Вы не знаете, как выйти на связь с кем-нибудь из пери или маринов? Может быть, они его видели.

Дараявахауш снова нахмурился:

– Мои попытки вызвать какого-нибудь марида привели к тому, что на меня была послана приливная волна. А пери исчезли. Я думаю, они все еще залечивают свои раны после унижения, которое претерпели от Нари.

– Вы можете не поджигать их царств и не убивать их обитателей, пока они не ответят? – спросила Акиса. – Я думала, именно так вы обычно и поступаете.

– Я пытаюсь найти менее кровавые способы достижения моих целей. – Дараявахауш обвел рукой таверну. – Вот почему я здесь. Я думал, может

быть, мне удастся поспрашивать на торговых постах и узнать, не видели ли люди во время своих путешествий какой-нибудь необычной магии.

Зейнаб посмотрела на человека, продолжавшего играть со своей черепахой, которая теперь окрасилась в темно-синий цвет.

– Я думаю, что магия должна быть очень уж необычной, чтобы джинн так ее назвал. – Но тут ей в голову пришла одна мысль. – Впрочем, если вы ищете сосуды и того ифрита, который их похитил... то не лучше ли вам задавать вопросы о магии людям? В конечном счете, если Визареш вернет сосуды своим хозяевам-людям, это вряд ли можно будет скрыть. Выясните, какие обиженные слуги внезапно занимали места своих королей и у кого появилась новая улыбка, при виде которой люди влюбляются в них по уши.

Дараявахауш замер.

– Это... неплохая мысль. – Его лицо помрачнело. – Но я не могу появиться перед людьми, я уж не говорю о том, чтобы поговорить с ними. У меня не было бы способа направить разговор в нужное мне русло.

Вот оно как.

– Тогда, я думаю, можно только пожалеть, что вы полностью исключили шафитов, – не смогла сдержаться Зейнаб. – Кто-нибудь из них наверняка помог бы вам.

– Необязательно быть шафитом, чтобы разговаривать с людьми, – сказала Акиса. Голос ее почему-то вдруг зазвучал не так саркастично, как прежде.

Зейнаб удивленно посмотрела на нее:

– Я знаю, но это все же невероятно редкий дар, разве нет? Я не знаю никого, кто мог бы сделать это.

– Я-то определенно не могу. – Афшин попытался зачерпнуть себе еще вина, но черпак появился из амфоры пустым, отчего лицо Афшина исказила гримаса. – А тут еще и вино кончилось. Увы, это мне знак – закончить разговор с вами двумя в этом немного менее колючем тоне, чем вначале. – Он поднялся гораздо менее грациозно, чем делал это раньше на глазах Зейнаб, и попытался изобразить поклон. – Желаю удачи вашему путешествию.

Зейнаб проводила его взглядом. Он вышел из таверны, а она почувствовала странное желание попытаться остановить его, вот только зачем. Она вздохнула и вернулась к своему кофе.

– Я могу появляться перед людьми, – тихо сказала Акиса.

Зейнаб чуть не подавилась горячей жидкостью:

– Что ты можешь?

– Появляться перед людьми. Говорить с ними. Недлительно, но... – Акиса откашлялась. – Достаточно. Достаточно для короткого разговора.

Мысли Зейнаб метались.

– Я понятия не имела. – Это сообщение странным образом уязвило ее. Хотя с какой стати? Акиса не обязывалась делиться с ней своими тайнами. Они не то чтобы были... – Каким образом? – спросила она, быстро перенаправляя свои мысли.

Акиса отрицательно покачала головой:

– Этому невозможно научить. Нужно, чтобы ты с рождения соприкасалась с людьми. Чем старше ты становишься, тем легче открываешься для истинной магии... и тогда этой возможности уже не существует. – Она помолчала, а когда заговорила снова, то, как показалось Зейнаб, тщательно подбирала слова: – Дэв, за плечами которого несколько веков, дэв, который превращается в огонь и летает на ветре, никогда не сможет говорить с людьми.

– Акиса... – тихо проговорила Зейнаб. – Ты что предлагаешь?

Акису трясло.

– Я поклялась, Зейнаб. Я поклялась отомстить за Любайда. Он бы сделал то же самое за меня.

Зейнаб помедлила, а потом взяла руку Акисы в свою. Ладонь воина была грубой на ощупь и теплой.

– Ты слышала, что сказал Дараявахауш. Его поиски практически безнадежны. Вы ненавидите друг друга. А ифриты опасны. Ты уверена – уверена по-настоящему, – что хочешь посвятить себя этому?

– Нет. Но не потому, что я боюсь ифритов или этого отвратительного типа.

– Акиса посмотрела на их переплетшиеся пальцы. – Просто... просто... понимаешь, дело в тебе.

– Во мне?

– В тебе. – Зейнаб посмотрела ей в глаза и увидела в них боль. Женщина-воин выглядела более уязвимой, чем когда-либо в прошлом. – Я не хочу тебя покидать. Но и просить тебя присоединиться ко мне в этих поисках я тоже не хочу.

Зейнаб уставилась на нее. На женщину, которая могла напугать ее при первой встрече, и на женщину, которая, как думалось тогда Зейнаб, могла быть не в своем уме, когда принесла тренировочные мечи в ее роскошные и тихие королевские апартаменты. Акиса швырнула мечи на кровать и настояла на том, чтобы принцесса, которую всю жизнь окружала вооруженная гвардия, научилась защищать себя сама. Женщина, уверенность которой в Зейнаб, казалось, ни разу не поколебалась, даже когда Зейнаб сама сомневалась в своей способности властвовать, в своей способности сплотить народ и выжить в убийственной войне Манижи.

Эта женщина привила ей мысль, что в жизни может быть нечто большее, чем политика и семейные обязанности. Что, может быть – всего лишь «может быть», – Зейнаб отправится путешествовать. Может быть, она потеряется.

Может быть, она научится влюбляться.

Зейнаб встала, уронила несколько монет рядом с ее кофейной чашкой, схватила Акису за руку, потянула за собой.

– Идем. Нам нужно перехватить одного Афшина.

– Зейнаб.

Зейнаб заставила Акису замолчать, на мгновение прикоснувшись к ее щеке.

– Акиса, я обязана тебе жизнью и свободой. Тебе не нужно ни о чем просить.

Небо уже полностью почернело и было усажено звездами, малиновое тепло солнца исчезло с горизонта и из прохладного воздуха. За «дверями» таверны, похоже, никого не было, и единственный звук, который они слышали, производил ветерок, шуршащий на болотах. Зейнаб оглядела небо, но оно пустовало, если не считать нескольких худосочных облачков, отражавших лунный свет.

Может быть, одно из этих облачков было Дараявахаушем? Может быть, можно вот так:

– Афшин! – изо всех сил закричала Зейнаб в небеса. – АФШИН...

Из-за таверны до них донесся какой-то шорох, а потом из тьмы появился явно недовольный Дараявахауш. Он шел, закрыв ладонями уши.

– Пожалуйста, прекратите это.

Зейнаб нахмурилась:

– Что вы делали в кустах?

Он недоуменно посмотрел на нее:

– Вы позволите мне дать вам урок посещения таверн? Не спрашивайте у людей, куда они направляются, когда они слишком много выпили. – Она вспыхнула, радуясь тому, что в темноте никто не увидит румянца на ее щеках, а Афшин продолжил: – Но важнее вот что: почему вы ищете меня, почему выкрикиваете мое имя в небеса?

Зейнаб распрямилась, поправила на себе грязную дорожную одежду, приняла вид максимально – насколько это было возможно в ее ситуации – приближенный к королевскому величию.

– Мы присоединяемся к вам в вашей охоте на ифрита, – сообщила она.

Дараявахауш уставился на нее недовольным взглядом, и длилось это целое нескончаемое таинственное мгновение.

– Нет, – сказал он, развернулся и пошел прочь.

Зейнаб бросилась за ним:

– Что значит это ваше «нет»?

– Вы не знаете, что значит слово «нет», ваше высочество? Я уверен, вы почти не слышали его, пока росли. Но я поясню: «нет» значит, что вы не присоединяетесь ко мне. Мы не в Дэвабаде, но даже если бы и там, я не подчиняюсь Кахтани.

– Дайте им еще одно поколение, – пробормотала Акиса, – они все станут нахидами.

Дараявахауш повернулся к ней:

– Вы знаете, что...

Зейнаб встала между ними:

– Она может говорить с людьми.

Он недовольно уставился на нее:

– Вы лжете.

– Нет, не лгу. – Зейнаб стояла там, куда встала: между двумя воинами, и, как она подозревала, ей теперь предстояло нередко оказываться в таком положении. – Она всю жизнь прожила рядом с ними.

– В этом есть свои преимущества, если не рассматривать человеческую кровь как вредное вещество, – насмешливо сказала Акиса. – Я могу подходить к ним. Говорить с ними. Делать все то, чего не можете вы.

– Вы же сами сказали, что не знаете, с чего начать, – поспешила сказать Зейнаб, пока Дараявахауш не начал возражать. – Вам нужна информация? Вы хотите найти тех, кто обладает тысячелетним знанием о вас? Тогда вам нужна помощь и план, не построенный на том, что вы в один прекрасный день, притворяясь ветерком, возможно, случайно столкнетесь с Визарешем.

Он сложил руки на груди.

– Вы меня презираете, – откровенно сказал он. – А теперь хотите отправиться со мной на охоту? Да мы же через неделю убьем друг друга.

– Не убьем, – гнула свое Зейнаб. – Вы хоть представляете, сколько испуганных, травмированных людей я поддерживала во время войны Манижи? Я могу иметь дело с вами. К тому же все мы хотим одного: возвращения сосудов.

– И смерти Визареша, – возбужденно добавила Акиса. – Именно этот ифрит и убил моего друга. Если я смогу отомстить ему, то я готова примириться даже с вами.

Дараявахауш сжал губы в мрачную линию.

– Это безумие. – Он снова обратился к Зейнаб. – Если ваши братья узнают, что я взял вас с собой...

– Мне не требуется разрешения моих братьев – я вольна делать то, что мне нужно, – отрезала Зейнаб. – Вы сказали, что хотите искупить вину, верно, Афшин? Давайте мы поможем вам отыскать Визареша. Если только ваши слова не лукавство – если вы не придумали этот повод просто для того, чтобы исчезнуть из Дэвабада.

Он распрямился так быстро, что Зейнаб сделала шаг назад. Его глаза метали искры, огонь завихрился в зелени, и она подумала, не стоит ли ей смирить свои королевские амбиции перед человеком, который два раза затевал войну в надежде свергнуть ее семью.

В его руках не появился вызванный чародейством лук, сам он не исчез в облаке дыма. Нет, он только произнес одно слово:

– Дара.

– Что? – недоуменно спросила Зейнаб.

– Если мы, охотясь на монстров, будем проводить все наши мгновения бодрствования в обществе друг друга – а потом с высокой степенью вероятности погибнем от их рук, – я не хочу, чтобы мне напоминали о моем титуле. Или о каком-либо другом титуле, – добавил он, прежде чем Акиса успела раскрыть рот. – Вы будете называть меня Дара. И только в течение этого времени. Вы поняли? – сказал он, погрозив ей пальцем. – Как только мы найдем Визареша, мы разойдемся в разные стороны.

– Значит, Дара, – великодушно согласилась Зейнаб и посмотрела на Акису. – Тебя это устраивает?

Акиса нахмурилась:

– Я не буду называть вас Афшин. Или Бич.

– Хорошо. – Зейнаб снова взяла руку Акисы, пожала ее, ощущая чувство восторга. – Тогда идем – поищем людей.

Нари

Эти события происходят приблизительно через полтора года после «Золотой империи». Спойлеры ко всем трем книгам.

Закончив рабочий день, Нари отодвинулась от стола.

– И нужно проверить Юсефа, пациента с хирургическими проблемами, поступил сегодня утром. Я удалила из его спины фрагменты крыла, но они были расположены близко к позвоночнику, и ему требуется постоянная проверка на инфекцию. Пусть кто-нибудь из учеников проверит его бинты и применит раствор от шелушения кожи. – Она протянула Джамшиду свиток с историей болезни пациента. – Здесь все написано.

Джамшид, стоявший напротив Нари с несколькими такими же свитками в руках, посмотрел на нее скептическим взглядом:

– Ты уверена, что ученик справится с этим?

– Джамшид, наши ученики провели с нами уже почти год. Да, я думаю, что любой из них в состоянии заглянуть под бинты и обработать поверхность безобидным в остальном раствором. – Нари поднялась. Через деревянные ставни на окнах в комнату проникал предвечерний свет, а воздух в ее кабинете был свежий и наполненный ароматом благовоний, к которым добавлялся сочный земляной запах папируса и египетских лилий, растущих в фонтане. Она извлекла маленькую бархатную сумочку из одного из ящиков стола. – Пусть они помогают тебе, пока меня нет. И не смей беспокоить Субху. Сегодня у нее выходной.

Джамшид посмотрел на нее уязвленным взглядом:

– Я никогда не беспокою Субху. Но ты другое дело, ты семья, а потому мне гораздо удобнее обвинить тебя в том, что ты бросаешь меня с детьми. Учениками. Как ни назови.

– Ты знаешь, сколько из этих детей старше тебя, да? – Нари обошла стол, привстала на цыпочки и поцеловала его в лоб. – Научись передавать свои полномочия другим. Это критическая составляющая профессии врача.

Джамшид издал какой-то уклончивый звук.

– Это что? – спросил он, показывая на сумочку.

– Подарок.

– Подарок? – Он наклонил голову, что-то смешливое появилось в выражении его лица. – Подарок, который нельзя вручить позже? В присутствии всех?

– Подарок, в который тебе не следует совать нос, – язвительно ответила она. – Ну... что еще по лечебным делам, пока я не ушла?

Джамшид еще несколько мгновений с удивленным любопытством рассматривал сумочку:

– Ничего. Но ты вернешься вовремя к вечеринке?

– Вместе с ничем не подозревающим почетным гостем.

Нари накинула на плечи ручной вязки шаль, подаренную ей одним из пациентов, и направилась к двери.

Библиотека рядом с ее кабинетом этот день практически пустовала – лишь несколько учеников сидели за столами, погружившись в чтение. Нарю кивнула тем, кто заметил ее, но прерывать их занятие не стала – она знала то недоумевающее выражение на лицах людей, которые так надолго погружались в чтение, что, посмотрев в зеркало, и своих-то лиц узнать не могли. Она направилась к Мишмишу, который обосновался в своем гнездышке – на залитом солнцем балконе, – гнездышке, которое он приготовил, разорвав в клочья бесценный античный ковер, взятый на время в Храме.

Нари встала на колени и погрузила пальцы в густую гриву шеду, почесала его за ушками.

– Привет, мой храбрый маленький радужный котенок, – проговорила она по-арабски тихим голосом, чтобы сохранить нечто подобное достоинству перед своими студентами. Мишмиш замурлыкал ей в ответ. Он раскинул свои массивные крылья и перевернулся на спину, чтобы она погладила ему брюшко. Нарю удостоила его этой ласки, но вскоре встала и сказала: – Давай прогуляемся.

НАРИ ПОДОЗРЕВАЛА, ЧТО У НЕЕ ВСЕГДА БУДЕТ ДУША ГОРОЖАНКИ. Нарю любила и Каир, денно и ночно пребывающий в суете, она любила бродить и по улицам Дэвабада, которым, кажется, нет конца – ей по душе была неисчерпаемая энергия городских домов. Всегда можно было встретить кого-то нового, выйти в какое-то незнакомое место. Нарю перестала быть пленницей Гассана и принялась исследовать город, ради спасения которого она вонзила в свое сердце ледяной кинжал, а город ответил ей большей радостью, чем она могла себе представить. Она брала Али и Физу на вечерние разговоры в тесных квартирах говорливого сообщества египетских шафитов, к которым принадлежал ее дед, там они вкушали еду и традиции ее детства. А еще Субха брала ее на обряд пуджа в храме Субхи, и там Нарю знакомилась с людьми и верованиями, о существовании которых даже почти не подозревала. В редкие свободные вечера она позволяла Джамшиду и Мунтадиру брать ее в дома знати в разных племенных кварталах на представления и поэтические чтения.

Это, однако, не означало, что она время от времени не наслаждалась дикой природой за стенами Дэвабада.

Мишмиш парил над изумрудными просторами гор. Нарю, сидевшая на его спине, закрывала глаза, наслаждаясь свежим весенним запахом и звуками ветра, – других тут не было. Хотя несколько секций латунной стены города не имели закрывающихся ворот, парки и дома за пределами стены все еще жались

поближе к городу. Большинство джиннов и дэвов настороженно относились к влажным лесам и заросшим руинам, покрывавшим прежний остров, не говоря уже о таинственной новой реке, которая отделяла их от накрытого туманом города маридов. Когда Нари заставила своего шеду приземлиться на полянке в глубине леса, никакого города уже не было видно. Впереди слабо поблескивали голые линии песчаной тропинки, петлявшей среди темных деревьев.

Он шли, и звуки их мягких шагов растворялись в щебетании птиц. Нари не знала толком, как выглядели деревья Дэвабада до того, как она приняла кольцо Сулеймана в свое сердце и переделала ландшафт. Но все здесь, в этих диких местах, от забавного многообразия деревьев (например, сосен со снежным рисунком на стволах рядом с банановыми пальмами) до причудливых животных (таких, как крохотные крылатые змеи и мангусты с зубами из драгоценных камней) казалось окутанным магией. Несколько лет назад это встревожило бы ее. Теперь это было для нее подобно прогулке по собственной душе. Плети плюща раздавались, пропуская ее, даже самые пугливые из дымчатоглазых газелей не бросались наутек, увидев ее. Пусть ее народ выстраивал политическую систему, в которой все люди равны, но сам остров, казалось, остается традиционалистским, крепко цепляется за своих Нахид.

Эта связь увядала по мере приближения Нари к реке. Хотя она и слышала урчание стремнины вдалеке, этот участок реки сегодня выглядел спокойным. Но Нари знала, что это не имеет большого значения: река Али была печально известна своими неожиданностями, направление ее течения изменялось чуть не каждый день. Когда она пришла сюда в первый раз, в этом самом месте бил огромный фонтан, который вырывался из поверхности воды и описывал аккуратную петлю. Дельфины цвета рассвета со спиралевидными рогами игриво прыгали через петлю, а Али подергивал себя за бороду и громко раздражался всякий раз, когда от него ожидали вмешательства. Собек явно сказал ему, что у новорожденных рек есть своя собственная бешеная юность, которую они должны прожить, – от этого сообщения даже Нари потеряла дар речи.

Но здесь теперь не было колдовства, уничтожающего гравитацию. За путаницей трав – папируса и болотного камыша, кувшинок и золотого лотоса – поверхность реки была спокойной. Али она нигде не видела, но его сандалии и аккуратно сложенная рубашка лежали на камне близ круга разбросанных кирпичей. Нари, проходя мимо, увидела кострище рядом с кремнем, которым Али, вероятно, и разжег костер. Ее желудок чуть не вывернулся наружу при виде всего этого. Это ужасно, что ему требовалась такая вещь, как кремень.

Мишмиш отбежал от нее, чтобы потыкаться носом в вещи Али.

– Не думаю, что он сегодня принес тебе какой-нибудь фрукт, Мишмиш. Мы незваные гости. – Нари скинула с ног туфли, сбросила шаль, кинула на землю сумочку и подошла к воде. – Ализейд, ты вовсе не такой хитрец, каким себя считаешь! – прокричала она над водной гладью. – Тебе не спрятаться от этого дня.

Ответа не последовало. Возможно, Али плавал где-то за поворотом реки, а мог плавать в каком-нибудь океане по другую сторону мира. Но Нари уже знала: он, казалось, чувствует, когда она входит в реку, а поэтому

сделала шаг в воду, раздвигая руками тростник. Тростник подрагивал, когда она прикасалась к нему, щекотал ей все тело от икр. Вода была такой прозрачной, что она видела поблескивающую гальку на дне и поросшие мхом камни. То здесь, то там видела сверкающую чешую Тиамат, принесенную из озера. Али выкидывал эту чешую в кусты, когда она находила. «Тиамат не хранитель реки, – упрямо говорил он, и голос его становился похожим на голос Собека. – Это место ей не принадлежит».

Это место принадлежало Али так же, как Дэвабад принадлежал Нари. Она с Али несколько раз пыталась обнаружить истоки этой реки, они пользовались своими магическими способностями, бродя по местности и исследуя границы их измененного мира, но истоков так и не нашли. Они всегда оказывались в той самой точке леса, откуда начинали свои поиски, словно само творение напоминало им о том, что их знание имеет свои пределы.

Нари зашла в воду чуть поглубже, спугнула косячок крохотных серебряных рыбок с плавниками в голубую полоску. Она остановилась, когда вода почти дошла ей до колена, подняла лицо к проникающему сюда сквозь кроны деревьев солнцу, чтобы насладиться редким мгновением покоя. Нари прежде любила купаться, невзирая на то что это занятие считалось неподходящим для благородной девицы, а позднее – совершенно не дэвским. Ей нравилось ощущение невесомости, сопутствующее плаванию, нравилась тишина под водой. В худшие ее годы в Дэвабаде она нередко запиралась в хамаме, чтобы поплакать и поплавать в бассейне в одиночестве, с закрытыми глазами, воображая себя совсем в другом месте.

Но плавание было увлечением, которого ее лишила Кандиша, когда пыталась утопить Нари в Ниле. С тех пор Нари даже в таз голову не могла окунуть, не говоря уже о плавании в реке в период «бешеной юности». Ее новая водобоязнь была унижительной слабостью, которую она презирала и от которой, казалось, никак не могла избавиться.

И все же... вода в этот день была такой спокойной, течение едва ласкало ее кожу. Да господи боже мой, ведь Нари была Бану Нахида. Она могла сражаться с пери, ифритами, со своей кровожадной тетушкой. Несомненно, она может преодолеть и эту свою слабость.

Она сделала еще шаг, потом еще – вода уже скрыла ее колени, потом дошла до талии. Нари пыталась успокоить себя, разглядывая рисунок воды на поверхности. Дно было скользким и неровным, и она с трудом держалась на ногах. Она остановилась на несколько мгновений, чтобы сделать глубокий вдох, отвлечься на едкий запах соленого воздуха и веселое щебетание птиц в лесу неподалеку. Все это было довольно неплохо.

Она пошла дальше, вода пропитала ее платье, поднялась до груди. Вода плескалась у ее плеч... и вдруг она поняла, что это слишком. Нари быстро отступила назад – слишком быстро. Она сдвинула с места несколько камней в речном ложе, и у ее ног мелькнуло мощное змеиное тело, скользнуло по ее икре.

Это была всего лишь водяная змея. Она это знала; Нари проводила взглядом плавающее пресмыкающееся. Но воспоминания уже нахлынули на нее. Их лодка горит, и воды Нила смыкаются над ее головой. Мертвые пальцы гулей тащат ее вниз, легкие жжет, когда она пытается сделать еще один глоток воздуха,

остановить время на мгновение, прежде чем темнота заключит ее в свои объятия.

Нари отступала к берегу в отчаянном стремлении выбраться из воды. Она поскользнулась. Поверхность воды накатилась на Нарю, собираясь забрать ее...

И тут пара рук подхватила ее.

– Все в порядке, – негромко прозвучал голос Али.

Она в смущении и ярости крепко сжала веки, чтобы из-за них не выкатились слезы.

– Я трусиха.

– Ты не трусиха. Ты самая храбрая из всех, кого я знаю. – Али откинул волосы с ее лица, позволяя Нарю прийти в себя, прижимаясь к его груди. – Ты просто дыши.

Звуки его утешительного бормотания смешивались со звуками потока, и Нарю в колыбели его объятий пыталась делать то, о чем сказал ей Али, – просто равномерно дышать. Она была в безопасности. Ни ифриты, ни гули не угрожали ей. Не было здесь ни солдат, чтобы укрываться от них, ни войны, которую нужно вести.

Наконец ее сердце перестало нестись вскачь. Али, не говоря ни слова, поставил ее на ноги, и она, почувствовав опору, ощутила его руку на своей талии.

– Лучше? – спросил он.

Она повернулась к нему лицом, и тут же все связные ответы исчезли из ее головы. Али наклонился, чтобы их глаза были на одном уровне, река омывала его плечи, как жидкая накидка. Блеск воды отражался в его глазах, серебристая дымка заволакивала покрытое черными пятнышками золото. Нарю уже давно привыкла к его переменчивой внешности, но в этой реке он становился кем-то, категорически принадлежащим другому миру, и привыкнуть к этому было совершенно невозможно. От его тела поднимался туман, облако которого обволакивало их обоих, и она вдруг остро ощутила прикосновение его рук через ее мокрое платье. Он был близко, так близко, что она могла бы попробовать на вкус капли воды на его губах, обхватить ногами его за талию, а потом...

«Глаз Сулеймана – вот что привело к гибели группу твоих предков, которые утонули в Ниле после встречи с Собеком».

Нарю пробрала дрожь, она попыталась прогнать туман желания, пришедшего на смену панике. Пользы ни от одного, ни от другого не было, а ей еще предстояло сообщить Али, каким привлекательным он был в своей реке. А он, возможно, сделает что-нибудь докучливое и избыточно благородное, например, снова будет убеждать ее, что Мишмиш не самая подходящая для нее компания.

«Или ты можешь позволить себе насладиться им». Но Нари знала, что Али не нужно просто свидание в воде. Ему нужно большего. Гораздо большего. И временами Нари думала, что и ей тоже – если только фантазии о ком-то, к кому возвращаешься домой, кто заварит ей плохой чай и почитает книгу, пока она будет нежиться в кровати, не отправят ее в конечном счете в круговорот видений, являющих ей все возможные способы, которыми она может потерять это. Нари все еще уговаривала своего деда раз в месяц проходить медицинское обследование у кого-нибудь из Нахид, будучи при этом убеждена, что каждая встреча с нею укорачивает его жизнь. То, что она могла отважиться построить вместе с Али... казалось ей слишком хрупким, чтобы питать относительно его какие-то надежды, уже не говоря о том, чтобы произносить это вслух.

«Но тебе необязательно озвучивать это. По крайней мере, сегодня». В этом и был смысл бархатной сумочки, ждавшей ее на берегу. Пусть это будет маленький шаг, подмена словам, которые ей не позволяло произнести ее все еще не зажившее сердце.

– Лучше, – ответила наконец она, пытаюсь изобразить беззаботную улыбку. – Ты давно за мной наблюдаешь?

Судя по виду Али, он знал, что она лжет, но не стал на этом заострять внимания.

– Клянусь тебе – никакого шпионства. Я был на озере и почувствовал, что ты вошла в воду, но мне не сразу удалось одолеть потоки. Потом... было что-то вроде встряски – твоя бедственная ситуация, наверно? И тут я перенесся сюда. – Он отрицательно покачал головой. – Я никогда не пойму мариридскую магию. Вероятно, мне просто повезло, что мысли о тебе не отправили меня прямо в Нил.

– Я уверена, Собек был бы в восторге.

Он закатил глаза:

– Для начала, Собек и был той причиной, по которой я оказался на озере. Он говорит, что, чем больше времени я буду проводить с моей «родней», тем лучше я смогу управлять своими способностями.

– И как с этим твои дела?

Губы Али изогнулись в сконфуженной улыбке.

– Я думаю, мне в мозг пыталась запрыгнуть лягушка. У меня пошли воспоминания о передвижении прыжками и пожирании мух... – Он издал что-то вроде рвотного звука. – Скажем так: я не возражал против того, что от тебя поступил срочный вызов.

Нари разразилась смехом:

– Как ты думаешь, члены совета, которых ты вынужден оставлять раз в неделю ради «поддержания наших хороших отношений с мариридами», догадываются, что эти действия подразумевают проникновение в мозг лягушки?

– Надеюсь, что не догадываются. Возможно, они относятся к моим идеям менее серьезно. – В его глазах загорались искорки. – Ты готова вернуться на твердую землю?

Магия реки все еще бурлила вокруг них, а Нари теперь гораздо больше интересовало, каким образом он оказался за ее спиной без рубашки в Тантири, только без последующей кровавой хирургии и маридского ультиматума. Но Али объяснился тогда, рассказал, как он относится к плотским связям вне брака, и Нари пыталась принять его взгляды с уважением. По большей части.

– Конечно, – сказала она, с трудом внедряя веселую нотку в свой голос.

Они направились к берегу. Нари изо всех сил старалась не смотреть на него – она не упустила из вида, что на Али нет его привычной крокодильей шкуры, обычно защищавшей его торс, – но, когда они проходили через тростники, его охватила такая дрожь, что она не могла делать вид, будто не замечает этого.

– Холодно? – спросила она, когда он опрометью бросился к своей рубашке.

– Всегда, – ответил он, через голову натягивая на себя рубашку. – С тех самых пор... ну, ты знаешь.

Взгляд Нари снова упал на камень, с помощью которого он разжигал костер, и сердце ее кольнуло.

– Не могу понять, почему ты не испытываешь ненависти к маридам за то, что они лишили тебя твоего дара.

– Потому что я устал ненавидеть и понимаю, почему они сделали это. К тому же... – Он почесал Мишмиша за ухом, потом вернулся к ней. – Я не могу отказаться от дарованных мне ими взамен способностей и пользуюсь их дарами.

Нари не была столь же незлопамятной, но сегодня был неподходящий день наводить Али на мысли о принесенной им жертве. И вместо слов она протянула ему свою шаль.

– Возьми ее... нет, я настаиваю – возьми, – сказала она, набросив шаль ему на плечи, прежде чем он успел возразить. – Перестань упрямиться. Мне шаль не нужна, и нам предстоит неблизкий путь до Дэвабада. Ты ведь наверняка знаешь, что меня отправили привести тебя.

Тревога загорелась в его глазах.

– Привести меня?

– Ты и в самом деле думал, что мы не узнаем?

– Да. – Али застонал. – Я умолял Мунтадира никому не говорить. Он обещал.

– Ой, Али, так ты виделся с братом? Он, значит, соврал. – Нари усмехнулась. – Со счастливым двадцатипятилетием, мой друг. – Когда Али от этих слов еще больше упал духом, она легонько похлопала его по руке. – Что с тобой? Только не говори, что ты хотел провести свой день рождения, обмениваясь мыслями с лягушкой-мухоедом, а не праздновать в кругу друзей.

Али пробрала дрожь.

– Я не из тех, кто отмечает свои дни рождения. Мне не нравятся все эти сюсюканья в мой адрес, это все так неловко и незаслуженно. В особенности по поводу моего двадцатипятилетия. Ты знаешь эти шутки, которые люди отпускают по поводу брака и... боже мой. – Выражение ужаса засветилось на его лице. – Ты сказала «привести меня»? Мунтадир устраивает вечеринку, да?

– Пока мы здесь с тобой разговариваем, он украшает мой дом. Он планировал все это много недель, и ты примешь его труды с удивлением и радостью. И попытаешься получить удовольствие. – Когда ее слова привели его в еще более угрюмое состояние, Нари взяла его лицо в ладони. – Ализейд аль-Кахтани, ты противостоял куда как более опасным врагам, чем несколько неприличных шуток и гости, которые любят тебя.

Он поймал ее руку:

– В твоём доме? Я надеюсь, с твоего разрешения.

– Я сама настояла. Знала, что это уменьшит список приглашенных – услуга тебе, еще один должок за тобой. Добавь его к списку. – Нари подсунула его руку под ее, чтобы пресечь любые попытки бегства, потом позвала Мишмиша. – Идем. Пока мы будем идти, успеешь согреться.

Они вернулись на узкую тропинку, а река осталась позади.

– Как твой пациент сегодня утром? – спросил Али.

– Неплохо. Я так и не знаю, каким образом Юсеф умудрился отрастить крылья, но мои ученики предлагают разные теории. – Нари покачала головой, вспомнив о своих врачах, проходящих практику. – Я каждый день благодарю господу за то, что мы приняли их, а не стали ждать дольше. Они такая замечательная группа. Хани и Руфайда уже говорят о планах создать клиники в других частях города после окончания курса.

– Это было бы здорово. В любом случае ослабило бы нагрузку на лазарет. – Али посмотрел на нее с высоты своего роста. – И, надеюсь, сняло бы часть нагрузки с тебя. Я за тебя беспокоюсь, Нари. Твой дед сказал мне, что ты нередко остаешься ночевать в своем кабинете.

– И это мне говорит человек, который вырубается на заседаниях совета.

– Это другое дело. Готов поспорить, что даже самые внимательные личности не смогли бы не клевать носом на этих бесконечных заседаниях.

Говорил Али легко, но она слышала усталость в его голосе. Они были вовсе не глупы, они всегда знали, что перестроить Дэвабад – задача не из

легких, на ее выполнение потребуется целая жизнь. Но случались дни, когда этот труд становился воистину выматывающим, когда обещания мира, не говоря уже о политической стабильности, казались невыполнимыми.

Нари сжала его руку.

– Дальше будет лучше, – пообещала она. – Для нас обоих. Уже стало лучше. И тебе сегодня вечером не нужно об этом беспокоиться.

Они шли и шли. Солнце опустилось низко, проникало через кроны деревьев, проливалось на лес теплое сияние. Нарі на ходу провела пальцами по массивному, поросшему мхом каменному выступу, и в следе, оставленном ее пальцами, возникли крохотные синие цветочки.

Подарок от отца, которого она никогда не видела. Нарі все еще не могла смириться с тем, что она узнала о смерти своих родителей – о семейной жизни, которой их всех лишили. Столько обещающих начал, казалось ей, было растоптано. Их хрупкая любовь. Мечта ее отца вернуться в Дэвабад и воспитывать Нарі как свою дочь. Маленький дом и жизнь, слепленные Дарией на скорую руку, когда она вернулась в Египет. Ее родители так старались построить что-нибудь, но увидели лишь, как обрушилось то, что они создали с таким трудом. Вернее, не обрушилось, а было разбито на части.

Но им, по крайней мере, хватило мужества попробовать – мужества, которое теперь пыталась найти в себе Нарі, сжимая ремешок своей сумочки.

– Так вот... – начала она. – Твоя мать, наверно, сегодня сильно волнуется. Она, вероятно, несколько месяцев составляла список и проверяла кандидатов.

Али недоуменно посмотрел на нее:

– Кандидаток?

Господи боже... при его забывчивости и ее волнении Нарі и вообразить себе не могла продуктивное развитие этого разговора.

– Ты ведь теперь можешь жениться, да? – спросила она в попытке взять быка за рога. – С учетом того, что Зейнаб более склонна к путешествиям по миру с Акисой, ты теперь наилучшая надежда Хацет обзавестись внуками.

Он фыркнул:

– Ты, наверно, мою почту читаешь. Она в своих письмах от намеков перешла к прямому напоминанию мне о ее возрасте, моем возрасте и годах, в течение которых я лишаю ее внуков. Но никаких кандидатов. Я думаю, я ей ясно дал понять мои намерения.

– Какие?

– У меня нет времени на женитьбу.

«Постой, это ты о чем?» Нарі резко остановилась.

– Ну-ка, поясни мне... ты считаешь, что я слишком много времени провожу на работе, а сам собираешься стать вечным холостяком, чтобы умереть в одиночестве, регулируя налоговые ставки.

– Твое пренебрежительное отношение к экономике расстраивает меня. – Но Али тоже остановился. – И нет, я не собираюсь откладывать женитьбу до глубокой старости. Просто сейчас я предпочитаю расходовать то малое свободное время, что у меня есть, обмениваясь мыслями с лягушками и изучая книги очень необычной Бану Нахиды. – Его голос смягчился. – Я бы не хотел потерять это.

Слезы обжигали ее глаза. Может быть, он не такой уж и забывчивый.

– А что, если баланс в отчетах и в самом деле не подбит? – прошептала она. – Что, если на приведение их в порядок уйдут долгие годы?

Али улыбнулся, и Нари почувствовала, что падает. Ей хотелось облачиться в сладость этой улыбки и остаться в ней навсегда.

– Я знаю толк в бухгалтерии, и у меня терпение владыки Нила. – Али приблизился к ней на шаг. – Нари, никто не назначал предельного срока для исцеления. Преодоления твоей водобоязни или... или принятия других решений. Правда. Это только самое начало нашей истории. Твоей истории. И ты можешь сделать ее такой, как тебе нравится.

Его ответ был самым обещающим из всех, на которые она могла надеяться, и все же на мгновение она заколебалась, оставалась в неуверенности. Пока что они обходили главную тему. Если бы она передала ему сумочку...

«Будь такой же смелой, как твои родители».

– Тогда у меня есть подарок для тебя.

– Подарок?

Нари кивнула и, взяв Али за руку, усадила рядом с собой на большом плоском камне рядом с тропинкой.

– Да, подарок тебе на день рождения, но я не хотела давать его тебе на глазах у всех. Ведь он может тебе и не понравиться. Или ты можешь не захотеть им пользоваться.

– Я даже представить себе не могу, что мне не понравится твой подарок, – ответил Али. – Хотя тебе не следовало тратить на это время. Я знаю, как ты занята.

– Ты отыскал половину египтян из городских, чтобы спроектировать мой кабинет, а сам в это время занимался ремонтом лазарета.

Али снова усмехнулся:

– То было другое дело. Я твой должник.

Нари ответила ему улыбкой, которая исчезла с ее лица, когда сердце поднялось к ее горлу. Обычно у нее не возникало проблем, когда требовалось отыскать нужное слово. Она могла дразнить и проклинать, командовать, могла переспорить самого голосистого пройдоху и опасного тирана. Но вот с этими протестами ее сердца бороться ей было все еще трудно.

«Но ты уже раскрыла ему свое сердце. Поэтому-то ты и здесь».

– На самом деле именно кабинет и натолкнул меня на эту мысль, – сказала она. – Ты помнишь, что сказал мне тем вечером в лазарете, когда я выставляла себя идиоткой, тоскуя по Египту?

Мрачное выражение затмило его лицо. Вечер, когда они праздновали открытие лазарета, был последним мирным вечером. А после были пролиты реки крови.

– Я тебе сказал, что ты вовсе не выставляешь себя идиоткой, тоскуя по своей человеческой родине, – тихо сказал он. – Что там твои корни и они сделали тебя тем, кем ты стала.

– Ты был первым в Дэвабаде, кто сказал мне такие слова. И единственным. Ты был первым, кто понял меня, понял от начала и до конца, нашел то, что я не могла примирить одно с другим – египтян и дэвов, шафитов и Нахид, воров и целителей, все вместе они становятся сильнее. – Нары глубоко вздохнула, заставляя себя выдержать взгляд Али. – То же самое я хочу сделать и для тебя.

Али громко проглотил слюну. Они оба знали, о чем она ведет речь. Если Али разрывался между двумя разными народами, к которым принадлежали его родители, то это было мелочью в сравнении с той ситуацией, в которой он оказался теперь. Ситуацией, в которой он пребудет до конца дней как посол между маридами и джиннами.

– Хорошо, – произнес он дрожащим голосом. – Вероятно, это на удивление мощная сумочка.

Нари не смогла сдержать нервного смеха, но узел тревоги в ее груди немного расслабился.

– Ты имеешь в виду не сумочку, а то, что в ней. У меня некоторое время назад была пациентка, художница из Та-Нтри, она делает всякого рода талисманы и ювелирные изделия из каменной соли. Ее поделки удивительны; она дала мне прекрасное ожерелье, но предупредила, что оно боится воды. Избыток влаги, избыток тепла – и оно растворится. Я... в общем, я попросила ее сделать что-нибудь для тебя.

Али посмотрел на нее вопросительным взглядом:

– Я тут вижу связь с Аяанле, но я не уверен, что мне стоит иметь вещи, которые растворяются в воде.

– В этом-то и состоит ее назначение, – пояснила Нары. Она протянула ему сумочку, а сердце ее в этот момент колотилось, как сумасшедшее. – Это гезирийская часть.

Все еще хмурясь в недоумении, Али взял сумочку. У него, казалось, ушла целая вечность на то, чтобы расшнуровать бечевку, но, покончив с этим, он извлек что-то завернутое в шелковую материю и принялся разворачивать ее.

А развернув, замер.

Это была маска, мастерски сделанная из монолитного куска розовой соли. Она ярко сверкала в солнечных лучах, как драгоценный камень с тысячью граней. Головокружительный рисунок из звезд и бриллиантов, яблочных и ирисовых бутонов, мигающих над округлыми вырезами для глаз, и изящное вместилище для носа.

У Али явно перехватило горло.

– Это...

– Это брачная маска, – пролепетала она. – Или, по крайней мере, она может стать таковой. Она не сторит дотла, как деревянная, но я подумала, что если ты воспользуешься своими способностями, то сможешь ее растворить. – Ее лицо горело от смущения, но она продолжала: – Мне показалось несправедливым, что ты будешь вынужден отказаться от такой важной гезирийской свадебной традиции из-за того, что ты лишился огненной магии.

– Ты сделала для меня брачную маску, – потрясенно повторил Али. Он впился глазами в подарок. – Я... ты имела в виду кого-то конкретного, кто наденет ее?

«Да!» Ее сердце, казалось, пело, хотя ужас терзал ее при мысли о том, что ей придется сделать столь откровенное заявление.

Но Нари начала издалека:

– Я имела в виду ту, кому все еще нужно время. Ту, кто старается – изо всех сил старается – построить здесь свою жизнь, невзирая на постоянный страх, что в то мгновение, когда она почувствует себя счастливой, вся ее жизнь будет разорвана на части. – Слезы жгли ее глаза, и она быстро, смущенно отерла их. – Но ту, кто надеется, что ее чувства чисты, хотя она пока и не может заявить о них.

– Ах, Нари. – Али ухватил ее руку. – Я не знаю, то ли мне плакать, то ли целовать тебя. Если плакать, то это, вероятно, довольно тревожная реакция, а второе запрещено. – Он наконец встретился с ней взглядом, и, какие бы слова он ни говорил, его глаза уже были влажны, и Нари увидела желание, горевшее в них. – Твои чувства чисты, свет мой, – сказал он по-арабски. – Надеюсь, и мои тоже.

Тяжесть, казалось, стала сдвигаться – стала сдвигаться, но не упала полностью – с ее плеч.

– Ты уверен? Если ты не хочешь ждать, я это пойму. На маске не вырезаны имена...

– Есть только одно имя, которое я хочу видеть вырезанным рядом с моим. – Али явно был не в силах противиться желанию чуть-чуть нарушить устои, а потому взял ее руку, поднес к своим губам и легонько – так легонько, что его прикосновение могло показаться движением воздуха – поцеловал ее пальцы.

Это краткое прикосновение его губ разожгло непомерно сильный пожар внутри нее.

– Слава творцу, – выдохнула она. – Я так нервничала.

– Тебе не нужно нервничать. – Али другой рукой провел по краю маски. – Это самый добрый, самый осмысленный подарок из тех, что я когда-либо получал. Я найду для него безопасное место. Ты не спеши. А когда будешь готова... – Маленькие облачка тумана, которые обычно плавали у его ног, некоторое время назад бурлили, как грозовые тучи, но теперь они успокоились, приклеились к ее коже. – Мы напишем нашу историю.

Нари ждала – не охватит ли ее паника. Лес, в котором обычно громко щебетали птицы и чирикали, перепрыгивая с ветки на ветку, различные волшебные животные, погрузился вдруг в тишину и спокойствие. Этот момент был слишком сладостным, слишком обещающим, но позыв дистанцироваться от него, оградить свое сердце и защитить себя от боли в будущем так и не пришел, и уже одно это казалось знаком, вселяющим надежду.

И все же она не могла не спросить у него не без некоторой подначки:

– И как ты думаешь, наша история будет счастливой?

Али улыбнулся ей:

– Думаю, да.

Благодарности

Я бы никогда не зашла так далеко в этой истории, если бы не интерес и энтузиазм моих замечательных читателей. Спасибо, что терпели меня, и, я надеюсь, вам понравилось это затянувшееся прощание с Нарой, Али, Дарой и остальными членами дэвабадской компании. Джен, прости, если не говорила этого в последнее время, но мне очень повезло, что ты мой агент и тебе хватило чутья увидеть в моем бормотании проект, которым можно поделиться.

Рошани, спасибо тебе за поддержку на раннем этапе идеи попытаться и привести моих персонажей к нетрагическому романтическому концу. Таша, Ровена и Сэм... не могу найти подходящих слов, чтобы поблагодарить вас за помощь во время панической вычитки текста в последнюю минуту. Бункерные

друзья, вы продолжаете оставаться самыми моими лучшими, и, я надеюсь, ваши книги завоюют мир.

И, как и обычно, вся моя любовь Шамику и Алии.

Глоссарий

Люди, племена, животные

АБУ НУВАС, гезирский офицер.

АБУ САИФ, старый солдат и скаут на службе в Королевской гвардии.

АБУЛ ДАВАНИК, торговый посол из Та-Нтри.

АКИСА и ЛЮБАЙД, воины-охотники из ам-гезирской деревни Бир-Набат.

АЛИЗЕЙД, младший сын короля Гассана аль-Кахтани, высланный в Ам-Гезиру за измену.

АНАХИД, избранница Сулеймана, первоосновательница Дэвабада.

АЭШМА, главный ифрит.

ВАДЖЕД, каид и главнокомандующий армии джиннов.

ВИЗАРЕШ, ифрит, напавший на Нари в Каире.

ГАССАН АЛЬ-КАХТАНИ, правитель волшебного царства, защитник веры.

ГЕЗИРИЙСКИЙ язык, язык племени Гезири, понятный только членам их племени.

ГУЛИ, ожившие трупы людей, которые заключили сделки с ифритами, каннибалы.

ДАРАЯВАХАУШ, последний из рода Афшинов, кастовой военной династии дэвов, служившей одесную Совету Нахид, получивший прозвище Бич Кви-Цзы за жестокие действия, учиненные им в ходе войны, и последующий бунт против Зейди аль-Кахтани.

ДЖАМШИД, сын Манижи от Каве и приближенный эмира Мунтадира.

ДЖИНН, человеческое название дэвов. После восстания Зейди аль-Кахтани все его последователи, а в конце концов и все дэвы начали использовать этот термин для обозначения своей расы.

ДЖИННИСТАНИ, общий для Дэвабада смешанный язык торговцев, который джинны и шафиты используют, чтобы говорить с теми, кто вне их племени.

ДИВАСТИЙСКИЙ язык, язык племени дэвов.

ЗАХХАК, крупный, летающий, огнедышащий ящероподобный зверь.

ЗЕЙНАБ, дочь Гасана и Хацет, принцесса Дэвабада.

ИРТЕМИДА, МАРДОНИЙ и БАХРАМ, НОШРАД, ГУШТАП, солдаты.

ИССА, ученый и историк из Та-Нтри.

ИФРИТЫ, первородные дэвы, ослушавшиеся Сулеймана и за это лишенные своих способностей. Заклятые враги семьи Нахид, ифриты мстят, поработав других джиннов, и сеют хаос среди человечества.

ИШТ, маленькое чешуйчатое существо, одержимое порядком и обувью.

КАВЕ Э-ПРАМУХ, старший визирь, дэв, отец Джамшида.

КАНДИША, ифритка, убившая и поработившая Дару.

КАРКАДАНН, магический зверь, похожий на огромного носорога с рогом длиной с человека.

КАРТИР, верховный жрец дэвов.

КАХТАНИ, правящая династия потомков Зейди аль-Кахтани, гезирского воина.

МАНИЖА Э-НАХИД, сестра Рустама и одна из сильнейших за много веков целительниц.

МАРИДЫ, чрезвычайно мощные водные элементарии. Почти мифический для джиннов вид. Маридов не видели столетиями, хотя ходят слухи, что озеро, окружающее Дэвабад, когда-то принадлежало им.

МУНТАДИР, старший сын Гассана от первой жены-гезирки Саффи, наследник короны.

НАРИ, целительница, чьи родители неизвестны, в младенчестве оставлена на человеческой земле, в Египте.

НАСНАС, ядовитое существо, похожее на разделенного пополам человека, которое обитает в песках Ам-Гезиры, чей укус заставляет плоть увядать.

НАХИДЫ, исконные правители Дэвабада и потомки Анахид, были потомственными целителями из племени дэвов, обладали выдающимися магическими способностями.

НИЗРИН, некогда помощница Рустама и Манижи, а теперь – наставница Нары.

НТАРАНСКИЙ язык, язык племени Аяанле.

ПЕРИ, элементали воздуха. Более могущественные, чем джинны, и гораздо более скрытные, пери держатся особняком.

РАЗУ, авантюристка из Тохаристана.

РУСТАМ, один из последних Нахид, талантливый травник, павший от руки ифритов.

РУХ, огромные хищные жар-птицы, которых пери используют для охоты.

СЕСТРА ФАТУМА, лидер «Танзима» и надзирательница за сиротским приютом и благотворительной деятельностью ячейки.

СИМУРГИ, чешуйчатые жар-птицы, на которых джинны любят устраивать гонки.

СУБХАШИНИ и ПАРИМАЛ СЕН, лекари-шафиты.

ХАЦЕТ, королева-аяанле и вторая жена Гассана, происходящая из влиятельного семейства в Та-Нтри.

ШАКР, брат Визареша, убитый Нари.

ШАФИТЫ, значительно ограниченное в правах население смешанной, произошедшей от людей и джинов расы, вынужденное проживать в Дэвабаде.

ШЕДУ, мифические крылатые львы, символ семьи Нахид.

ШЕЙХ АНАС, прежний лидер «Танзима» и ментор Али, казненный королем за измену.

ЭЛАШИЯ, художница из Карт-Сахара.

Названия некоторых предметов быта и реалий

Абайя, свободное женское платье в пол с длинными рукавами.

Азан, в исламе призыв к молитве.

Ахи, «Мой брат».

Бага Нахид, официальный титул целителей Нахид мужского пола.

Бану Нахида, официальный титул целителей Нахид женского пола.

Визирь, правительственный министр.

Галабийя, традиционная египетская одежда, обычно в виде туники до пола.

Гутра, мужской головной убор.

Дирхам/динар, валюта в Египте.

Дишдаша, мужская туника, популярная среди гезири.

Зар, народный обряд, призванный очищать от одержимости джиннами.

Зульфикар, раздвоенный медный меч племени Гезири. Когда такой меч воспламеняется, его ядовитые края уничтожают даже плоть Нахид, что делает зульфикар одним из самых смертоносных видов оружия в этом мире.

Зур, полуденный час / полуденная молитва.

Иша, поздний вечерний час / вечерняя молитва.

Каид, глава Королевской гвардии, по сути, главный военный чин в армии джиннов.

Магриб, закат / вечерняя молитва.

Мидан, городская площадь.

Михраб, ниша в стене, указывающая направление молитвы.

Мухтасиб, инспектор рынка.

Навасатем, праздник, проводимый раз в столетие, отмечающий очередное поколение, миновавшее с освобождения от рабства Сулеймана. Первоначально фестиваль дэвов, Навасатем является любимой традицией Дэвабада, на него стягиваются джинны со всего мира, чтобы принять участие в неделе фестивалей, парадов и соревнований.

Печать Сулеймана, перстень, который Сулейман когда-то использовал для управления джиннами, перстень был подарен Нахидам, а затем украден Кахтани. Носитель кольца Сулеймана может свести на нет любую магию.

Ракат, строка молитвы.

Тальвар, меч Агниванши.

«Танзим», низовая фундаменталистская группа в Дэвабаде, посвященная борьбе за права шафитов и религиозную реформу.

Тауба, традиционная арабская одежда в виде рубахи до щиколоток, с воротником и длинными рукавами.

Ухти, «Моя сестра», обращение.

Улемы, ученые-богословы.

Фаджр, час рассвета / утренняя молитва.

Хамам, баня.

Чадра, открытая верхняя женская одежда дэв из полукруглого отреза ткани, брошенная на голову.

Шафиты, население со смешанной кровью джиннов и человека.

Шейла, тип женского платка.

Шейх, духовный лидер.

Эмир, наследный принц и престолонаследник Кахтани.

География

АГНИВАНШИ, простирается от кирпичных костей древней Хараппы по плодородным равнинам Декана и туманным болотам Сундарбанов. Область, благословенно богатая всеми ресурсами, о которых можно только мечтать, и отделенная от своих гораздо более переменчивых соседей широкими реками и высокими горами, Агниванша – мирная земля, славная своими ремесленниками и драгоценностями... И достаточно прозорливая, чтобы держаться подальше от Дэвабада с его бурной политикой.

АЯАНЛЕ, расположенная между стремительными верховьями Нила и соленым побережьем океана Бет-иль-Тиамат, является легендарной родиной могущественного племени Аяанле. Богатые золотом и солью – и достаточно далеко от Дэвабада, чтобы его кровавая политика не влияла на население области. Аяанле – народ, которому можно позавидовать. Но за их сверкающими коралловыми особняками и изысканными салонами скрывается история, которую они начали забывать... то, что связывает их кровью с соседями-гезири.

ДЭВЫ, от Жемчужного моря через равнины Персии и горы богатой золотом Бактрии простирается могущественный Дэвастан, где сразу за рекой Гозан лежит Дэвабад, скрытый латунный город. Издревле резиденция Совета Нахид, знаменитой семьи целителей, которые когда-то правили миром магии, Дэвастан – обетованная земля, чья цивилизация восходит к древним городам Ур и Сузы и кочевому народу Сака. Гордый народ дэвы объявили первоначальное название расы джиннов своим собственным... Другие племена до сих пор не забыли им этой заносчивости.

САХРЕЙН, земля, простирающаяся от берегов Магриба через обширные дали пустыни Сахара – это Карт-Сахар, страна басен и приключений даже для джиннов. Предприимчивый народ, не особо почитающий чужеземное правление, племя Сахрейн, знает тайны своей страны лучше, чем кто-либо другой, – здесь многоводные реки текут в пещерах глубоко под песчаными дюнами, здесь находятся древние цитадели человеческих цивилизаций, потерянных во времени и видоизмененных с помощью забытой магии. Опытные моряки сахрейнцы путешествуют на кораблях из колдовского дыма и веревок над песком и морем.

ТОХАРИСТАН, к востоку от Дэвабада, извиваясь по вершинам Каракумских гор и обширным пескам Гоби, лежит Тохаристан. Торговля – его жизненная сила, и тохаристанцы строят свои дома на руинах Забытых королевств Шелкового пути. Они путешествуют невидимыми караванами из дыма и шелка по дорогам, проложенным людьми тысячелетия назад, и везут с собой артефакты из мифов: золотые яблоки, которые лечат любую болезнь, нефритовые ключи, которые открывают невидимые миры, и ароматы, которые пахнут раем.

ШЕСТЬ ПЛЕМЕН ДЖИННОВ ГЕЗИРИ, джинны Ам-Гезиры, окруженные водой и оказавшиеся за плотной полосой людей в Плодородном Полумесяце, пробудились от проклятия Сулеймана в совершенно ином мире, нежели их огненнокровные сородичи. Отступая в умирающие города набатеев и в неприступные горы Южной Аравии, гезири в конце концов научились разделять тяготы жизни со своими человеческими соседями, став при этом яростными защитниками шафитов. Из этой страны странствующих поэтов и воинов с зульфикарами пришел Зейди аль-Кахтани, мятежный король, который захватил Дэвабад и печать Сулеймана у семьи Нахид в войне, которая переделала волшебный мир.

* * *

notes

Примечания

1

Ласкательный термин, означающий «моя сестра» (араб.).

2

Братец (араб.).

